

ИСТОРИЧЕСКАЯ АВАНТЮРА

РИМ

Юлия ГОЛУБЕВА

РИМ
ЦЕНА ВЕЩИЧЬИ

«КРЫЛОВ»

Юлия Голубева

Рим. Цена величия

«Крылов»

2011

Голубева Ю.

Рим. Цена величия / Ю. Голубева — «Крылов», 2011

ISBN 978-5-4226-0153-0

Nemo homini lupus est. Не убьешь ты – убьют тебя. Так они говорили и так они думали. Римская империя эпохи своего наивысшего расцвета. Сердце империи – Рим, Вечный город, центр античной цивилизации. На его улицах звучат все языки мира. Громовой поступью проходят легионы. Слепит глаза красота женщин разных стран и народов. Здесь наслаждаются кровавыми зрелищами и предаются разнузданным оргиям. Здесь живут великие поэты, философы, скульпторы. Здесь соседствуют вызывающая роскошь и бесправное рабство. Здесь бесконечно плетут интриги и заговоры. Здесь процветают глубоко порочные личности, и именно они постоянно оказываются на вершине власти. Гай Цезарь Калигула идет к вожденному римскому трону, никого не щадя. Рядом с ним Юния Клавдилла, сообщница, любовница и жена. Это поистине роковая женщина: умная, красивая, кружащая головы мужчинам. И вместе с тем она же – само коварство, хладнокровная убийца, двуличное создание. Необычайно умело пользуясь своими чарами, она превращает грозных государственных мужей в послушных агнцев, слепо исполняющих ее волю. Величайшая преступница, какую только видел свет. И величайшая женщина, которой нельзя не восхищаться...

ISBN 978-5-4226-0153-0

© Голубева Ю., 2011

© Крылов, 2011

Содержание

I	5
II	10
III	14
IV	20
V	23
VI	28
VII	30
VIII	33
IX	38
X	48
XI	53
XII	58
XIII	60
XIV	62
XV	65
XVI	68
XVII	72
XVIII	74
XIX	80
XX	83
XXI	89
XXII	95
XXIII	100
XXIV	104
XXV	107
XXVI	113
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Юлия Голубева

Рим. Цена величия

I

Торговый финикийский корабль, ошестинившись рядами поднятых весел, стоял недалеко от Остии. Туман густой пеленой висел над морем, обволакивая судно молочной пеной. Слабые отблески остийского маяка изредка прорывали белесую завесу, и гребцы отдыхали, выжидая, когда взойдет солнце и ветер разгонит туман.

Смутный финикиец, владелец корабля, заметно нервничал, его длинные пальцы нетерпеливо барабанили по бортику. Досадная задержка его раздражала. Плавание с самого начала шло неудачно. Из-за пробоины намокла часть тюков с благовониями, а некоторые амфоры с драгоценным вином оказались надтреснуты. Пробоину за немалые деньги залатали в порту Александрии, на судно погрузили закупленную по случаю отборную пшеницу, но то ли египтянин оказался мошенником, то ли виновата была проклятая сырость в трюмах – груз оказался подпорчен расплотившимся с невероятной скоростью жучком.

Финикиец еще раз горестно вздохнул, прикинув в уме убытки, и в очередной раз пожалел, что взял недостаточную плату со своих случайных попутчиков. В Александрии к нему подошел пожилой римлянин и, не назвавшись, попросил доставить в Остию его с семьей. Торговца пленили дивные глаза его дочери, закутанной в паллу, и он согласился, надеясь втайне на более близкое знакомство с таинственной римлянкой. Но надежды не оправдались: девушка ни разу не показалась из своей каюты, где преданно ухаживала за больным отцом, жестоко страдавшим от морской болезни. Зато его жена, пышнотелая матрона с величественной осанкой, не в меру болтливая и злоязычная, не давала покоя разговорами, но выведать, кто они и зачем едут в Рим, финикиец так и не смог. Разговорчивая матрона тут же замолкала или принималась разглагольствовать на другую тему. Поэтому, едва завидев берега Остии, уставший от несносной женщины и непонятных тайн торговец вздохнул с облегчением.

Финикиец мысленно взмолился далеким богам его родной земли, но даже малейшая рябь не всколыхнула море, а туман угрожающе потянулся на палубу, скрыв из виду корабельный нос, украшенный гордым ликом Астарты.

И тут боги ниспослали финикийцу утешение! Таинственная римлянка с прекрасными глазами появилась на палубе – видимо, известие, что показался остийский маяк, уже достигло каюты. Она быстро огляделась по сторонам, с наслаждением вдыхая морской воздух, и встала на носу, нетерпеливо вглядываясь вдаль. Ее маленькая изящная ножка, обутая в желтую сандалию, раздраженно постукивала в такт неторопливым взмахам весел.

– Юния, запахнись! Подхватишь простуду! – крикнула ей матрона, показавшись следом на палубе.

Но девушка лишь досадливо отмахнулась, назло отбросив паллу с плеч и распустив взмахом руки чудные белокурые волосы.

– Вот бесстыжая! Марк Юний, не стой как истукан, скажи своей дочери, чтоб оделась.

Пожилый мужчина с бледным лицом, иссушенным морской болезнью, не отвечая ей, подошел к торговцу. Между ними завязался разговор, в течение которого финикиец не сводил масляных глаз с дочери римлянина.

Матрона заметила его нескромные взоры и сама подошла к девушке:

– Юния, не позорь славное имя своих предков. Смотри, как вожаденно пялится на тебя этот неотесанный финикиец. Если ты не накинешь паллу...

Девушка резко повернулась к женщине:

– Ты мне не мать, чтобы указывать. Здесь, в Риме, все будет по-другому, я не стану больше терпеть твои угрозы и издевательства.

Женщина опешила. Гримаса ярости исказила ее миловидное лицо, она замахнулась, но Юния мгновенно перехватила ее руку и, прижавшись к уху губами, зашептала:

– Если ты не отойдешь, то окажешься в воде раньше, чем дотронешься до меня еще раз.

Со стороны казалось, что женщины, дружески обнявшись, беседуют. Финикиец одобрительно кивнул Марку Юнию, но тот нахмурился, однако разговор вновь увлек его, и он перестал обращать внимание на женщин.

– Если ты думаешь, что твой ненаглядный Гай ждет тебя, то ошибаешься. – Голос матроны срывался от негодования. – Ты не нужна ему, каждый в Александрии знает, что у этого сорванца на уме одни шлюхи и драки.

– А кто, по-твоему, упротил нашего императора вернуть отца в Рим и восстановить в гражданских правах и звании патриция, которое он и так запятнал, женившись на бывшей рабыне? Я ненавижу тебя, Кальпурния, ты украла у меня любовь отца и опозорила славное имя Юниев. – Глаза девушки разгорелись злым черным огнем. – Я добьюсь вашего развода, когда выйду замуж за Гая. Я уверена, он помнит меня.

Юния отошла от мачехи, но та не отставала от нее. Огни маяка проступили ярче, разрывая белесый туман. Поднимался слабый ветерок. Девушка молчала и думала: «Гай, мой милый Гай! Я верю в твою любовь и наши клятвы. Мы скоро будем вместе, и Рим склонится к нашим ногам. Ты станешь императором, и весь мир будет принадлежать лишь нам двоим».

Кальпурния, угадывая мысли Юнии, решила еще подлить масла в огонь:

– Скоро ты убедишься, что не нужна ему. Кто будет встречать нас? Толпа нищих голодранцев, вымаливая ассы? Достойная встреча для будущей императрицы Рима! Я добьюсь согласия отца посадить тебя под замок и выдать замуж за старого богача. Сама подберу тебе мужа, может, им будет вольноотпущенник, который захочет взять дочь славного, но обедневшего Силана? Я сгною тебя заживо, заморю голодом, если ты откажешься подчиниться моей воле. Знаешь о казни весталок, которые нарушают обет целомудрия? Тебя ждет эта пытка, я слою голову свою, но сломя твой дух, гордая Юния Клавдилла.

Юния вздрогнула. Она не знала, что мачеха питает к ней такую сильную ненависть. Когда они жили в Александрии, Кальпурния была при муже ниже травы, лишь в дни его отъездов мучила свою падчерицу, без вины била по щекам и сажала на хлеб и воду. Красота Кальпурнии, которой она соблазнила Силана, начала увядать, а вот Юния расцвела под жарким египетским солнцем. Когда свои волосы выпадают, несмотря на всякие притирания, а роскошь волос соперницы заставляет поэтов посвящать ей эпитафии, тут уж без зависти не обойдешься. Чего только не предпринимала Кальпурния, чтобы наложить проклятье на падчерицу! Все александрийские ведьмы плели козни, зарывали ее волоски в землю на перекрестках семи дорог, кололи булавами восковые куколки, приносили жертвы Гекате. Но черная богиня не хотела помогать им. Только эта бессмертная знала тайну Юнии Клавдиллы и Гая Калигулы, что неразрывно связала их жизни, лишь амулет, посвященный трехглавой Гекате, был тому свидетелем.

Неожиданно подошел отец. Ему вновь стало плохо. Малейшая качка приводила его в ужас, с чем гордое сердце не желало мириться, и он искал поддержку у дочери, а не у язвительной жены.

– Кальпурния, спустись вниз, приведи в порядок вещи, скоро мы уже войдем в устье Тибра.

К облегчению Юнии, мачеха удалилась, послав ей лишь взгляд, полный неприкрытой враждебности.

– Дочка, почему вы так ненавидите друг друга? Я мечтал, что она заменит тебе мать. Бедная Клавдия даже не успела увидеть, какой ты родилась красивой, Танатос унес ее душу на

елисейские поля. Я очень любил Клавдию, а ты совсем не похожа на нее. У твоей матери был скромный нрав, ты же вся в меня. Боги ошиблись – у тебя душа воина, а не нежной девушки.

– Отец, я не хочу жаловаться на Кальпурнию, но она пророчит мне несчастья, я боюсь ее злого языка. Она уверена, что Гай разлюбил меня.

– Юния, милая, я на твоём месте не стал бы полагаться на чудо. Вы не виделись более десяти лет, разве возможно, чтобы чувства того, кто слывет на всю империю ветреником и распутником, пережили столь долгий срок? Вы были малыми детьми, когда вас разлучили. Подумай, стоит ли тешить себя бесплотной надеждой?

Черные глаза девушки разгорелись еще ярче. Маленькие изящные ручки сжались в кулаки так сильно, что розовые ноготки впились в ладони.

– А кто, отец, вытащил нас из захолустья? Я уверена, что именно Гай сумел умолить императора Тиберия восстановить тебя в гражданских правах, которых наша семья лишилась еще при божественном Августе.

– Ты хорошо знаешь историю нашего славного рода, но мало что смыслишь в людях. Тиберий справедлив, и твой Калигула тут вовсе ни при чем. За эти годы ты не получила ни одной весточки от него. А назвать дивную Александрию захолустьем, – отец гневно поглядел на дочь, – это, право, уже слишком. Вся империя восхищается нашим городом, превосходящим по красе даже суетный Рим. Наша библиотека, храмы, роскошные сады... мне будет не хватать дорогих сердцу мест для прогулок.

Юния Клавдила закуталась в свой плащ и, не дослушав, отошла от отца. Ей не хотелось, чтобы он заметил ее злые слезы. И никто в целом свете не сумел бы убедить ее в неверности Гая.

Подул сильный ветер, наконец наполнив парус, и корабль быстро приблизился к гавани, лавируя между стоящими на якоре судами. Статуя огромного Нептуна выросла на берегу. Взгляд грозного бога с широкой бородой и мускулистым торсом был устремлен в морскую даль, а постамент и нижнюю часть туловища окружали леса: ваятели, спешившие к ежегодному празднику владыки океанов, еще не закончили свою работу, и стук их маленьких молоточков разносился по округе, долетая даже до корабля с величественной чужеземной богиней. Мраморные колонны остийского храма Аполлона гордо возносились в небо, вершины их терялись в тумане. А там далеко был Рим.

Капитан кричал, что прибыл корабль из Александрии. Юния напряженно вглядывалась в толпу. Работа кипела на пирсе: разгружались суда из далеких провинций, благовония и пряности источали дивный аромат, перебиваемый въедливым запахом свежей рыбы. Рабы таскали на мощных плечах тюки с товарами, перекачивали амфоры с вином из Родоса, тут же калеки, шатаясь меж приезжими, выпрашивали хлеб. Портовые девки зазывали моряков. И вся эта толпа создавала такой невообразимый шум, что у Юнии зазвенело в ушах.

Тонкая полоска воды отделяла ее от величия или разочарования, но только боги ведали будущее.

Они наконец причалили, и рабы сбросили деревянный настил. Финикийский торговец поспешил сойти вниз, забыв попрощаться, и теперь Силану и его семье приходилось терпеливо дожидаться, пока рабы выгрузят из трюма товар. Юний шумно вздохнул: ему хотелось поскорее почувствовать под ногой землю, а не зыбкое днище и пропустить стаканчик-другой вина.

Попрошайки мельтешили вокруг, норовя что-нибудь стащить. Несколько вигилов важно наблюдали издали за разгрузкой.

В конце концов шаткий настил освободился, и Марк Юний, к своему облегчению, наконец ступил на твердую почву, радостно озираясь вокруг. Теперь галерные рабы выгружали их вещи. Но Юния все еще стояла на корме.

Где же Гай? Неужели он так и не приехал? Может, не сумел найти ее среди этого скопища людей? Она медлила сойти на землю, напряженно вглядываясь в толпу.

– Спускайся, глупая гусыня! – раздался рядом голос Кальпурнии. В руках ее был резной ларь с фигурками пенатов. – Нет твоего бездельника, пьянствует в римском лупанаре. Думала, встречать ее придет!

Юния посторонилась, пропуская мачеху. «Чтоб ты грохнулась, старая развалина», – только и успела подумать она, как Кальпурния, ступив неверной ногой на настил, поскользнулась и под всеобщий хохот съехала вниз. Силан кинулся к ней и помог подняться, отряхивая столу. Мачеха была раздосадована, посылала гневные взоры смеющимся и осыпала упреками неповинного мужа.

Неожиданно собравшаяся толпа заволновалась, подобно морской глади, которую будоражит налетевший ветер, зеваки отхлынули в сторону...

И случилось чудо, которого так ждала Юния! Огромный раб-нумидиец с эмблемой цезаря на груди подбежал к кораблю, взлетел на палубу и пал ниц перед девушкой, протягивая пергаментный свиток:

– Письмо Юнии Клавдилле. Госпожа, не гневайся за досадное опоздание. Сейчас придут твои носилки.

Дрожащей рукой Юния взяла свиток, но не успела развернуть, как раззолоченные носилки под белоснежным балдахин, поддерживаемые высоченными черными рабами, приблизились к кораблю. Длинноволосая рабыня посыпала лепестками роз деревянный настил и жестом пригласила девушку спуститься.

– Моя госпожа, меня зовут Гемма, я принадлежу тебе. – Она низко поклонилась. – Нам дан приказ доставить тебя немедленно в Рим на Палатин, где давно уже ожидают.

Юния медленно сошла по настилу. Сердце ее счастливо трепетало, ладонь нервно сжалась, сминая свиток с драгоценным посланием. Раб поднял ее как пушинку и усадил в носилки.

– Какие будут приказы, моя госпожа? Мое имя Ботер, я раб наследника императора, – сказал он, не поднимая глаз. – Здесь для тебя оставлен кошель с золотыми, угодно будет что-нибудь купить?

– Передай деньги моему отцу, пусть они найдут достойный экипаж, чтобы добраться до Рима.

– Об этом уже позаботились, госпожа Юния.

Раб отошел, чтобы отдать приказ насчет отъезда. Юния приподняла занавес носилок: отец и ненавистная мачеха, позабыв приличия, с открытыми ртами смотрели на происходящее.

– Да падет проклятье на твою голову, Кальпурния. Злой язык подвел тебя на этот раз. Мой верный возлюбленный помнит обо мне. Отец, встретимся в Риме.

И рабы, бережно поддерживая свою драгоценную ношу, опустили носилки на изящную повозку, запряженную двумя небольшими тонконогими лошадками. Возница хлестнул кнутом, и они тронулись в путь. Рабы-носильщики побежали рядом.

Юния легла на мягкие подушки, рабыня сняла с нее пахнущую соленым ветром столлу, обтерла нежную кожу девушки губкой с душистым маслом, сделала легкий массаж, помогла облачиться в нежно-розовую тунику, надушила благовониями и принялась расчесывать волосы, ловко укладывая их в замысловатую прическу на греческий манер. Оттягивая с трепетом миг, когда она развернет свиток, таящий для нее все блага мира, девушка посмотрелась в золоченое зеркало и счастливо вздохнула. Как она красива, Гай не будет разочарован после стольких лет разлуки. При виде торопливого неровного почерка сердечко ее затрепетало.

«Гай Цезарь – Юнии Клавдилле.

Единственная моя! Я ждал тебя все эти годы, ускоряя, как мог, твой приезд. Я люблю тебя так же сильно, как и тогда, в далекой Антиохии, когда перед алтарем Астарты мы давали

наши клятвы. Волнуюсь, помнишь ли меня, не привязалось ли твое сердце к другому. Но нет, чувствую всей душой, что осталась ты мне верна, моя незабываемая Юния. Vale!¹»

Юния прижала свиток к губам и откинулась на подушки. Все ее надежды, чаяния исполнились. Ошиблась старая Мартина – она будет счастлива со своим возлюбленным!

Истерзанное разлукой и тревогой сердечко наконец притихло, наполнившись сладостными воспоминаниями детства...

¹ Vale! – «Будь здоров!» (лат.). Этим словом римляне обычно заканчивали письма.

II

...Тот жаркий день изменил размеренную жизнь звезды Египта Александрии.

На улицах было тихо. Многолюдный рынок опустел, лавки закрылись. По улицам невозможно было пройти, песок из сердца Африки наводнил город. Только городские старейшины и Марк Юний Силан вместе с маленькой дочкой в плотно закрытых носилках ожидали в порту прибытия правителя всех восточных провинций. Площадь, окруженная чудными дворцами и храмами, была печально безлюдна. Столбики песка, гонимые ветром, кружились меж колоннами портиков, разбиваясь о многочисленные статуи богов. Священную птицу египтян – мраморного ибиса с перевитым змеей постаментом – засыпало почти до самого верха, торчал только изогнутый клюв. Греческий Гермес в крылатых сандалиях неподалеку от каменных сфинксов выглядел не лучшим образом. Лишь белоснежный фаросский маяк вдали сиял во всем своем великолепии.

Прошел уже не один час, рабы без конца приносили прохладное вино, не спасали даже холодные примочки на лоб. Маленькой Юнии не сиделось в носилках, она без конца выглядывала, получая всякий раз нагоняй от отца. Песок уже успел набиться внутрь. Наконец корабль бросил якорь. Рабы расстелили дорогие ковры и прикрыли сход огромными пальмовыми листьями, чтоб песок не потревожил правителя. Юния с интересом наблюдала за этими приготовлениями. Ей не терпелось увидеть прославленного полководца и его знаменитую жену. Германик и Агриппина! Повторяя эти имена, она засыпала каждую ночь, и во сне ей снились битвы с воинственными германцами. Ей хотелось стать легионером, а отец смеялся над ней.

Однако девочке пришлось разочароваться в своих ожиданиях. Знаменитый полководец сошел на берег босиком, в простой греческой одежде, за ним следом спустилась женщина, закутанная в широкий плащ. Юния откинулась на подушки. Она даже не пожелала смотреть, как разгружали багаж правителя, как ее отец говорил приветственную речь. Ей хотелось домой, в прохладу крытого садика с фонтаном. Девочке было обидно – прождать столько часов под обжигающим песком сирокко и не увидеть огромного, как ей представлялось, корабля, множества легионеров в сверкающих доспехах, властного командира, его красивую неустрашимую жену. Но вдруг занавески раздвинулись, и глаза девочки встретились с внимательным взглядом рыжеволосой незнакомки.

– Вы посмотрите на эту царицу Египта, сидит одна, – сказала женщина. – Давай знакомиться, маленькая Юния Клавдилла. Я – Агриппина.

Юния удивленно воззрилась на нее и даже не сразу догадалась отвесить учтивый поклон:

– Откуда ты знаешь меня?

– Заметила, как маленькая девочка выглядывала из носилок, а Силан сказал, что ты – его дочь. Выходи, отправимся вместе на маяк. Мы с Германиком давно мечтали осмотреть это чудо света.

– Госпожа, песок засыплет нас с ног до головы, лучше переждать несколько дней.

– А я думаю, не стоит нам медлить.

Агриппина чуть ли не силой вытащила Юнию из носилок. Юния зажмурилась, ожидая порыва сирокко, но удивлению ее не было предела, когда она поняла, что ветер перестал дуть, будто по мановению руки Сераписа, верховного бога.

– О боги! – воскликнула девочка. – Хорошая примета для начала дел нового правителя. Слава Изиде, теперь голод в Египте прекратится.

Агриппина обняла ее:

– Ты так похожа на мою дочку Друзиллу! Она сейчас в Риме, и я сильно скучаю по ней. Пойдем познакомлю тебя с мужем.

Однако Германик не столь сильно заинтересовался маленькой девочкой, лишь вежливо кивнув в ответ на ее приветствия. Он внимательно слушал старейшин, которые наперебой жаловались на перекупщиков зерна.

– Да, правитель, – торопливо говорил один из них, – зерна достаточно, хотя последний урожай был плох, но амбары ломятся от того, что было ссыпано в них еще два года назад. Перекупщики держат высокие цены, поставляя зерно на продажу в малых количествах. Немногие могут позволить себе купить даже толику.

– Я разберусь. – Голос Германика был громок, он произносил слова быстро и отрывисто. – Надо созвать совет на площади как можно быстрее. Пусть все соберутся к полудню, и я с ними потолкую.

Юния с Агриппиной поднялись на маяк. Чудо света поражало своим великолепием. Огромная квадратная башня из белого мрамора, увенчанная другой поменьше, восьмигранной, наверху которой между колоннами каждую ночь зажигался большой костер, указывающий дорогу кораблям. Юния и Силан привыкли лицезреть это чудо каждый день, а вот гости были потрясены его красотой. Германик даже пожелал лично зажечь огонь и долго любовался удивительными статуями, подробно расспрашивая об их хитроумном устройстве.

Юнию Клавдиллу отправили из порта домой, и Агриппина поехала к ним в гости. Девочке было стыдно знакомить ее, знатную римлянку, с мачехой. Отец опозорил достоинство патриция, женившись по любви на вольноотпущеннице богатого александрийского торговца. Но Агриппина оказалась более терпима к нарушениям сословных различий и нашла с Кальпурнией общий язык.

С проблемами Германик разобрался быстро, открыв государственные хлебные склады, снизил благодаря этому цены на хлеб и сделал много добра простому народу. Население Египта ликовало, воздавая славу богам, молясь за здоровье нового правителя, положившего конец бесчинствам торговцев.

Германик не задержался долго в славном городе Александра. Без лишней свиты, отказавшись от всех приглашений, вдвоем с Силаном он провел день в знаменитой на весь мир библиотеке, осмотрел грандиозные храмы Сераписа, Изиды Лохайской – богини, наиболее чтимой как в Египте, так и в Риме, вавилонской Астарты. Вместе с Агриппиной они принесли жертвы святыне Афродиты, гуляли по чудным садам, где росло больше тысячи пальм, поклонились праху Александра в прозрачной гробнице.

Затем Германик уговорил Силана сопровождать его в путешествии по Нилу в глубь Египта, о чем давно мечтал. По просьбе Агриппины Юний взял с собой дочь: жена правителя, тоскуя по дочкам, привязалась к очаровательной белокурой малышке.

Юния отчетливо помнила это долгое плавание по огромной реке с пузатыми пальмами по берегам. Они осматривали пирамиды, священного Сфинкса, охраняющего вечный сон фараонов, бродили по развалинам древних Фив.

Но самое поразительное впечатление оставили в детской памяти колоссы Мемнона. Задрожав от страха при первых звуках жуткого плача, Юния обхватила колени Агриппины, путаясь в складках ее толы:

– Мама, мама, спаси меня! О, боги! Это наша смерть!

Германик оторвал ее от жены, резко повернул к себе. У Юнии от ужаса перехватило дыхание, когда она увидела его злые глаза.

– Никогда не бойся ничего. Этот колосс нарочно так устроен, чтоб наводить ужас на суеверных людей. У него в горле трубка, а в пустой груди воздух, который, нагреваясь на восходе солнца, как сейчас, поднимается потоком и выходит через горло. И прекрати реветь!

Но уговорить Юнию, что это не плохое предзнаменование, а просто задумка древнего фараона для устрашения врагов, не получилось. Ее беспрестанные слезы ухудшили всем

настроение. И даже Агриппина погрузилась в мрачную задумчивость. Интуиция не подвела ее. На следующий день Германик получил известия из далекого Рима.

Тиберий перед лицом сената сурово осудил Германика за нарушение предписания божественного Августа, согласно которому сенаторам и всадникам было запрещено приезжать в Египет без особого разрешения. Это был один тех указов, изданных в целях безопасности Рима и преграждавших доступ в одну из богатейших провинций. Тиберий подозревал, что популярный в народе и армии Германик может, захватив даже малыми силами ключи² к Египту, удерживать их в своей власти и прекратить поставки продовольствия Риму.

Эти известия несли в себе огромные неприятности – что может быть хуже, чем немилость всемогущего цезаря? Это расстроило Германика и заставило повернуть назад.

Агриппина уже не играла с Юнией, а проводила больше времени с мужем. Девочка скучала. Лишь под вечер добрая женщина приходила пожелать ей спокойной ночи и, ненадолго задерживаясь около ее кровати, рассказывала Юнии о своем сыне. Именно тогда девочка впервые услышала о Гае. Он, как объяснила Агриппина, был оставлен в Антиохии на попечении наставника за постоянное непослушание. Чаще всего Клавдилла просила рассказать ей, как маленький Гай усмирил мятежных легионеров.

Воины очень любили сына Германика, беззаботно разгуливавшего по лагерю в простой солдатской одежде и грубых сапожках. Именно из-за них он и получил среди солдат свое прозвище Калигула (Сапожок), которое носил с гордостью.

После кончины Августа легионы подняли бунт, и Германик, опасаясь за жизнь близких, отправил семью в Треверы. Но солдаты даже не дали повозке, где сидела Агриппина с детьми, выехать за пределы лагеря. На коленях они умоляли не отсылать любимого Сапожка, клялись в верности и тут же пообещали выдать всех мятежников и возмутителей спокойствия.

– Удивительно, – сказала Юния, – но ваш сын – маленький бог, он в одиночку справился с огромным войском.

Агриппина и Германик тревожно переглянулись.

– Какой он бог, малышка? Просто маленький мальчик, которого полюбили солдаты, давно разлученные со своими семьями. Ложись спать, уже поздно, даже Калигула спит в далекой Антиохии.

Они вышли. Но через тонкие занавеси Юния услышала, как Германик сказал Агриппине:

– Все эти разговоры о его божественности мне не по душе. Этот сорванец и так мнит о себе невесть что. Солдаты тогда твердили Калигуле, что он и только он подавил мятеж, рассказывали ему байки, что, когда он станет великим императором, одержит удивительные победы. Мальчишку это жутко разбаловало.

– Да, Гай – трудный ребенок, – со вздохом согласилась Агриппина. – Нрав его сильно испортился, когда мы вернулись в Рим. Все считали мальчишку героем. На него без конца пялили глаза, приветствовали криками, оказывали всяческое внимание. Вспомни, как он...

Их голоса удалились, и Юния не услышала более ни слова. Но именно тогда у нее зародилась уверенность, что Германик завидует своему сыну. Больше жизни ей захотелось увидеть настоящего маленького бога. Вспоминая рассказы о юности богов, она думала в детской наивности, что Сапожок превзошел их подвиги. Ведь Гай подавил опасный мятеж целого войска, спас мать, отца и самого цезаря.

Весь обратный путь в Александрию Юния уговаривала отца отправиться с Германиком в Сирию, но Сиран колебался. Двадцать лет он прожил в Александрии, и тяжело было сниматься с насиженного места. Но Юния догадывалась о причинах его нежелания. Отец до смерти боялся качки на корабле, приступы морской болезни одолевали его, если на море поднималась хоть

² Ключами Египта считались с суши – укрепленный город Пелузий, близ устья восточного рукава Нила, с моря – остров Фарос близ Александрии со знаменитым маяком, сооруженным при Птолемеях Филадельфе.

малейшая рябь. Но Юнию это мало волновало. Образ белокурого мальчика не давал ей покоя даже в снах, он являлся ей весь сияющий, с лавровым венком, протягивал руки и манил за собой. Желание увидеть его преследовало девочку, как наваждение. Но она умело скрывала от всех свои мысли – ни Агриппина, ни тем более Германик не догадывались ни о чем. Жена правителя больше не рассказывала ей историй о Гае, и Юния невзлюбила ее за это, однако по-прежнему к ней всячески ластилась. Большую роль в привязанности к ней Агриппины играло и явное сходство с Друзиллой, самой любимой и красивой из дочерей. Агриппина как-то сказала девочке, что Германик и сам завел разговор с Силаном, чтобы тот с семьей сопровождал его в Сирию. Из Антиохии приходили плохие новости. Новый наместник Гней Пизон, назначенный Тиберием, строил козни, и Германику нужна была поддержка нового друга. И Силан сдался...

Покачивание носилок убаюкало Юнию Клавдиллу, и она задремала, по-прежнему прижимая к груди драгоценное письмо. Рабыня тихонько обмахивала ее опахалом. Они продвигались по Остийской дороге и через Раудускуланские ворота в стене Сервия Туллия вступили в Вечный город. Девушка даже не заметила, как носилки перекочевали вновь на плечи дюжих рабов. Усталость и пережитые волнения не выпускали Юнию из царства Морфея, а громкий шум толпы лишь заставил ее перевернуться и застонать во сне, но Гемма ласково обтерла ей лоб влажным душистым лоскутом, и Юния проспала до самого Палатина, ни разу не кинув взгляд на долгожданный Рим. Она не увидела и знаменитого Аппиева акведука, храма Дианы на Авентинском холме, мимо которого они проезжали, даже Большой цирк вряд ли заинтересовал бы ее, открой она в тот миг глаза. Да и что ей Вечный город со своей непрекращающейся суетой, если ее любимый хранил верность ей столько лет.

III

Солнце клонилось к закату, бросая золотые отблески на палатинские дворцы. Крыши храмов форума ярко сияли, заставляя жмуриться прогуливающихся. Начались вечерние чтения на ростральных трибунах, множество зевак стремилось на форум – поглазеть, послушать последние сплетни, встретить знакомых. Карманники выискивали жертвы среди пестрой толпы, зазывалы тянули к себе в лавки, ювелиры нахваливали украшения, менялы звенели монетами на весах, тут же фокусники показывали затейливые трюки в надежде заработать ассы на выпивку и ночлег. Слышались окрики и хлопанье бича, которыми награждали охранники простой люд, не успевший уступить дорогу носилкам знати.

Но лишь одного человека в Риме не волновала вечерняя суета. Раб, подготовивший тогу, был отослан прочь, парикмахера велели выпороть за плохую прическу. Настроение господина было ужасным, и все слуги затаились в страхе.

Но никто не знал причины, кроме самого хозяина. Он сидел в темной комнате с потухшими светильниками и не желал видеть даже своих друзей.

«Ну почему, почему так долго нет Ботера? Я убью его своими руками, если этот негодяй не придет до захода солнца. Я же приказал привезти ее как можно быстрее, иначе сердце мое разорвется от долгого ожидания. О боги, приблизьте миг свидания, прошу вас!»

Но никаких шагов не слышно в коридоре, во дворце по-прежнему тишина, лишь доносятся с форума неясные отрывистые звуки. Калигула откинул голову на подушки, и вновь жаркий день в Антиохии залил ярким солнцем его истерзанную бесконечной разлукой душу.

...Жара стояла страшная, казалось, солнце навеки застыло в зените, и ни капли дождя уже месяц.

Сегодня должны вернуться родители. Маленький Гай стоит на коленях перед домашним алтарем и молит богов, чтобы они задержали родителей в пути. Пусть их корабль перевернется в море, пусть на них нападут разбойники, только бы подольше их не видеть. Здесь он совсем один, хозяин в большом доме, все рабы боятся. И зачем вчера он вздумал играть с мечом? Он не хотел убивать старую Хрису, но так было весело, когда алая кровь потоком хлынула из раны. Наставник хотел выпороть его и запереть, но Гай убежал и спрятался в темном подвале, где и провел ночь. Утром, разбуженный криками и беготней, он понял: приезжает Германик. А теперь придется отвечать за все – за забитых кур, исколотые булавками лица служанок, перебитые ноги любимой лошади Германика, перевернутую спальню матери и... за смерть рабыни. Все равно она была старой, и пришло ее время умирать, он не виноват, что ускорил события. Маленький бог волен распоряжаться, как и взрослые боги, жизнью смертных. Но ненавистный отец не верит ему и бьет за все проделки.

Гай отправился на кухню. Рабы молча застыли. Как они ненавидят «маленького звереныша»! Пусть ненавидят, лишь бы боялись!

– Если кто-нибудь скажет отцу хоть слово, я убью его, как Хрису. – Голос Сапожка звучал твердо. – Лучше вам послушать меня.

Топнув ножкой, он убежал. Страшный миг ближе и ближе, и Гай, не в силах в бездействии ждать, отправился в казармы. Легионеры всегда рады его появлению. Старый Камилл, центурион, любит его без памяти.

– А, Сапожок, садись с нами, тут прохладно. – Раб машет раскидистым опахалом. – Выпьешь холодного вина? Вот фрукты. Слышал, прибывает наш командир?

– Посланец привез известия рано утром. Отец, сказал, немного не в духе из-за выговора Тиберия и выступления его в сенате. И еще везет с собой каких-то гостей из Александрии. –

Гай был горд, что знает так много. – Я побуду у тебя, Камилл, пока наставник не придет за мной.

– Конечно, Сапожок, тут все тебе рады. Бери еще яблоки. Надеюсь, твой отец разберется с новым наместником. Много же тот натворил после его отъезда в Египет. Одна жена его чего стоит. Чистая ведьма.

Гай ошибся – ни одна из его проделок поначалу не открылась. Германик в первый день приезда даже не позвал его к себе – слишком много неприятностей ожидало его по возвращении. Все его распоряжения, отданные войскам и городам, не были выполнены или заменены обратными Гнеем Пизоном. Много часов ушло на то, чтобы подготовить новые.

Встреча с матерью вышла радостной. Агриппина соскучилась по сыну и с радостью слушала его торопливый, сбивчивый рассказ о том, как много времени проводил он с легионерами, учился маршировать и скакать на лошади.

– Пойдем, Гай, – вдруг сказала Агриппина. – Я кое с кем тебя познакомлю. Твой отец пригласил в гости Марка Юния Силана с маленькой дочкой. Она тебе ровесница, будете вместе играть.

– Но, мама, ты же знаешь, что я ненавижу девчонок. И не буду я с ней играть.

– Ох, Гай, я прошу тебя, не нарушай священных законов гостеприимства. Я много рассказывала ей о тебе, и... она так похожа на нашу Друзиллу. Ты ведь скучаешь по сестрам?

Гай поморщился. С чего вдруг он стал бы по ним скучать? Но матери перечить не решился, и они вместе отправились в покои, отведенные Силану.

Девчонка, к которой подвела его мать, была слишком худая и большеглазая. Ее длинные ножки трогательно ступали, словно по воде, настолько робко она приблизилась к Сапожку.

– Ну и чего ты притащилась вслед за моими из Египта? – грубо спросил ее Гай, когда их оставили одних.

Губы у девочки задрожали от обиды, но она все равно ответила:

– Из-за тебя.

Калигула удивленно поскреб грязной пятерней давно не чесанную рыжую голову.

– Хотелось познакомиться с тем, кто усмирил в одиночку целое войско мятежных легионеров, – робко пояснила она.

– Конечно, я расскажу тебе об этом, – улыбнулся польщенный мальчишка. Девчонка сразу ему понравилась, и он тут же задумал подвергнуть ее испытанию. Стоит ли с ней дружить?

– Так уж и быть, пойдем со мной. Я покажу тебе мое тайное убежище. Я спрячусь там от наставника, он толстый и не может слезть по узкой лестнице. Там я храню свои доспехи и боевой меч. Но если ты, конечно, не боишься темноты и мышей.

Девочка, стиснув зубы, решительно покачала головой, стараясь, чтобы этот растрепанный рыжий мальчишка с измазанными сажей щеками не заметил, как страшно ей на самом деле. Она по-прежнему молчала.

Гай втайне надеялся, что девчонка откажется, и тогда он с чистой совестью скажет матери, что она сама не стала с ним играть. Но он ошибся.

Ловко, как обезьянка, она спустилась по шаткой лестнице в самую тьму подвала и, прижавшись к нему, застыла, услышав мышиный писк.

– Здесь обитают лемуры прежних хозяев, – шепнул он, стараясь испугать ее. – Меня они уже знают, а вот ты...

И Юния вдруг почувствовала, как чьи-то липкие пальцы сдавили ей шею. Глупая мальчишеская выходка! Значит, не мышей надо бояться!

– Кажется, один схватил меня, – с преувеличенным страхом прошептала она, – но я знаю, что сделать, чтобы он меня не задушил.

С этими словами она развернулась и изо всех сил двинула кулаком. Гай согнулся пополам и закашлялся.

– Эй, осторожнее! – обиженно крикнул он.

– Не вижу, кто там кричит, – спокойно сказала девочка. – Мстительный лемур или маленький негодник, решивший, что сможет напугать меня?

Озадаченный Калигула зажег светильник, потирая грудь. Свет выхватил бревенчатый настил, накрытый изорванным старым покрывалом.

– Надеюсь, ты не прячешь тут девчачьих кукол?

Ничего себе, острая на язык.

– Еще чего! Вот смотри, это мой боевой меч! – Калигула выудил из-под досок короткий кинжал. – С ним я усмирил целое войско бунтовщиков и спас Рим. Мне сделал его мой боевой конь – Кассий Херея.

– Почему ты назвал его конем?

– Он часто возил меня на плечах.

– От твоей матери я слышала о мятеже. Знаешь, сколько труда пришлось потратить, чтобы уговорить отца приехать сюда? Он до смерти боится моря.

Сапोजок купался в лучах славы. Родители терпеть не могли, когда он вспоминал о тех событиях. И Юния ему нравилась все больше и больше.

– Неужели из-за меня ты тащишься в Сирию? Я думаю, мы подружмся, несмотря на то что ты девчонка. Я ценю тех, кто мне предан. Ты же предана мне? Когда я стану всемогущим императором, подарю тебе большой дворец.

– Ну вот еще! Не нужен мне твой дворец! – резко ответила Юния и принялась крутить в руках меч. – Ой, смотри, он в крови!

Гай смутился и отвернулся:

– Понимаешь, произошел несчастный случай! Никому не говори, просто я ткнул им одну старуху. Ох, и визжала она, как свинья!

Юния расхохоталась. Они поняли, что одного поля ягоды.

– Хочешь, признаюсь тебе еще кое в чем? – спросил Сапोजок.

Юния кивнула, придвинувшись ближе и затаив дыхание.

– Я подсыпал немного яду отцу в вино. Мне дала его одна здешняя колдунья. Интересно, подействует ли он?

– Молодец, ты – смелый и умный. Я тоже хочу отравить свою мачеху. У тебя не осталось яда?

– Нет, я слишком много растратил его на домашний скот, мне нравилось смотреть, какдохнут в муках глупые твари.

– Ты здорово повеселился. А мы сможем достать еще?

– Да запросто, как-нибудь сходим к Мартине вдвоем. Она умеет предсказывать судьбу. Мне она сказала, что я стану очень могучим и что я – бог.

Юния побледнела.

– Гай, ты не поверишь, – она даже на миг перестала дышать, – но, услышав о тебе от Агриппины, я сразу поняла это. Чудеса! Они с Германиком запретили мне так тебя называть и больше не говорили о тебе при мне. Пыткой для меня стало жить без рассказов о тебе.

– Ты тоже будешь богиней, потому что красивая, мы будем царствовать вместе над всем миром.

Дети пожали друг другу руки и вдруг решительно поцеловались в губы.

Послышались звуки гонга.

– Обед! – вскричал Гай. – Я голоден как волк. Пошли в дом.

Он взлетел по лестнице, чудом не расцарапав коленок. Юния была более грациозной; придерживая тунику, она медленно взобралась наверх к Гаю, который великодушно протянул

ей перепачканную ручонку. Совсем как взрослый, он обнял ее, нежно прикоснулся, поправляя выбившуюся из прически прядку, и неожиданно для себя горячо поцеловал ее пухлые губки.

– Ты теперь моя невеста. Я люблю тебя. Надо сказать отцу и матери, что мы поженимся.

Юния покраснела и улыбнулась, положив руки на его худенькие плечи.

Их внезапное заявление вызвало бурю смеха у обедающих. Силан разозлился и увел Юнию, оставив в наказание без еды. Калигула даже расплакался от злости, Агриппина, смеясь, утешала его. А отец пообещал после обеда выпороть его, наслушавшись от наставника о его проделках.

Однако намерениям Германика не суждено было осуществиться. Вечером, выпив вина, он почувствовал себя плохо, у него расстроился желудок, начались понос и рвота. Все в ужасе метались по дому, Агриппина рвала на себе волосы от горя. Состояние больного ухудшалось. Кто-то произнес слово «яд».

Пока взрослые были заняты, Калигула пролез через окно к Юнии, не забыв прихватить хлеба с куском сыра, несколько раздавленных оливок и сладкой воды.

– Ты не представляешь, какой поднялся переполох! – рассказывал он, размахивая руками. – Отец обещал выпороть меня, но теперь долго не сможет подняться. А когда выпустят тебя? Я скучаю один.

– Не знаю, мой отец очень зол. Надо было скрыть наши чувства. Если бы я сказала твоей матери еще в Египте, что люблю тебя, мы никогда бы не встретились и ты не узнал обо мне.

– Нет, я бы почувствовал, что ты есть. Я же бог! А теперь мне надо идти, чтобы твой отец не застал нас вдвоем.

– Прощай, мой возлюбленный!

Две недели пролетели быстро. Германик постепенно выздоровел, желудок перестал его мучить. Юнию выпустили из заточения еще на третий день. Своим примерным поведением они убедили близких, что глупая шутка ими забыта, и вскоре им даже разрешили спать в одной комнате. Агриппина неотлучно была при муже, сама готовила пищу, не подпуская слуг, поэтому наблюдать за Сапожком ей было некогда. По ночам Гай и Юния неизменно оказывались в одной постели, спали в обнимку и целовались, подражая взрослым. Они уже не мыслили жизни друг без друга.

Как-то вечером, когда Германик, едва оправившийся от болезни, и Агриппина устраивали обед для друзей, Сапожок зашел к Юнии с таинственным видом.

– Гай, где ты был? Мать уже присылала справиться о тебе. Велено было спать еще полчаса назад.

– Тише, тише. Собирайся, мы должны потихоньку улизнуть из дома.

– Куда? А если заметят?

– Ну и пусть. Ты боишься порки?

– Вот еще. – Юния поморщилась. – С тобой я не боюсь ничего. Мачеха и так бьет меня за малейшую провинность, не привыкать.

– Я отведу тебя к Мартине...

Юния подскочила на кровати от радости и схватилась за тунику.

– Красота твоя несравненна, – величественно сказал Гай, видимо, подслушанную где-то фразу и быстро коснулся рукой худенькой коленки девочки. – Мы маленькие и не можем по-настоящему быть мужем и женой, но совсем скоро станем взрослыми. Я хочу, чтобы Мартина предсказала наше будущее.

Крадучись, они выскользнули из дома. Тьма уже опустилась, не видно было ни зги, но предусмотрительный Гай захватил фонарь. Юния тряслась от страха, и, видя ее состояние, Сапожок по-взрослому обнял ее и прижал к себе. Одиочные прохожие не обращали на детей внимания, и им удалось без приключений добраться до низкой лачуги на окраине. Гай реши-

тельно отворил скособоченную дверь, и они очутились в маленькой задымленной комнате. Девочка закашлялась.

– Проходи, Сапожок, ближе к очагу, – раздался пронзительный голос, – и подружку свою тоже заводи. Перестань, милая, бояться, здесь никто не причинит тебе вреда.

Юния увидела старую женщину в грязном хитоне и с нечесаными волосами.

– Я – Мартина, – представилась она. – А ты, смотрю, милашка, подрастешь и затмишь всех римских красавиц. Многие позавидуют тебе, когда ты вступишь в Вечный город.

– Ты предскажи нам нашу судьбу, – нетерпеливо переступил с ноги на ногу Сапожок, – у нас мало времени, пора возвращаться.

– А что говорить? Любовь уже засияла на вашем жизненном пути яркой звездой и не угаснет никогда в ваших сердцах. Все, больше мне нечего прибавить. Подожди за дверью – свою судьбу ты уже узнал, а я хочу задать твоей подружке один вопрос.

Сапожок поморщился.

– Иди, иди, – стала настаивать Мартина, – иначе я не скажу больше ничего, а девчонка должна еще кое-что узнать.

Гай вышел, но притворился к двери, прикрыв ее неплотно.

– А теперь, девочка, – тихо проговорила Мартина, но так зловеще, что Юния невольно задрожала, – я спрошу тебя вот о чем. Любишь ли ты Сапожка так сильно и верно, как он мне расписал?

Юния кивнула, не в силах вымолвить ни слова от страха.

– Ты должна знать, что эта любовь станет причиной твоей гибели. Твой возлюбленный переживет тебя, но ненадолго. У тебя есть возможность избежать этого, вернувшись в Александрию и забыв Гая.

– Ни за что я не брошу его. Я клянусь, что всю жизнь буду верна только ему и не оставлю своего нареченного, даже если все боги ополчатся против нашей любви. С ним смерть не страшна!

– Не торопись произносить вслух опрометчивые клятвы. Они могут быть услышаны. В Риме вас ожидает непомерное величие, но цена его окажется чересчур высока. И эту цену придется заплатить тебе одной. Поэтому я и предложила тебе вернуться...

– Прощай, Мартина, я ничего больше не хочу знать.

Юния резко распахнула дверь, с наслаждением глотая свежий ночной воздух. Перед ней из тьмы появился Сапожок, потирая ушибленный лоб.

– Я слышал все, – деловито сказал он. – Ты не разочаровала меня. Теперь я уверен, что ты навек моя. Пойдем!

– А мы разве не домой? Обед, верно, закончился, и нас в любой момент могут хватиться.

– Здесь недалеко.

Дети, поспешно убегая, не заметили, как приоткрылась дверь лачуги. Мартина с горькой усмешкой вглядывалась во тьму, прислушиваясь к удалявшимся шагам маленьких ножек. «Эта любовь несет в себе страшные беды Риму. Я вижу объятый огнем безумия Вечный город, и этому пламени не угаснуть во веки веков. Искры его уже мерцают в глазах того, кто стремится стать живым богом...»

Они поплутали еще немного по темным улицам и вышли на площадь. Гай повел Юнию прямо к воротам храма Астарты. Минуя спящую охрану, они тихонько проникли внутрь и подошли к алтарю.

– Астарта, перед твоим алтарем я приношу вечную клятву любви и верности Юнии Клавдилле. Запомни ее, и пусть покарает меня твой страшный гнев, если я нарушу ее.

Волна счастья обдала Юнию – столь серьезна была клятва Гая.

– Астарта, могущество твое неизмеримо! – произнесла она голосом, срывающимся от волнения. – Я клянусь перед тобой в верности и любви Гаю, клянусь в том, что никогда меня

не коснется ни один мужчина, и, если судьба разлучит нас, я покончу с собой, но никогда не познаю чужих объятий.

И, скрепив клятву поцелуем, они, взявшись за руки, вышли. Юния уже и не вспоминала о словах старой колдуньи.

– Ну вот, теперь мы навеки вместе.

Дома обед еще не закончился, гости и не думали разъезжаться. Дети потихоньку пробрались в свою комнату. Сапжок потушил лампу и быстро разделся:

– Иди скорей ко мне, любимая. Я согрею тебя своим божественным теплом. Ты, верно, замерзла.

Юния принялась отстегивать фибулу на плаще.

– Нет, не трогай! Я сам хочу раздеть тебя. Теперь это будет моим правом. Когда мы поженимся, я сам буду натирать тебя маслами, завивать твои роскошные волосы, не хочу, чтобы руки рабынь касались тебя. Я вообще не хочу, чтобы кто-нибудь видел красоту моей богини.

Принесенная в храм чужеземной богини клятва верности заставила взглянуть на окружающую жизнь по-взрослому, детские забавы кончились. Пора было убирать с дороги людей, которые не хотели, чтобы они были вместе. Жизнь близких потеряла значимость перед вечной любовью...

Калигула застонал. Муки страсти и желание еще неизведанной близости с долгожданной любимой сжигали его сердце. Он рисовал себе ее образ, несравненно прекрасный, сотни, тысячи раз, но так ли она окажется красива? В принципе это не так волновало его – важно, оставалась ли она верна ему все эти годы, в чем клялась тогда в храме великой богини. Не смог ли кто-то другой завоевать ее сердце за долгие годы разлуки? Сам он познал много женщин, но сохранил свою детскую любовь нетронутой. Он пережил смерть матери, братьев от рук тирана, казни друзей, и выжить среди притворства и лицемерия ему помогла лишь Юния, надежда на встречу с ней.

Торопливые шаги в коридоре прервали его размышления. Сердце забилося, как пойманная в силос птичка, когда откинулся занавес и вбежал Ботер. Калигула посмотрел в окно. Последний тоненький лучик солнца погас на его глазах, скользнув напоследок по золоченому шлему Капитолийского Юпитера.

IV

Теплая безоблачная весна наполнила душистыми цветами сады благословенного острова. Воздух благоухал, напоенный дивным ароматом. Золоченые крыши роскошных вилл ярким огнем сияли под щедрыми лучами солнца, тенистые гроты в скалах манили сладостной прохладой, а внизу искрилось переливами синее море.

Тиберий любовался ленивой игрой волн с террасы, выступающей далеко в море, и с высоты пытливо оглядывал окрестности. Его цепкий взгляд выхватил белое пятнышко на горизонте. Корабль. Новости из далекого Рима или корабль с провизией? Он уже несколько дней ждал письма от Калигулы. Звереныш собрался жениться.

Бескровные губы цезаря тронула усмешка. Несколько лет уже Калигула испрашивал разрешения, с тех пор как тога совершеннолетнего легла на его плечи. Тиберий тогда предложил ему несколько кандидатур, но неожиданно встретил решительное сопротивление со стороны приемного сына. Скольким унижениям подверг он Гая, сколько сладких речей выслушал о какой-то старой любви и давней клятве верности. Калигула на коленях ползал перед ним, целовал края тоги, как верный пес, спал на пороге и преследовал бесконечными просьбами. Но Тиберий ловко увиливал от объяснений, наслаждаясь отчаянием Калигулы. Но стоило тому лишь раз произнести имя отца неизвестной Риму невесты, как буря возмущения всколыхнула настроение цезаря. Марк Юний Силан. Тиберий помнил это имя. Оно и еще много других огненными буквами вмиг вспыхнули в мозгу среди печальных воспоминаний молодости.

Юлия. Прекрасная, взбалмошная, сумасбродная Юлия. Лишь его сердце оставалось холодным к ее несравненной красоте. Она долго тщетно добивалась его внимания, влюбленная до безумия, пока не упростила отца поженить их своей волей. Сердце старика тоскливо зануло, стоило вспомнить строчки письма Августа и боль в глазах любимой жены Випсании, когда он отправлял ее обратно к отцу. Лишь спустя несколько лет им довелось однажды увидеться среди многолюдной улицы и расстаться, теперь уже навсегда.

Холодным презрением он отплатил капризной Юлии, чья перемена настроения не заставила себя долго ждать. Она быстро охладела к прежде желанному супругу и пустилась в разгул, дав волю грязным порокам, гнездившимся в ее душе. Ее скандальные похождения смачно обсуждал весь Рим, над Тиберием издевались открыто, подбрасывали злобные пасквилы и вывешивали их на форуме. И Тиберий смалодушничал, возмущенный безнаказанностью безумств жены, и, несмотря на протесты матери, бежал на Родос.

Это подтолкнуло Ливию начать открытую борьбу с дочерью мужа. Потрясенный Август проклял дочь, навлекшую на него столько позора и уронившую честь семьи и самого Рима. Даже статуя Марсия, на которую она каждую ночь водружала венки, свидетельствовавшие, сколько раз она отдавала свое тело разным любовникам, была разбита на форуме. Все участники ночных оргий, все, с кем она делила ложе, были привлечены к ответу. Семпроний Гракх, Криспин, Клодий, Сципион, Юлий Антоний и многие другие поплатились за связь с порочной женщиной. Кто жизнью, кто позорной ссылкой.

Марк Юний Силан, единственный отпрыск и надежда знатнейшего семейства Римской империи, был самым молодым среди длинной череды любовников стареющей красавицы. Взбешенный Август, увидев среди видных мужей безусого юнца, забыв об императорском достоинстве, набросился на него в гневе и избил палкой. Громкое возмущение оскорбленного Силана тем, что сам Август нарушает им созданный закон о наказании за прелюбодеяние, заставили императора устыдиться и запереться в отчаянии в дальнем покое дворца. Может, именно из-за этой недостойной вспышки гнева приговор Юнию оказался мягче, чем остальным. Его лишили звания патриция, римского гражданства и сослали не на глухой островок, а в Александрию, столицу римской провинции Египет.

Мстительный Тиберий, едва Калигула произнес имя Силана, сразу не ответил Гаю, а изрядно протомив в неизвестности, отказал, надеясь, что тот успокоится. Но Калигула неожиданно оказался настойчив и без конца донимал старика, безропотно терпя яростное сопротивление и даже оскорбления. Из года в год, из месяца в месяц, изо дня в день он просил, заклинал, молил, требовал, писал, умоляя вернуть из ссылки семью невесты. На все расспросы, откуда появилась такая блажь жениться на малознакомой девушке, Калигула беспорядочно врал и вновь униженно упрашивал.

И цезарь сдался, утомленный и опустошенный непонятной настойчивостью наследника. В конце концов, есть возможность расквитаться с забытым Силаном в Риме. Пусть пройдет немного времени, и возмездие настигнет последнего из оставшихся в живых любовника публичной девки.

Белая точка на горизонте выросла. Нет, это не грузовой корабль! Значит, везут послания из Рима. Макрон молчит уже вторую неделю, и Тиберий истомился в подозрениях. Он и так не доверяет этому бывшему рабу, ставленнику и другу Калигулы. Но только Макрон смог разрубить гордиев узел заговора Сеяна, и поэтому Тиберий все еще благосклонен к нему, закрывая глаза на растущее могущество нового префекта претория.

Усмешка пропала с губ цезаря, грусть тяжелыми складками залегла на челе, едва закралась в голову горестная мысль. С кем ему теперь обсуждать новости и советоваться по поводу новых эдиктов? Вот уже неделя прошла с тех пор, как его покинул Нерва. Жилистая рука Тиберия безвольно соскользнула с резного подлокотника солиума, и непрошенная слезинка заблестела в уголке глаза. Единственный верный друг! Надежный как скала, мудрый и преданный. Будь Тиберий повнимательнее, он успел бы спасти Кокцея. Ни малейшего подозрения не зашевелилось в душе, когда месяц назад тот отказался на обеде от еды, затем ссылки на новое лечение от желудочной болезни, «надо пока воздерживаться от пищи», затем еще ложь и еще. Он просмотрел беду, поглощенный любимыми забавами с мальчишками, затуманенный миррисом и погрязший в распутстве. А Нерва, благородный Нерва умирал один в своем доме, добровольно отвергнув самое великое благо – жизнь. Он не позвал Тиберия проститься с ним.

В воздухе заваяло долгожданной прохладой, подул ветерок, принесенный на крыльях быстрого Зефира. Всплеснула и разбилась о скалу волна, рассыпавшись сверкающими брызгами.

Тиберий со вздохом поднес к лицу зеркало и поправил пластырь на щеке. Старость не красила его: тощий, сутулый, лысый, с негнушимися суставами, язвы на лице болели, доставляя беспокойство. Размахнувшись, он швырнул зеркало за перила террасы. Дюжий раб-германец кинулся следом. Нашел и бережно спрятал за пояс.

Цезарь дал знак унести его с террасы. Веющий ветерок мог стать причиной простуды, выслушивай потом причитания Харикла.

Не успели рабы подхватить тяжелый солиум с сидящим стариком, как послышалось нестройное пение и на террасу выбежали странные существа, бледные и размалеванные, в прозрачных хитонах. Спинтрии беззаботно развлекались. Пританцовывая и похотливо изгибаясь, они приблизились к Тиберию, и один из них ласково возложил на него венок из нарциссов.

– Пойдите прочь! – Цезарь, притворно гневаясь, замахнулся, и спинтрии с криками бросились прочь, сверкая голыми ляжками.

Тиберий расхохотался, германцы, стоящие поодаль, тоже заухмылялись, настолько комичным было зрелище.

Вслед за мальчишками появился управляющий. Дождавшись знака цезаря, он несмело приблизился и почтительно пал ниц перед принцепсом.

– Ну что тебе, говори, Сегест.

– Цезарь, прибыл из Рима необычайный подарок для тебя. Не будет ли угодно посмотреть?

Тиберий устало махнул рукой, Сегест убежал. Рабы подхватили солиум и понесли к воротам виллы. Там стояла огромная клетка, накрытая покрывалом. Челядь суежилась вокруг нее, громко крича и размахивая руками. Завидев приближающегося цезаря, слуги затихли и сорвали покрывало. Желтые глаза с узкими прорезями черных зрачков глянули на него из-за толстых прутьев. Тиберий вздрогнул, испуганно и резко отпрянув. Рабы едва удержали натянувшиеся на плечах поручни – насколько сильным был испуг цезаря, и опустили солиум на землю.

– Откуда этот змей? В жизни не видал твари огромней, – сказал он.

– Его привезли откуда-то из страны эфиопов, – ответил управляющий, – это подарок, присланный из Рима.

– Кто прислал?

– Гай Цезарь тебе на потеху.

– Не приехав сам, послал своего двойника, – мрачно пошутил Тиберий.

Рабы угодливо заулыбались.

Змей поистине был огромен, чешую его сплошь покрывали черные неровные пятна. Его желтые глаза внимательно изучали старика. Но в них не было злобы, лишь мудрая усталость. Тиберий тяжело поднялся, опираясь на палку и плечо раба, медленно приблизился, не обращая внимания на поднявшийся ропот среди слуг, и смело просунул руку сквозь прутья. Плоская голова потянулась к нему, доверчиво ткнулась тупым носом в ладонь. Змей неожиданно разинул пасть, и раздвоенный язык лизнул руку. Тиберий счастливо улыбнулся:

– Разместите его в моих покоях, но не выпускайте, я лично буду кормить его. И отнесите меня в спальню, я выпью вина и посплю. Сегест, вели все приготовить к обеду и прикажи германцам поискать моих деток, я слегка напугал их. Пусть потешат меня вечером новыми танцами. И пошли кого-нибудь к Фрассилу, пригласи его на обед. Что там, есть известия от Макрона из Рима?

– Нет, мой цезарь.

Тиберий поморщился. Макрон, похоже, пытается проявить самостоятельность, забыв об участии Сеяна. Рабы подхватили солиум со стариком и понесли в дом. Сегест засеменил следом:

– Цезарь, Гай прислал письмо с подарком. Угодно ли будет прочесть?

– Разверни и зачитай.

Сегест быстро пробежал свиток глазами:

– Он сообщает, что в Рим возвращается его невеста, и приносит горячую благодарность.

Спрашивает, угодно ли цезарю будет самому назначить дату их свадьбы?

Тиберий вяло махнул рукой – сон уже завладевал им, голова тяжелела, мысли путались.

– Отпиши, пусть действует сам, как хочет. Мне все равно. Денег не дам.

Голова старика безвольно свесилась на грудь, и он забормотал едва слышно себе под нос:

– Ах, Кокцей Нерва, мой старый друг, почему ты бросил меня, теперь тяжело без твоих советов и дружеских слов. Я бы доверил Рим тебе, а не сыну раба. Да и на старых сенаторов нельзя уже положиться, мало устранил я недовольных, у доносчиков, вон, еще полно работы. Надо отписать Макрону, чтоб затеял новые дела, список сенаторов я подготовил, хватит им наслаждаться покоем. У меня сильные руки, я придушу ими всех недовольных. Пусть ненавидят, лишь бы уважали!

Однако сон прервал его мысли вслух, рабы едва успели донести Тиберия до постели. Он ни разу не проснулся, настолько ловкими были движения молоденьких рабынь, менявших его потный синфесис. Тело старика воняло так нестерпимо, что девушки принялись опрыскивать комнату нежными духами. После сна у императора будет свежая голова и хорошее настроение.

V

Гемма ласково коснулась руки Юнии, и та открыла глаза.

– Госпожа, мы уже в Риме.

– А куда меня везут?

– В твой дом, госпожа, на Палатинском холме, рядом с дворцом цезаря.

– Мой дом? Рядом с дворцом? С ума сойти! Я никогда не мечтала, что у меня будет свой дом! А может, он куплен на имя отца?

– Нет, все рабы там также принадлежат тебе, ты вольна распоряжаться как вздумается.

– А отец? А мачеха?

– Я знаю, что им также приготовлены покои, но ты поступишь как пожелаешь. Они по твоему желанию могут поселиться в любой инсуле, где чисто и отличная еда, – ответила Гемма.

Конечно, Юнию прельстила поначалу мысль, что она может избавиться от ненавистной мачехи, но отец... Что ж, скорее всего, гонору у Кальпурнии должно поубавиться, когда та узнает, что падчерица теперь – единоличная хозяйка их нового дома. Будут жить все вместе. Если дом окажется большим и просторным, то они вряд ли станут часто сталкиваться лицом к лицу.

Но когда же она увидит Гая? Эта мысль не давала ей покоя. Если б она знала, где он, то побежала к нему немедленно. Наверняка он придет навестить ее ночью, и от этой мысли все сладко заныло внутри.

– Эй, Ботер, – позвала она раба, – а когда прибудет мой отец из Остии?

– Завтра утром, госпожа. Смотри, а вот и твой новый дом.

Рабы кратчайшим путем доставили свою госпожу на Палатин. Юнию смутила простая белая стена и скромная дверь. Гемма, заметив ее разочарование, с улыбкой промолвила:

– Входи же! Челядь уже встречает тебя.

Ботер на руках перенес Юнию через порог, и она вступила в обширный атриум. При виде великолепия отделки и множества рабов у нее захватило дух. К ней с поклоном приблизился управляющий, маленький толстенький человечек, и вручил ключи.

– Приветствуем тебя, госпожа Юния Клавдилла! – торжественно произнес он. – Я твой управляющий, мое имя Паллант, обед уже приготовлен, только вели подать. Чан с теплой водой, гардероб в надлежащем состоянии, об этом уже позаботились. Мы ждем твоих приказаний, госпожа.

– Подожди, Паллант, – сказала Юния. – Я хочу вначале осмотреться, а затем с удовольствием омоюсь. Пусть все идут работать, а ты останься – покажешь дом.

Паллант дал знак всем расходиться и молча застыл в стороне, пока Юния расхаживала по атриуму. Он был поистине великолепен. Вдоль карниза шли изящные арабески, гирлянды искусно нарисованных листьев перемежались с крылатыми гениями и фантастическими пейзажами. Посредине панно были расположены пять больших изысканных фресок, каждая из которых представляла отдельную картину. Две по бокам изображали магические таинства, остальные были мифологического содержания. Они особенно заинтересовали Юнию, заметившую в сюжетах намеки. На одной – рождение из пены прекраснейшей из богинь, на второй – отдыхающий Марс, устало склонивший голову и опирающийся на меч, а между ними находилась картина, представляющая улицу Рима, как бы виднеющуюся из открытого окна³.

Затем управляющий провел ее через узкий таблинний, расписанный греческим орнаментом, в обширный перистиль. У Юнии перехватило дух. Никогда еще не видела она подобной красоты. Открытое пространство окружали внушительные колонны, перевитые зеленым

³ Это подлинное описание дома Ливии.

плющом и виноградом, аппетитные спелые грозди которого свисали вниз. Прозрачные нежно-голубые занавеси были протянуты между колоннами, предохраняя от насекомых. Посредине маленький водоем с золотыми рыбами, окруженный корзинами с роскошными цветами. Девушка была в восторге, все еще не веря, что она у себя, а не в гостях. Радостно напевая, она принялась кружиться, черпая воду ладошками и обрызгивая грузного Палланта и маленькую Гемму. Она так и светилась счастьем. Паллант про себя отметил, что новая хозяйка хорошего нрава и будет добра к челяди, не наказывая по пустякам. Он не знал еще о существовании Кальпурнии.

Паллант показал ей ларарий, куда Юния установила маленькую яшмовую Гекату, с которой никогда не расставалась.

– Теперь хочу в купальню и обедать! – звонко произнесла Юния.

Гемма кинулась готовить ванную.

Омывшись в теплой ароматной воде, Клавдилла облачилась в полупрозрачный хитон:

– Гемма, проводи меня в мою спальню и вели накрыть столик там.

Кубикула ее была очаровательной, вся затянута прозрачными занавесями, с большой бронзовой кроватью, инкрустированной слоновой костью, с множеством подушечек и вышитыми простынями. Стены расписаны фривольными мифологическими сценками, в основном на тему любовных игр Марса и Венеры. Рабы тихонько поставили столик с едой, Гемма налила в чашу вина, и прислуга удалилась.

Юния осталась одна. Взгляд ее упал на поднос, она протянула было руку за сладкой булочкой, но есть сразу расхотелось, едва мысли о возлюбленном вновь закрались в хорошенькую головку. Придет ли он?

Ожидание томило и изматывало.

Чаша холодной воды освежила пересохшее от волнения горло.

Клавдилла слышала звук падающих капель водяных часов. Одна, две, три... десять... Мысленно взмолилась далеким равнодушным богам. Нет сил больше ждать. Она подошла к зеркалу. Бесстрастный металл отразил прекраснейшую девушку. Клавдилла всмотрелась в свое отражение, поправила прическу, в нетерпении дернув за непослушный локон, наугад взяла флакончик с духами и, не откупорив, равнодушно поставила. Взгляд ее упал на статуэтку Амура, лукавого и приторно пухлого. В Купидона полетел резной гребень – так ему, раз не желает помогать.

Внезапно она уловила в зеркале слабое движение и испуганно обернулась. В кубикуле кто-то был. В мгновение ока девушка выхватила из волос длинную острую булавку и замерла, прислушиваясь.

Одна из занавесей откинулась, и... зазвенела на мраморе выпавшая из руки булавка.

Сияющими от счастья глазами они смотрели друг на друга. Как изменило их время разлуки! Гай, помнивший Юнию большеглазой длинноногой девчонкой с острыми коленками, изумленно вглядывался в прекрасный лик стоящей пред ним незнакомой девушки. Неужели это она? Девочка из далекой Сирии, которая храбро держалась за его руку, когда они клялись друг другу в верности перед алтарем Астарты. Незнакомка показалась ему Венерой, восставшей пред ним из морской пены во всей своей красе. Черные миндалевидные глаза, обрамленные полукружьями длинных ресниц, летящие брови, точеный небольшой нос, чувственный рот, таящий усмешку, и дивные локоны, сияющие лунным золотом. Гай и представить себе не мог, что его невеста так прекрасна. Жалкие образы, что рисовал он себе до их встречи, померкли перед истинной красотой его возлюбленной.

Юния заметила его удивление и робость, но она и сама была охвачена страхом. Вдруг она не понравилась своему жениху? Ее поразило, как сильно он изменился. Тот, кто раньше был взлохмаченным и худым мальчишкой, вырос и возмужал. Плечи раздались вширь, руки налились силой, а вот лицо... Девушка пылливо вгляделась. Нет, он – прежний. Те же искорки

озорства пляшут в зеленой дымке глаз, но что-то новое появилось в них. Может, скрытая боль, что отметила легкими морщинами лоб и щеки? Или иное? Он все ей расскажет, но после... После...

Осмелев, она сделала первый шаг ему навстречу, совсем как раньше вздохнула рукой его рыжие волосы и ласково улыбнулась. И Гай сразу узнал незнакомку. Ее улыбка! Улыбка Юнии!

Они обнялись, не замечая, как текут по щекам слезы. До этого мгновения ни один из них не плакал от счастья. Губы слились в страстном поцелуе, наполнив теплом и долгожданным покоем измученные разлукой души. Их поцелуй продлился целую вечность, прежде чем, осмелев, Калигула позволил себе провести дрожащей рукой по упругой груди девушки. Она вздрогнула от этого вольного прикосновения, но не отпрянула, а еще тесней прижалась к его мощному торсу, ощущая горячим бедром, как наливается силой его мужская плоть. Поцелуи ее становились все неистовей, а он, уже без стеснения, проник нетерпеливыми пальцами под ткань туники и гладил ее нежную кожу, чувствуя, как нарастает безудержное желание. Хриплый стон сорвался с его губ, и, уже не отдавая отчета, он подхватил ее хрупкое тело на руки и бережно уложил на ложе. Юния податливо раздвинула ноги, повинаясь настойчивым ласкам сильных рук, и тоже застонала от сладостной истомы, когда его пальцы коснулись самого сокровенного. Но когда он, пылающий страстью, резко вошел в ее лоно, крик, сорвавшийся с ее уст, потряс стены кубикулы. Волна дикой боли затопила сознание, она попыталась вырваться, но Гай лишь еще крепче обхватил ее, сокрушая мощными толчками тонкую перегородку к наивысшему блаженству, и, издав хриплый стон, откинулся на подушки рядом. Юния изумленно посмотрела на него, не осознав до конца, что произошло. Почему боль неожиданно сменилась неизведанным наслаждением?

Но тут она вдруг заметила, что он весь в крови, и с ужасом вскочила. Ноги ее тоже были окровавлены. Вот она, смерть от любви, предсказанная Мартиной! Юния порывисто обняла Гаю и горячо зашептала, вглядываясь в его точеный профиль:

– Прощай, любимый мой! Блаженство, что ты подарил мне, стоило того, чтобы умереть. Прощай! Помни о той, что любила тебя больше жизни!

Но неожиданно он рассмеялся, сощурив хитрые зеленые глаза:

– Теперь я вижу: ты была мне верна, раз настолько неискусшенна в таких вопросах. Став женщиной, ты пролила искупительную кровь. Но от этого еще никто не умирал. Тебе было больно?

Девушка кивнула.

– Ложись, я сделаю так, чтобы боль забылась.

Сильной рукой он откинул ее, и язык его заскользил легкой змейкой по нежной коже ее живота ниже и ниже. И спустя несколько мгновений она стонала от наслаждения, пока мощная волна блаженства не заставила ее выгнуться дугой на постели.

– О Венера! – только и прошептала она.

Гай лег с ней рядом, заботливо накиннув на Юнию покрывало:

– Простишь ли ты меня, божественная?

Клавдилла удивленно посмотрела на него.

– Я не мог сдержаться, настолько ты прекрасна. За эти долгие годы я рисовал тысячи твоих образов, но ни один из них не оказался достоин твоей божественной красоты. Мне и не мечталось, что моей невестой станет сама Венера. Ты сказала отцу, что мы скоро поженимся? Император Тиберий уже дал согласие на нашу свадьбу.

– Нет, Гай. Я не посмела. Он верит в справедливость императора, в то, что именно он призвал его в Рим.

– Старый наивный глупец!

– Именно глупец! Я так и сказала ему, объяснив, что только ты смог убедить Тиберия вернуть нашу семью из ссылки. Он рассмеялся мне в лицо и попросил выкинуть из головы глупости, уверяя, что ты и думать забыл обо мне. Но я не верила никому, слушая свое сердце и вспоминая наши клятвы. Кальпурния издевалась надо мной, рассказывая о тебе ужасные вещи. О том, что ты первый в Риме разбойник, таскаешься по притонам, переодетый в женщину, водишь дружбу с недостойными людьми – гладиаторами и актерами, занимаешься разбоем и поджогами.

Калигула на миг задумался, нахмутив брови:

– Ты верила ей? Вдруг это могло оказаться и правдой?

– Слушая эти разговоры, я выражала ей свое негодование, но сама-то ни на миг не сомневалась в своем избраннике.

Гай вздрогнул. К чему мог привести этот разговор? Он помнил Юнию еще маленькой девочкой, которая не останавливалась ни перед чем. Неужели за эти годы ее нрав столь переменился? Однако ему надо было признаться, что он ведет именно такую жизнь, как ей это расписала мачеха. Но не потеряет ли он ее навсегда? В панике он отвернулся. Что же делать? Жизни без нее он уже не мыслил, к тому же он лишил ее невинности, не сумев совладать с желанием. Интересно, что сказали бы друзья, если б слышали его размышления? Не поверили, что это Гай. Им не понять, что он искренне любит только эту девушку.

– Гай, о чем ты задумался? – прервала Юния его беспорядочные мысли.

– А каким ты меня представляла? – повернулся он к ней, помолчав еще немного. Она заметила, как тревожно мерцает его взгляд.

– Да именно таким, как мне тебя расписали, – рассмеялась девушка. – Не думала же я, по-твоему, что после наших проделок ты ступил на стезю добродетели? Признаться, ты бы меня разочаровал.

– Слава богам! Ты осталась прежней, той, которую я боготворил все эти годы! Завтра я явлюсь к твоему отцу договориться о помолвке. Я даже сделал кольцо, как только вернулся в Рим, и бережно хранил все эти годы. Только не ожидал, что разлука будет такой долгой.

– А как ты жил без меня? – поинтересовалась Юния, положив голову ему на грудь.

– Стоит ли, любовь моя, описывать те муки, что я испытывал вдали от тебя? Я думаю, ты сполна испила наравне со мной всю боль разлуки. Она не притупилась со временем, а лишь усилилась, сковав обручами истерзанное сердце. Но эти обручи лопнули, едва Тиберий подписал приказ о возвращении твоей семьи. И я терпеливо ждал. Что значило это ожидание по сравнению с неизвестностью долгих десяти лет? Сколько раз я строил планы побега! Но неприятности преследовали мою семью, меня убили бы, стоило мне сделать хоть шаг в сторону гавани. Тиберий заточил меня подле себя на Капри. Он издевался надо мной, заставляя выслушивать гнусные наветы на моих братьев и мать. А когда он сообщил мне об их смерти... О, я выдержал эту пытку, став к тому времени искусным лицемером. И я провел его, старого лиса. Он сломался, поверил мне и назначил своим наследником. Но если б не ты, я не смог бы обмануть цезаря. Я думал о тебе – и терпел, мечтал о нашей встрече – и притворялся. Прояви я хоть малейшую слабость и выдай свое горе, я никогда бы не увидел тебя. Но расскажи и ты о себе.

Юния прильнула к нему и горячо обняла, будто боясь, что Гай может исчезнуть.

– Я не жила без тебя, мой Сапожок, – обдавая горячим дыханием, зашептала она. – Будто растение, которое поливают и удобряют, но которое не может ни чувствовать, ни радоваться, расцветала моя красота. Отец столько раз пытался выдать меня замуж! Но и мне удалось сломить его упрямство. Несколько раз он праздновал мою помолвку, но, после того как меня два раза вынули из петли и четыре – из чана с кровавой водой, он отступился, признав поражение.

Гай приподнялся и устремил изумленный взгляд на свою возлюбленную. Но Юнии подумалось, что он смотрит с недоверием. Она показала ему тонкие белые шрамы на запястьях.

– Вот все женихи и сбежали от сумасшедшей невесты. – Юния слабо улыбнулась.

Гай пылко расцеловал тонкие шрамики.

– Смотри, их нет, – сказал он. – Я убрал их.

Она недоверчиво осмотрела запястья и тихо охнула. Шрамов действительно не было.

– Ты и вправду – бог, как говорила Мартина.

– Только никому об этом, – заулыбался он и прижал палец к ее губам. Он и сам удивился маленькому чуду, дарованному богами.

– Я должен тебе признаться кое в чем, моя звездочка, – немного помолчав, вдруг сказал Гай. – Не хочу, чтоб ты слышала об этом не от меня. Об этом продолжают сплетничать и по сей день.

Юния сжала его руку и заинтересованно кивнула.

– Когда мне исполнилось пятнадцать лет, мне страстно захотелось познать женщину. Но только тебя. Ночи напролет я проводил без сна, мечтая о тебе, и вспоминал, как мы целовались в далекой Сирии. И вот как-то утром я выглянул из окна дома и увидел... тебя. Ты шла, накинув на голову легкую ткань, держа на плече кувшин с узким горлом. Как ненормальный, я выбежал в сад. «Юния! Моя Юния!» – кричал я и, подбежав, заключил тебя в объятия и потащил в глубь кустов. Ты страстно ласкала меня, и я взял твою девственность, не веря такому счастью. А когда наваждение прошло, увидел перед собой черные волосы сестры Друзиллы. Отчаянию моему не было предела, но вскоре я нашел золотую середину, проникая к ней ночью, когда все кошки серы. Я ласкал ее, называя твоим именем, и эта развращенная девчонка была не против. Теперь ты будешь презирать меня, Юния? Но я должен был тебе признаться.

– Стоит ли переживать из-за поступка, который совершил даже сам Юпитер? Он женился на собственной сестре. Да и стоит ли мне ревновать к самой себе? Я и не надеялась, что ты сохранишь мне телесную верность. Для меня важно лишь то, что сердце твое хранило любовь ко мне одной. Будь иначе, я б до конца своих дней мечтала о тебе и старела в одиночестве в далекой Александрии.

Калигула, польщенный до глубины души, заключил ее в объятия. Но тут же отодвинулся:

– Засыпай, любимая. А я буду охранять твой сон, потом тихонько уйду. Уже светает, скоро прибудет твой отец, нельзя, чтоб он застал нас до свадьбы в одной постели. – Он ласково коснулся щеки Юнии.

– Но я хочу еще поговорить, – возразила она, с трудом поднимая тяжелые веки.

– У нас впереди вся жизнь, любовь моя вечная. Завтра ночью увидимся вновь. Мне надо еще назначить с твоим отцом день помолвки. Он сообщит тебе об этом сам. Спи!

Калигула нежно обнял ее и, терпеливо дождавшись, когда Юния крепко уснет, удалился через тайный криптопорт.

Клавдилле показалось, что она едва прикрыла глаза, как Гемма разбудила ее, сообщив, что прибыл отец. Девушка вскочила, и взгляд ее первым делом упал на кровавые пятна на простыне и собственных ногах.

– Гемма, простыни быстро в огонь! Воду и полотенца, пришли рабынь, пусть приведут все в порядок и меня тоже.

Вскоре все было готово: постелено новое белье, Юнию омыли, надушили, переодели, искусно наложили грим на усталые глаза, и она смело вышла навстречу отцу и мачехе.

VI

Чувства, давно похороненные внутри, ураганом взвились в душе Юния Силана, едва ранним утром его нога ступила в Вечный город. Кальпурния со страхом и недоумением наблюдала из носилок, как плачет ее муж, усевшись прямо на камни дороги и вытирая глаза краешком тоги.

Александрия, красивейший город мира, столь любимый Силаном, жалко поблек в памяти при виде Рима. Сколько несбывшихся надежд, разочарований, утраченных иллюзий осталось здесь, за высокими стенами! Силан вспомнил, как через эти ворота он уходил много лет назад, пеший, с жалкими пожитками и несколькими денариями, в ссылку, спасаясь от гнева всемогущего Августа.

Ах, прекрасная Юлия! Преступная страсть к тебе загубила жизнь, ради нескольких мгновений счастья с неверной возлюбленной пришлось пожертвовать семьей, богатством и властью. Отец, не вынеся бесчестья, покончил с собой, мать сошла в царство теней вслед за ним, не пережив разлуки с мужем и сыном. Какой позор! Силан закрыл слезящиеся глаза и в гневе ударил кулаком по земле. Воочию пред ним предстала картина суда божественного императора. Август избил его палкой, как последнего раба, разгневавшись из-за его молодого возраста. Еще бы, Силану тогда было только двадцать, а Юлии – уже тридцать семь. Но что значила эта жалкая разница для любви? Дочь Августа была прекрасней всех смертных женщин, сама Елена не могла соперничать с ней. Юний позабыл и о своей молодой жене, и о родительском проклятье, стоило увидеть Юлию.

Он накрыл голову тогой, не слыша окликов испуганной Кальпурнии, и продолжал вспоминать, грезя наяву.

Тогда он случайно попал в ту пьяную компанию. Из кабака на Субуре их зачем-то понесло на форум. Крики и музыка привлекли внимание гуляющих, и они свернули с улицы Тусков в центр. И Силан обомлел. На ростральной трибуне при свете факелов танцевала богиня. Нагая и обольстительная, она весело хохотала и в танце ловко ловила осыпающие ее цветы. Силан никогда прежде не видел дочери Августа. Выпитое вино ударило в голову, он смело полез к ней, не слыша гневных окриков ее товарищей. Его попытались стащить вниз, но он упирался, боролся со множеством рук. Юлия сама остановила всех, взмах прекрасной ручки было достаточно, чтобы усмирить разъярившуюся толпу поклонников.

Дивные звуки голоса богини раздавались будто наяву. Она пожелала тогда, чтобы они остались наедине в ту ночь – возможно, восхищенная такой отчаянной храбростью, а может, ее взволновал влюбленный блеск глаз красивого молодого незнакомца. И время пронеслось одним мгновением наслаждения, чтобы обернуться вечным позорным кошмаром. Утром его арестовали...

Силан застонал и заплакал. Кальпурния бережно помогла ему подняться и сесть обратно в носилки.

– Старый мой дурачок! – ласково приговаривала она. – Мы вернулись, теперь все пойдет по-другому. Брось грустить!

А у самой блестели слезинки. Этот город был чужим для нее.

Но на каждом углу, несмотря на протесты Кальпурнии, Юний приказывал останавливаться и жадно осматривался, до мелочей припоминая знакомые места и подмечая изменения. Вот здесь поставили новую статую, надо же, как разрослась эта инсула, а здесь когда-то был трактир, славившийся не вкусной едой, а толстой хозяйкой, вот тут подковывали лошадей, а теперь сидит брадобрей... Они бы еще долго кружили по улицам Рима, но Кальпурния ворчала все громче и раздраженнее, и Силан, махнув рукой, велел без остановок двигаться к дому, досадуя, что из-за несносной жены не поспеет на форум к утренним новостям. Он вновь

почувствовал себя римлянином, это гордое чувство наполняло его уверенностью и постепенно вытесняло из памяти годы, прожитые в Александрии.

И тоска совсем ушла из сердца, уступив место тщеславным надеждам, стоило увидеть, в чем доме они будут жить. Переступая порог, Силан довольно ухмыльнулся – настало время торжества.

Юния встретила их с радостью. Они установили фигурки пенатов и домашнего лара в новый ларарий и принесли жертвы на алтарь.

Кальпурния вела себя тише воды, ниже травы, лишь заметив Юнии, что той крупно повезло, раз ее мечты сбылись.

В ответ на это Клавдилла призвала Палланта и велела отдать мачехе ключи от всех дверей и кладовых.

– Кальпурния будет следить за домом и работой. Ее приказы выполнять, но... – уточнила девушка, – если они не будут противоречить моим. Наказывать за проступки – это ее право, жалобщиков я не приму.

Юния и не думала умасливать мачеху, просто ей не хотелось взваливать на себя непосильный груз домашних обязанностей, к тому же ее устраивало, как рационально и экономно хозяйничала Кальпурния в их доме в Александрии. А после завтрака девушка с удовольствием прилегла в темной беседке солярия с намерением не пропустить приезд Гая, и крепко уснула, так и не увидев, как приехал ее ненаглядный. Она встала только к вечеру, и отец торжественно объявил ей, что дал согласие на помолвку с наследником императора и завтра она станет невестой.

VII

Глаза Калигулы слипались, спать после чудной ночи хотелось больше жизни, но он, вернувшись во дворец, отдал приказание приготовить тогу и послать за Макроном. Уснув, он мог пропустить благоприятное время для разговора с Силаном и дать Юнии повод волноваться, что он не сдержит слова.

Восторг и восхищение переполняли его, сердце сжималось в сладостной истоме, стоило вспомнить блаженство близости с возлюбленной после долгого перерыва. Боль, горечь разлуки и оскорбления проклятого Тиберия стерлись в памяти, освободив место безоблачному счастью. Время в ожидании Макрона пролетело незамеченным, но, кинув взгляд на солнечные часы, Гай ужаснулся.

Макрон явился недовольный и заспанный. Волосы торчком стояли на голове, тога была измята и в пятнах. Увидев его, Калигула выругался:

– Ты сошел с ума, Невий. Мой раб не передал, зачем я вызвал тебя?

– Я и слушать не стал, еле продрал глаза. Вчера Луций Лициний закатил славную попойку. Какие были танцовщицы! Одна выжала из меня все соки, я не в состоянии был шевельнуться. Рабы отнесли меня домой, я даже не мог сам передвигаться. Но где ты пропадал вчера? Мы голову ломали, послали рабов разыскать тебя. Так что случилось? Чего ты поднял меня в такую рань? – Макрон плеснул себе воды и, выпив, поморщился. – Начинает просыпаться аппетит.

– Мы едем договариваться о моей помолвке. Я собираюсь жениться. – Калигула подозвал раба: – Немедленно тогу для Невия, парикмахера и массажиста.

– Гай, я не верю своим ушам! – вскричал Макрон. – Ты сошел с ума! Ведь еще вчера ты был свободен как ветер и ни о чем подобном не помышлял. Кто она?

– Дочь Марка Юния Силана.

– Кто такой этот Силан? Первый раз слышу это имя. Он из Юниев или их вольноотпущенников?

Калигула недовольно поморщился:

– Тиберий вернул его с семьей из ссылки. Еще при Августе Силан был сослан за связь с его дочерью. А я собираюсь жениться на его единственной дочери. Много лет я уговаривал Тиберия вернуть ему гражданство.

– Калигула, я всегда считал тебя разумным человеком, а у тебя, оказывается, не все в порядке с головой. Ты хоть видел ее?

– Она прекрасней всех наших признанных красавиц. К тому же я знаком с ней еще с детства. Юния – лучшая девушка на свете. Ты сам поймешь, когда ее увидишь.

Волосы Макрона привели в порядок во время этого разговора, и двое рабов принялись драпировать его новую тогу. Калигула, уже готовый к выходу, насмешливо смотрел на него:

– Проснись же, мой друг. Твои глаза, вижу, точно присыпали песком, ты не можешь поднять веки. Я тоже не спал всю ночь.

– Надеюсь, это время ты провел так же весело, как и я.

– Невий, что у тебя на уме? Я встречался со своей невестой после долгой разлуки, и мы беседовали всю ночь. – Калигула решил умолчать об остальном. Не хотелось никому признаться в истинных чувствах.

– Странный ты сегодня, Гай. Всегда с восторгом расписываешь любовные утехы даже с известными матронами, а тут молчишь как убитый. Ни за что не поверю, что ты проговорил с ней всю долгую ночь. – Возмущению Макрона не было предела.

– Отстань, Невий, – ответил Гай.

Наконец они уселись в носилки, где Серторий сразу уснул. Храп его раздавался всю дорогу. Гай еле разбудил его, когда они подъехали к дому Силана. Раб-привратник впустил их.

– Гай, я смотрю, ты и вправду сумасшедший, – заговорил проснувшийся Невий, – подарить невесте дом Ливии! Ты... ты... у меня просто нет слов.

Их встретил Марк Юний Силан. Он сильно смутился, увидев наследника императора в сопровождении префекта претория. После взаимных приветствий приехавших проводили в триклиний, где подали вино и завтрак.

– Я польщен возможностью видеть у себя таких именитых гостей, – сказал Силан, завязывая разговор.

– Марк Юний, – произнес Калигула, – я пришел договориться о дне помолвки с твоей дочерью. Я уверен в ее согласии, она дала мне его много лет назад, когда вы гостили у моего отца в Антиохии.

– Никто не принял тогда всерьез ваши чувства, но она всегда помнила о маленьком Сапожке. – Силан поднял чашу с вином. – Давайте совершим возлияние богине Венере, которая так долго хранила вашу любовь.

Гости поддержали его. Неторопливая беседа тянулась еще с час под зевание Макрона. Калигула с неудовольствием поглядывал на него, чувствуя, что и самому невольно. Наконец они поднялись из-за стола и попрощались, договорившись о встрече в доме Силана завтра в первом часу дня, самом благоприятном для обручения, и уехали.

– Калигула, ты, часом, не пьян? – поинтересовался Макрон, когда они уселись в носилки. – Ты женишься на старой девственнице и еще отказываешься от приданого. Я пришлю тебе лучшего лекаря, как только попаду домой. Почему я не видел ее? Ты обещал нас познакомить, ревнивый дурак!

– Спи, Макрон, и прекрати лезть в мои дела, – раздраженно сказал Калигула. – Юния должна быть уверена в моих чувствах, а не в том, что я беру ее в жены ради ничтожных сестерцев.

– Но их же миллион! Глупец! Ее отец скопил достаточно, прожив так долго в Египте. Сам слышал, он даже был назначен старейшиной.

– Да хоть двадцать миллионов, – ответил Гай.

– Я не узнаю тебя! И только не говори, что сегодня мы не встретимся ночью. Ты забыл, что мы собирались пойти в лупанар Лары Варус? Она купила чудных гетер, мне рассказал вчера сенатор Агриппа. Этот старый потаскун уверял, что им известен какой-то новый способ разврата.

Невий собрался выйти у дверей своего дома, но задержался, пока не услышал согласие друга.

– Только не вздумай никому сказать о помолвке. Я надеюсь на твое молчание, Макрон, – произнес Калигула и дал знак трогаться. Отъезжая, он услышал, как Невий кричит: «Энния! Энния!»

«Как же, будет она сидеть дома», – устало подумалось Гаю, прежде чем он закрыл глаза.

Разбудило Калигулу легкое поглаживание по щеке. Рабы уже доставили его во дворец, заботливо разув и сняв тогу, уложили в кровать.

– Юния, – забормотал он, чувствуя нежный запах духов.

– Как ты назвал меня? – услышал он мелодичный знакомый голос и открыл глаза. Около него сидела симпатичная молодая женщина с ярко насурьмленными бровями и пунцовыми губками.

– А, Энния... Твой муж звал тебя, когда мы подъехали к вашему дому, но я догадался, что в это время ты можешь быть где угодно, но только не дожидаться его возвращения. – Гай сел на кровати, свесив ноги. – Я не звал тебя, мне надо отдохнуть. Иди домой. Но подай вначале мне вон ту чашу.

– Ты прогоняешь меня, требуя при этом исполнить обязанности рабыни. Я начинаю выходить из себя, – зло сказала Энния.

– Ну тише, тише, – примирительно произнес Калигула. – Гнев искажает твое красивое лицо, и ты становишься похожа на Горгону с эгиды Минервы.

Энния злобно фыркнула, но потянулась к столу и подала чашу Калигуле. Совершив возлияние, он с жадностью осушил все до капли.

– Ну вот, несколько полегчало, – произнес он. – Скажи мне, прекрасная Энния Невия, что привело тебя в такой неурочный час?

– Неурочный, как же, – возмутилась женщина, сдвинув изящно выщипанные брови. На тонком носике появились недовольные морщинки. – Пьянствовал вчера у Луция Лициния с моим мужем? Теперь отсыпaeшьcя. А мне просто захотелось увидеть своего дорогого Гая. Сегодня, прогуливаясь по Священной дороге, я завернула в ювелирную лавку и приобрела несколько чудных вещиц, одна, думаю, подойдет к твоему плащу.

Энния протянула ему золотую фибулу с изумрудом. Калигула равнодушно повертел ее в руках и кинул на подушку:

– Ты уже подарила мне дюжину, зачем еще одна?

Она придвинулась ближе, обдав жарким дыханием его щеку. Рука ее обвилась, как змея, вокруг его шеи. Гай передернул плечами:

– Энния, перестань. Ты – жена моего друга. Я не хочу, чтоб меж нами возникла ссора.

– Я безразлична Невию, мы спим в разных спальнях уже полгода, ему более по душе ласки развратных гетер. Я не могу ничего поделать со своим сердцем, которое каждый раз замирает, стоит мне увидеть тебя. Я готова на любые безумства, лишь бы ты подарил мне свою любовь.

– Ох, Энния, – Калигула сонно вздохнул, – тяжело мне с тобой. Макрон мне нужен как друг, а не враг. Своим жалким женским умом тебе не понять наших планов. Ты забываешь, что я – наследник Тиберия, а твой муж – префект претория, его поддерживают преторианцы, меня – народ, когда цезарь умрет, я хочу занять его место без излишних осложнений. Если ты не мила своему законному мужу, проси развода, и мы поженимся.

Глаза Эннии разгорелись.

– Но, – поспешно прибавил Калигула, – только когда я стану принцепсом. А пока и не помышляй о любовных играх. Все, иди! Дай же мне наконец отдохнуть.

Он откинулся на ложе, а разочарованная Энния, накинув паллу на голову, чтоб избежать любопытных взглядов рабов, удалилась.

Гай закрыл глаза, но сон уже ускользнул от него. Снова всплыли воспоминания о возлюбленной, мешая долгожданному отдыху, ее сладкие губы, запах нежной ароматной кожи и совершенное тело. Как она прекрасна! Сознает ли сама силу своей красоты? Стоит ей раз выехать из дома, толпы зевак, от нищих плебеев до гордых патрициев, будут бежать за ее носилками, чтобы увидеть поближе Венеру, почтившую вниманием жалких смертных. Поэты станут слагать оды в ее честь, многие придут просить ее руки, но какой же взрыв произойдет, когда весь Рим узнает, что она принадлежит ему. Ревность холодной рукой сдавила горло – если б у народа была одна голова, он отсек бы ее одним ударом. Но постепенно Калигула успокоился, подумав, что Юния столько лет оставалась ему верна, бережно сохранив свою детскую любовь.

И звездная сирийская ночь распахнула перед ним свои объятия, впуслав в душу события далекого прошлого...

VIII

...Было страшно. Равнодушные звезды взирали свысока на детей, пробирающихся темными улицами. То, что они несли в мешках, могло навлечь серьезные неприятности, останови их ночная стража. Мартина снабдила их гниющей падалью, заговоренной на смерть Германика, и все это надо было разместить тайком в разных углах дома. Сама Геката покровительствовала им в те дни, приняв щедрые жертвы.

Мартина много рассказывала детям об этой богине, которую почитают и боятся, ставя ее трехглавые изображения на перекрестках дорог. И Юнии вдруг впервые вспомнилась давняя история, связанная с покойной матерью. Будто что-то упоминал отец. Мартина помогла девочке, погрузив ее в транс своими заклятиями, узнать правду о сделке, которую заключила с подземной богиней ее умирающая мать. Геката забрала ее жизнь в обмен на жизнь дочери. Тяжелобольная Клавдия, едва начались схватки, тщетно молила богов помочь ей родить. Одна Геката вняла ее слабой мольбе.

– Запомни, милашка, – сказала тогда Юнии Мартина. – Твоя жизнь принадлежит Гекате. Служи этой темной богине, и она будет помогать тебе. Многим матерям приходится заключать подобные сделки, и Геката всегда помнит об этих детях, отмечая их особой печатью.

– Но на мне нет никакой печати, – недоуменно возразила девочка.

– Да уж, она не стала портить твою редкую красоту, – ответила Мартина и вдруг резко притянула ее к себе. – Вот, смотри.

С этими словами она откинула с затылка девочки тяжелые пряди белокурых волос и показала Калигуле на маленькую черную родинку:

– Служи своей матери, девочка. И никогда не забывай об этом.

Больше ничего не прибавила колдунья и вытолкала их вон, кинув вслед мешки.

Гай и Юния еще долго плутали во тьме ночной Антиохии, намеренно путая дорогу.

– Я боюсь возвращаться, – наконец признался Калигула, когда они в третий раз прошли мимо нужного поворота.

– Я тоже. Верны ли ее предсказания? – спросила вдруг девочка. – То, что она сказала сегодня, сильно испугало меня. Моя мать – темная богиня. И эта родинка на затылке. Ерунда какая-то.

– Нет, не ерунда, – вскинулся Калигула. – Я верю Мартине. Она сказала, что я бог и стану могущественным, когда вернусь в Рим. Ты же ведь приехала из Египта, повинувшись тайному зову. Ты тоже почувствовала это. Не отпирайся!

Юния грустно кивнула, охваченная невеселыми думами. Мать посвятила ее Гекате. Девочке было страшно. Как теперь ей служить темной богине?

– Скажи, Гай, – наконец она решилась обратиться к своему рассерженному спутнику. – Но к чему она так настаивает, чтобы твой отец умер раньше назначенного парками времени? Если Германику все объяснить, он согласится и на нашу свадьбу, и на то, что ты – особенный. Он ведь и сам свидетель тому, что ты усмирил войско.

Мальчишка расхохотался:

– Давай попробуй поговорить с гордым Германиком! Он прикажет выпороть меня до полусмерти за подобные мысли! Интересно, а что сделает с тобой твой отец? Эти взрослые ненавидят, когда дети умнее их, они слепы и глухи к нашим чувствам. Германик высмеял меня, когда я начал настаивать на нашей свадьбе, и запретил думать об этом. Меня насильно женят в Риме, а тебя выдадут замуж в Александрии. Ты же дочь ссыльного. Моя мать тоже посчитала позорным обручить меня с дочерью того, кого выслал Август, ее дед. Смеясь, она кинула мне в лицо правду, похожую на плевок ядовитой гадюки. Знаешь, за что сослали твоего отца, лишив гражданства?

Холодея от ужаса, Юния качнула головой.

– За то, что он был любовником ее распутной матери!

Девочка отшатнулась:

– Значит, ты тоже считаешь наш брак позорным, как и твои родители? – хрипло спросила она.

– Ну что ты, моя звездочка! – неожиданно ласково произнес Гай и обнял ее за плечи. – Я так люблю тебя. Мы уберем с дороги тех, кто мешает нам. Мартине надо доверять.

Юния послушно кивнула. Сомнения бесследно растворились в душе, стоило распахнуть ее навстречу тьме. И Геката благословила союз двух детей.

Удобный случай привести замыслы колдуньи в исполнение выдался, когда все, от господ до челяди, собрались на играх в местном амфитеатре, которые устраивал Гней Пизон. Дети разместили все таинственные предметы по дому.

А спустя несколько дней начался кошмар. Страшный запах гнили стал преследовать всех домашних. Агриппина и Юния принялись курить сильнейшие благовония, но напрасно. Запах гнили забивал все вокруг, витая даже на кухне и во дворе. Сапожок говорил Юнии, что отец подозревает Планцину, жену Пизона, в наведении порчи. Силан был в сильном беспокойстве, он давно бы уже уехал в Александрию, но долг дружбы повелевал ему остаться, к тому же многие друзья Германика перестали посещать дом. Марк Юний попробовал отослать дочь, но натолкнулся на такое упорное сопротивление с ее стороны, что вынужден был сдаться, пожившись на волю богов.

Агриппина в страхе приказала обыскать весь дом. К ужасу всех, в полу и на стенах обнаружилось извлеченные из могил остатки человеческих трупов, начертанные на свинцовых табличках заговоры и заклятия и тут же – имя Германика, полуобгоревший прах, сочащийся гноем.

«Душа господина уже в руках богов смерти», – шептались втихомолку слуги. Но Германик не сдавался, приказав совершить ритуальное освящение в доме, и лично сжег во дворе все останки. Установилось относительное спокойствие, было проведено расследование, и привратник сознался, что в отсутствие правителя и его жены он как-то застал Планцину одну в доме, выходящей из внутренних покоев. В доме усилили охрану, увеличив количество рабов. Германик оправился от болезни и, хотя еще чувствовал себя ослабевшим, стал выезжать на осмотр полков, разбирать тяжбы и издавать указы. Но все это было лишь затишьем перед бурей.

Сапожок с Юнией, забившись в темный угол подвала, держали военный совет.

– Гай, боюсь, у нас ничего не выйдет, – сказала Юния, жуя пирог с мясом. – Надо что-то срочно придумать. Мартина в очередной раз подтвердила, что ты не станешь великим, пока жив твой отец. И мы не сможем пожениться. Но вчера около ее дома стояли носилки Планцины. Я хотела взять у нее заговоренных трав для Агриппины, но ни с чем повернула обратно. Не кажется ли тебе, что Мартина лжет, наученная женой Пизона? Все знают, как ненавидят они нашу семью.

– Пусть даже и так, – с умным видом произнес Калигула. – Но мы все равно выиграем, если Германик умрет. Тогда уж моя мать точно согласится на нашу свадьбу.

– А мой отец?

– А кто помешает ему отправиться вслед за моим? Нет, дорогая, ты не права, у нас должно получиться. Отломи и мне кусочек пирога. – Прожевав, он продолжил: – Мой отец, по признанию матери, живет во власти суеверий. Вся эта падаля, заговоренная Мартиной, испугала только глупых рабов. Да и какой теперь прок от ее порчи, если дом очистили от скверны?

Юния приуныла.

– Не стоит огорчаться. Я украл у колдуньи флакон с ядом, – вдруг признался Калигула. – Нам не нужна теперь ее помощь. Справимся сами!

– Но чтобы яд действовал, нужны заклинания. Без помощи темной богини нам не обойтись, – возразила девочка.

Теперь Гай повесил голову.

– Как же я мог забыть? – вдруг встрепнулся он. – У отца есть надежный амулет, и Геката не сможет помочь нам, пока он у него. Германику дала его одна греческая старуха, о которой ходили слухи, что она говорит с богиней, как с равной. Мать рассказывала мне, что, напуганный предсказаниями жреца Кларосского Аполлона о преждевременной смерти, отец тут же в Колофоне встречался с местной колдуньей.

– Что за талисман? Ничего подобного у него я не замечала.

– Еще бы, – невесело усмехнулся Гай. – Я и сам не знаю, где он прячет его. Но мы выследим.

На этом совет закончился.

Состояние Германика опять ухудшилось. Появились признаки той же болезни, что и в прошлый раз. Плачущая Агриппина уложила его в постель и поставила холодные примочки на живот и пылающий лоб. Калигула, Юния и Силан молча стояли у изголовья.

– Я скоро умру, – неожиданно произнес Германик тихим голосом.

Агриппина зарыдала, заламывая руки.

– Нет, не плачь, моя любимая, – твердо сказал Германик. – Боги ополчились против меня. И нам не по силам бороться против них.

– Отец, ты не должен сдаваться, – заявил Калигула и выхватил меч. – Я останусь охранять тебя, со мной ты не должен ничего бояться.

– Спасибо, сынок. Но ты еще маленький мальчик, и тебе не справиться с богами подземного мира. Смирись, как смирился я.

Калигула мысленно усмехнулся: «Конечно, отец, ты смирился с неизбежным. Согласись ты поженить нас с Клавдиллой, и остался бы жив».

На следующий день Германик впал в забытие. Агриппина подняла панику. Но с помощью лекаря его удалось привести в чувство.

Схватив за руку Агриппину, он горячо зашептал:

– Я чувствую, что стою на пороге царства мертвых, а так хочется еще пожить.

– Ты не умрешь, пока с тобой твой амулет. Помнишь, что сказала колдунья? – тихо возразила Агриппина.

Но не настолько тихо, чтоб это не услышала Юния. На глазах у девочки Агриппина сжала руку мужа, где на пальце было кольцо из черного агата с вырезанным в нем ключом.

Утром Германику неожиданно стало лучше, и он распорядился принести пергамент. Германик написал письмо Гнею Пизону, приказав покинуть провинцию. Агриппина промолчала о том, что наместник давно уже уехал, ожидая на границе вестей о смерти правителя.

На следующее утро Агриппина отлучилась на кухню, чтобы лично приготовить целительный травяной отвар, а Германик остался один. В полудреме он не заметил, как в кубикулу прокрались Гай и Юния. Германик спал. Мальчик попробовал стащить кольцо с его пальца, но оно не поддавалось, и ему ничего не оставалось делать, как резко дернуть.

Крик Германика поднял на ноги весь дом. Но Агриппина никого не впустила в комнату.

– Любимый, что произошло?

– Пропал амулет, нет кольца!

Затаив дыхание, дети сидели тихо, как мыши, под кроватью. Ужас когтями сжимал их маленькие сердечки. Сейчас обнаружатся все их проделки. Пока Агриппина переворачивала все подушки и перины, Гай сжимал похолодевшую руку своей любимой. Их спасло то, что они забились в маленькую нишу за занавесками у кровати и Агриппина их не заметила. Когда она

убежала, призывая Гая, они тихонько выбрались – Германик лежал без сознания – и спрятались в подвале, где их вскорости и нашли. Опасность миновала.

А утром следующего дня Германик созвал всех легатов, Силана, домочадцев и сказал последние слова в своей жизни:

– Если бы я уходил по велению рока, то и тогда были бы справедливы мои жалобы на богов, преждевременной смертью похищающих меня еще совсем молодым у моих родных, у детей, у отчизны. Но меня злодейски погубили Пизон и Планцина, и я хочу запечатлеть в ваших сердцах мою последнюю просьбу: сообщите отцу и брату, какими горестями терзаемый, какими кознями окруженный, я закончил мою несчастливую жизнь еще худшей смертью. Все, кого связывали со мною возлагаемые на меня упования, или кровные узы, или даже зависть ко мне живому, все они будут скорбеть обо мне, о том, что, дотоле цветущий, пережив превратности стольких войн, я пал от коварства женщины. Вам предстоит подать в сенат жалобу, воззвать к правосудию. Ведь первейший долг дружбы не в том, чтобы проводить прах умершего бесплодными сетованиями, а в том, чтобы помнить, чего он хотел, выполнить все, что он поручил. Будут скорбеть о Германике и люди незнакомые, но вы за него отомстите, если питали преданность к нему, а не к его высокому положению. Покажите римскому народу мою жену, внуку божественного Августа, назовите ему моих шестерых детей. И сочувствие будет на стороне обвиняющих, и люди не поверят и не простят тем, кто станет лживо ссылаться на какие-то преступные поручения⁴.

Больше он не произнес ни звука, и через несколько ударов сердца его не стало.

Агриппина после сожжения тела Германика приняла решение отправиться в Рим к детям.

Она встретилась с Силаном:

– Друг мой, мы должны вернуться. В чужой Сирии нас ничто уже не держит. Я хочу достойно похоронить прах моего Германика. Я не смею предложить вам сопровождать нас в Рим, откуда ваша семья была в свое время изгнана Августом.

– Конечно, Агриппина, – проговорил с грустью Силан, – из-за болезни и смерти правителя мы и так чересчур долго задержались, злоупотребив вашим гостеприимством, но я не мог оставить его и тебя в столь тяжелое время. Мы вернемся в Александрию. Кальпурния уже заждалась меня.

Они обнялись на прощание и больше никогда не встречались. На рассвете Марк Юний тронулся в путь.

Прощание Юнии и Гая было поистине душераздирающим.

– Я люблю тебя, мой Сапожок, – без конца твердила Юния. – Я останусь с тобой, не поеду с отцом. Агриппина поймет меня и разрешит.

– Бесполезно, я говорил с ней, – возражал Гай, глотая слезы, – она и думать не хочет о наших чувствах. У нее каменное сердце. Лучше я убегу из дома вслед за тобой.

– Ах, Гай, отец, узнав об этом, тотчас отправит тебя обратно, мы не сможем долго обманывать всех. Я чувствую, что мы надолго расстаемся. Я ненавижу всех, весь мир против нашей любви. Мартина обманула нас.

– Юния, я клянусь тебе Юпитером, что мы встретимся! – торжественно сказал Гай. – Я уберу с дороги всех, кто станет помехой. Пусть пройдут годы, но ты обязательно приедешь ко мне в Рим, и мы будем править империей вместе, не разлучаясь до самой смерти.

И вновь слезы, поцелуи и клятвы в верности на всю жизнь.

Утром, когда Юния спала в объятиях Сапожка, одна из рабынь перенесла ее в носилки, и Силан отдал приказ отправляться. Через час пути она проснулась и начала в отчаянии рвать

⁴ См.: Тацит. «Анналы», II, 71.

свои роскошные белокурые волосы, кидая клочья на дорогу. Марк Юний был в панике, пытаясь успокоить дочку, он лишь усилил ее истерику. Тогда в гневе он приказал связать ее.

Неожиданно их догнал на лошади запыхавшийся Гай, весь чумазый от пыли. Он на ходу вскочил в носилки и обнял свою возлюбленную, распутав полотенца, которыми ее спеленали, точно куклу. Силан даже прослезился, глядя на эту трогательную детскую любовь. Вынужденная остановка продлилась еще три часа, пока наконец Сапожок не умчался.

Он гнал обратно, без жалости вонзая стилет в окровавленный круп коня, пока тот без сил не рухнул у двери дома. Но теперь Сапожок был спокоен. Юния увозила частичку его души, символ их союза – кольцо-амулет с ключом из черного агата.

Римская ночь неожиданно ворвалась к нему, напомнив о себе громким ударом в бронзовый гонг. В кубикулу ввалились его друзья – актеры Мнестер и Аппелес, статные красавцы, любимцы Рима.

– Позволят ли Гай Цезарь скрасить ему эту благодатную ночь? – спросил, кривляясь, Мнестер.

– Гай, да что с тобой? Ты пропал вчера вечером, не явившись к Луцию, и сегодня даже не удосужился послать за нами. – Голос Аппелеса был полон обиды. – Ты забыл, что сегодня мы идем к Ларе Варус?

– Нет, друзья мои, – ответил Калигула. – Срочные дела отвлекли меня. Но сегодня я свободен до полуночи.

Он приказал кравчему разлить вино. Совершив возлияние, они выпили.

– Но почему до полуночи? – поинтересовался ехидно Аппелес. – Какая-то римская красотка окрутила тебя и ты спешишь на свидание? И не надейся, мы тебя не отпустим, вчера нам было скучновато без твоих обычных выходов. А какие были танцовщицы!

– Видел бы ты, что выделявал пьяный Макрон! – подхватил Мнестер, любуясь своим отражением в зеркальце. – Они с престарелым Агриппой потащились танцевать, разогнав всех девушек. Мы едва не надорвали животы со смеху. Сейчас я изображу тебе этот полный грации танец.

Мнестер вытянул Аппелеса на середину комнаты, и Калигула долго забавлялся, глядя, какие смешные телодвижения совершали они, копируя пьяных. За время, пока друзья танцевали, рабы облачили его в тогу.

– Ну нет, Гай Цезарь, так не пойдет! – вдруг сказал Мнестер. – Ты же хотел наказать эту крысу Лару за то, что она не оставила для тебя ту малышку, а позволила ей уйти с сенатором Кальпурием.

Калигула хлопнул себя по лбу.

– А ведь точно, – проговорил он. – Эй, рабы, несите мой любимый парик, синюю столу и покрывало. Сегодня буду в своем излюбленном наряде. А вы пока пейте, я быстро переоденусь. Эй, Ботер, беги к Макрону, предупреди, что через час мы будем у Лары Варус.

Ботер убежал. Мнестер с Аппелесом потягивали из больших чаш светлое родосское вино, дурачась и строя гримасы, наблюдая, как рабыня наносит грим на лицо Калигулы. Наконец метаморфоза благополучно завершилась, и перед актерами предстала статная матрона, ярко накрашенное лицо которой обрамляли рыжие пряди.

– Браво, Калигула! – вскричали они. – Ты, как всегда, неподражаем!

– Пора ехать, уже самое время, – важно произнес Калигула.

– Ну уж нет, подожди, – сказал Аппелес, – нам тоже надо сыграть свою роль. Вели принести нам другую одежду. Иначе, увидев наши лица, Лара Варус раскусит весь маскарад.

Переодевание актеров происходило быстрее: на них надели короткие туники, блестящие нагрудники и шлемы легионеров. И они, изрядно заправившись вином, более чем странной компанией отправились на Субуру.

IX

Силан поднялся к дочери в солярий, едва она успела открыть глаза. Косые лучи солнца пронизывали беседку, пробиваясь сквозь ветви винограда. Смеркалось. Юния оправила тунику, поглядывая сквозь опущенные ресницы на отца. Она видела, что он медлит начать разговор.

– Вот ты и невеста, дочка. Наследник императора сегодня просил твоей руки, и я не отказал ему. Это честь для нашего рода. Префект претория был тому свидетелем. На завтра назначена ваша помолвка.

Юния уловила скрытую грусть в словах отца.

– Я вижу, тебе не по вкусу этот брак? – поинтересовалась она. – Ты знаешь, как я мечтала об этом долгие годы, и должен радоваться, что мои надежды сбылись.

– Нет, я рад за тебя, дочка. Ты сама выбрала свою судьбу. Звезды благоволят тебе. Да ниспошлют боги счастья тебе и твоему избраннику!

Слезы неожиданно заблестели на глазах Марка, он аккуратно промокнул их краешком тоги.

– Отец, скажи начистоту, что мучит тебя? Я не пойму причины.

– Мне не хотелось говорить об этом, Юния. Но само наше возвращение было ошибкой. Что ты знаешь о том, кого не видела больше десяти лет? Ты отвергала достойные предложения в Александрии, и я, глупец, шел у тебя на поводу, даже Кальпурния не могла ничего с этим поделать.

– Но я все-таки хочу услышать о причине твоих мучений, отец. – Юния обняла его и прижалась к плечу.

– Твой Сапोजок – развратник и первый разбойник в Риме, ты не будешь счастлива с ним. Ваш семейный очаг не станет гореть ярким пламенем, потому что муж вряд ли станет ночевать с тобой в одной постели, ему более по вкусу ласки продажных девок. – Силан глянул в глаза дочери.

Юния опустила ресницы, стараясь скрыть смех:

– Боги благословят наш союз, я уверена.

– Я предупредил тебя, дочка. Потом не упрекай своего старого отца. Но знай, что, уходя из нашего дома, он говорил префекту о попойке в лупанаре, кажется, Лары Варус, что на Субуре. Я уже начинаю сомневаться, что утром он придет на помолвку. Мне тяжело здесь, нет ни знакомств, ни связей. Толпы клиентов не осаждают наши двери, как в Александрии, даже некого позвать на обед. Имя Силана не известно в Риме даже последнему плебею.

Юния рассмеялась, догадавшись, что мучит ее отца. Непомерно тщеславный, он ожидал, что его возвращение наполнит Рим слухами и каждый будет искать с ним встречи, но, видимо, даже старые знакомые не пожелали узнать его, стоило Силану утром пойти на форум. Кому нужен забытый изгнанник?

– Отец, успокойся, отдохни в теплой беседке. Уже послезавтра твое имя будет у всех на устах, тебе захочется спокойствия, и ты будешь прятаться в ойкосе за занавесками от докучливых посетителей.

Девушка проворно вскочила и убежала, оставив отца наедине с его мыслями. По дороге Кальпурния окликнула ее и спросила, не желает ли она перекусить, но Юния даже не заметила ее вопроса, погруженная в думы. Очутившись в своей комнате, она позвала Гемму:

– Гемма, тебе задание. Потихоньку стащи у отца его лучшую тогу, отрежь от нее ровно столько, чтоб она была мне впору, а еще пусть Хлоя попросит от моего имени у Кальпурнии ее черный парик и острижет его под мужскую прическу. И позови ко мне Палланта.

Гемма покорно удалилась, гадая про себя, что затеяла госпожа. Паллант хозяйничал на кухне, наблюдая за приготовлением обеда. Кальпурния купила повара только сегодня, и управляющий был начеку, проверяя приобретение. Он уже отведал фаршированных бекасов, запеченных устриц, уток в черносливие с яблоками, и его глазки совсем осоловели. Все это записывалось большим количеством хозяйского вина. Гемме пришлось два раза повторить приказ Юнии. По дороге из кухни в комнату госпожи пострадала прозрачная занавесь в перистиле, в нужный момент помогшая удержаться на ногах. Зато перед Юнией он предстал уже в нормальном состоянии.

– Слушаю твои приказы, госпожа.

– Паллант, мне нужны пять крепких рослых рабов, чтобы они сопровождали и охраняли меня ночью, – сказала Юния.

– Я не ослышался, госпожа? – Глаза Палланта округлились. – Молодой девушке не место на улицах ночного Рима.

– Не смей рассуждать, раб. Ты забываешься! – гневно произнесла девушка. – Иди и выполняй приказ, чтоб они были вооружены короткими мечами, одеты в кольчуги и плащи. Мне тоже подготовь плащ. И чтоб никто из моей семьи не догадался ни о чем. Иначе смерть тебе!

Паллант кубарем выкатился из покоев госпожи. А нрав у нее, однако, решительный и жесткий!

Силан прислал к Юнии рабыню сказать, что подали обед, но девушка сослалась на головную боль и приказала никого к ней не пускать. Тем временем Гемма принесла переделанную тогу, а Хлоя – парик. Надев его, Юния поморщилась:

– Плохо ты выстригла его, Хлоя. У тебя есть шанс загладить свою оплошность, иначе я прикажу высечь тебя за испорченную вещь.

Белокурая галлийка трясущимися руками не смогла удержать массивные ножницы.

– Глупая гусыня, – толкнула ее в бок Гемма, – такими только овец стричь. Возьми поменьше.

С помощью Геммы Хлоя наконец сладила с париком. Волосы Юнии скололи сзади множество булавок, Гемма аккуратно натянула парик. Из зеркала на Юнию глянул молодой человек женоподобной наружности.

– Не годится, – вздохнула девушка. – Чего-то не хватает.

– Я знаю, госпожа, – воскликнула Хлоя, довольная случаем услужить, – тебе надо нанести побольше сурьмы на брови, у мужчин они гуще, и чуть подрисовать пушок на губе. Как будто пробиваются усы.

– Давай рисуй.

Хлоя, с трудом поборов страх, принялась водить тонкой кистью.

– Готово, госпожа. – Она протянула зеркальце.

– Смотри-ка, прибавилось мужественности, – заметила Юния. – Теперь того. Драпируйте покрепче, и больше складок, чтоб не вырисовывалась грудь.

В дверь постучали.

– Я же приказала никого не пускать в мои покои! – гневно крикнула Юния.

– Это я – Паллант!

Грек важно зашел в комнату, но, увидев госпожу в таком обличье, остолбенел.

– Рабы для сопровождения готовы?

Он кивнул. И тут же кинулся к девушкам.

– Ах вы бестолковые, куда лепите эти складки? – Он ударил Гемму по руке. – Позволь мне помочь им, госпожа.

Через полчаса Юния с довольным видом осмотрела себя в зеркале.

– Что ж, если не открывать рот, вполне можно сойти за богатого юнца, зашедшего поразвлечься, – сказала она.

– Куда ты собралась, госпожа? – спросил Паллант.

– Не твоего ума дело, – отрезала девушка. – Теперь выведи меня незаметно на улицу.

– Не беспокойся, в этом доме множество тайных коридоров и дверей.

Паллант взял Юнию за руку, откинул занавесь над потайной дверью и повел хозяйку куда-то в темный проход. Гемма, оставшись наедине с Хлоей, тяжело вздохнула:

– Боюсь я ее, такая красивая, но доброты в ней нет.

Хрупкая Хлоя расплакалась:

– Раньше я служила у богатой вдовы и умею только делать маски, наносить грим, делать затейливые прически. И вдруг – постриги женский парик под мужской и задрапируй тогу. Где это видано?

– Молчи, глупая голова, да сохраняют твою никчемную жизнь твои галльские боги. Сегодня сам наследник императора приезжал договариваться с Силаном об их свадьбе.

Хлоя в ужасе всплеснула руками.

– Боги пару сводят, – только и сказала она.

Тем временем Юния с Паллантом вышли на улицу через незаметную дверь в стене. Рабы в полном вооружении ожидали свою госпожу. Они не сразу поняли, что она одета мужчиной.

Разобравшись, в чем дело, вперед вышел рослый каппадокиец и произнес:

– Меня Паллант назначил главным в отряде. Мое имя Пантер, мы доставим тебя в безопасности куда пожелаешь.

– Я не знаю Рима. Мне надо попасть в лупанар Лары Варус на Субуре.

– Идем, госпожа, только прикрой голову, ночной Рим полон неприятных неожиданностей. Улицы Субуры имеют плохую репутацию.

Рабы плотно обступили Юнию и нога в ногу двинулись вперед. Девушка сразу же пожалела, что не взяла носилки. Улицы были жутко грязны, иногда в опасной близости от их голов отворялись окна, откуда лились дождем нечистоты. Юния прижимала к носу флакон с благовониями. Подозрительные прохожие скользили мимо, подобно легким теням, но внушительная охрана с мечами наголо наводила подобающий страх. Попадались пьяницы, распевающие непристойные песни, из открытых дверей кабаков доносились громкие выкрики, и чад клубился в отблесках редких факелов. Тут же предлагали себя уличные девки, маленькие мальчишки шныряли, шепотом расхваливая прохожим прелести старших сестер. Жизнь в Риме не утихала ни на миг.

Юния жадно впитывала ночные звуки. Это был ее город, куда она окунулась, точно рыба в воду. Она уже отбросила свой флакон, ее перестал смущать запах ночного Рима. Она чувствовала себя свободной. Свободной впервые за много лет!

Им попался отряд вигилов – бодрым шагом они прошли мимо, звеня доспехами. Сбоку раздались крики о пожаре, окна домов стали распахиваться, забегали люди с ведрами, забил гонг.

– Госпожа, ускорим шаг! – обратился к Юнии Пантер. – Иначе скоро мы не пробьемся через людской поток.

Они почти побежали и наконец, свернув на главную улицу Субуры, оказались перед дворцом. Он стоял посреди сада, около ворот с массивными бронзовыми завитками, как статуи, высились фигуры охранников-нубийцев. Телохранители Юнии расступились, спрятав мечи в ножны, и пропустили госпожу вперед. Их никто не стал задерживать.

Сразу же подбежал управляющий – молодой египтянин с кудрями до плеч, миловидный, в яркой одежде.

– Господин желает развлечься? – низко поклонился он Юнии, и та положила в протянутую руку золотую монету. – Добро пожаловать в лупанар Лары Варус! Куда прикажешь проводить? Пусть твои охранники ожидают здесь, о них позаботятся.

Откинув зеленую занавесь, управляющий провел Юнию в обширный атриум. Раб забрал ее тогу, и к ним подошла сама хозяйка в розовой тунике, приоткрывающей грудь. Вся униженная драгоценностями, она была обворожительна. Внимание в первую очередь привлекал большой бюст идеальной формы, соски были выкрашены охрой на манер языческих жриц.

– Я – Лара Варус, – представилась она. – Рада видеть у себя нового гостя. Надеюсь, ты станешь постоянным посетителем. Желаете сохранить имя в тайне?

– Ну что ты, Лара! – Юния постаралась говорить как можно грубее. – Мое имя Квинт Юний Силан, наша семья на днях вернулась в Рим из Александрии. Признаться, – тут она интимно наклонилась к уху хозяйки, – я впервые в подобном заведении. В Александрии отец не спускал с меня глаз, он неистовый стоик. Поэтому я прошу у тебя помощи.

Лара игриво зажмурилась. Пухлой ручкой она нежно погладила юношу по щеке:

– Ты совсем еще молод и, вероятно, никогда не спал с женщиной. Чувствуй себя как дома, я заменю тебе мамочку, дорогой.

Юния едва сдержалась, чтоб не отвесить ей подзатыльник:

– Мне не нужна мамочка. Я хочу опытную гетеру. Но вначале желаю отобедать и насладиться искусством твоих прославленных танцовщиц.

– Как будет угодно господину Юнию. У меня уже собралась шумная компания, можешь присоединиться к ней.

Втайне Лару уязвило, что приглянувшийся юнец так невежливо отверг ее, поэтому она решила проучить его. Она знала, чем обычно завершаются оргии той шумной компании, куда она определила Юнию.

Они вступили в триклиний, где располагались роскошные лежа и богато накрытые столы, отделенные ширмами. Юния увидела несколько пьяных стариков, шумно перекрикивавших друг друга. За другим столом возлежали двое легионеров в красных туниках, между ними устроилась грузная матрона с рыжими космами, в беспорядке падающими на потный лоб, и несколько юнцов расположились рядом на невысоких скамейках. «Ага, вот и мой Гай», – узнала Юния Калигулу и обернулась к Ларе:

– Думаю, я присоединюсь к тем старикам.

– Это сенаторы, они приходят сюда выпить. Полагаю, будут не против поумничать перед молодежью. Однако не заскучаешь ли ты?

Ларе хотелось, чтобы Юния заметила за другим столом, но общество вокруг наследника императора не обращало на них ни малейшего внимания.

Они громко спорили меж собой, бились об заклад, удастся ли Макрону перепить Мнестера. Невий опаздывал, как всегда, и его собутыльники готовили ему в наказание грубую шутку, приказав Ларе подлить возбуждающего в чашу префекта претория. Едва Юния возлегла около сенаторов, которые даже не обернулись при появлении новичка, и отпила из чаши, как занавес в триклиний откинулся, пропуская еще одного гостя.

Неожиданно Клавдилла почувствовала легкий укол в сердце и окинула вошедшего внимательным взглядом, пытаясь понять причину внезапного беспокойства. Никогда прежде она не видела такого огромного мужчины. Голова его, казалось, упиралась в притолоку, а широкие плечи заполнили весь дверной проем. Волосы его были тронуты сединой, а взгляд серых глаз холоден и колюч.

– А вот и наш Макрон, – закричала рыжая матрона грубым голосом, что отвлекло внимание Юнии от новоприбывшего. – Налейте ему поскорей вина, вижу, глотка его высохла от жажды. Мы побились об заклад, что тебе не удастся перепить Мнестера.

Рабы придвинули ложе, омыли розовой водой руки префекта, и виночерпий протянул Невию чашу. Совершив возлияние, тот выпил все до капли под одобрительные выкрики друзей. Юния, не зная никого из присутствующих, наблюдала, потягивая свое вино. Она еще не притронулась ни к одному блюду и незаметно для себя стала пьянеть.

На сцену под звуки затейливой музыки вышла прекрасная финикийка и стала исполнять танец. Ее совершенное гибкое тело извивалось змеей, бедра плавно раскачивались в такт. Вот она принялась медленно снимать окутывающие ее прозрачные покровы. Публика взревела, даже сенаторы отвлеклись от извечных споров. Возбужденный миррисом, Макрон полез на сцену. Он грубо облапил девушку и потащил в кубикулу за занавески, но неожиданно финикийка начала вырываться и случайно оцарапала Невию щеку. Макрон опустил ее и с недоумением вытер кровь.

– Тварь! Дикая! Она ранила меня! – завопил он как безумный.

Из-за занавески выбежало двое рабов, они схватили финикийку и хотели увести. Но Макрон не дал им этого сделать:

– Велите принести плеть, я лично прочучу эту мерзавку!

Калигула засвистел. Переодетые легионерами принялись ему вторить. Египтянин-управляющий принес семихвостую плетку. Макрон тут же на сцене принялся немилосердно стегать девушку. Кровь брызнула на пол, но он не успокоился, пока не снял кожу с ее спины. Несчастная даже перестала кричать от жуткой боли и потеряла сознание.

– Все, можете уносить эту падаль. – Макрон пнул ее носком сандалии. – Эй, Лара, где твои девочки? Кровь моя бурлит, пора устроить настоящее веселье!

В залу впорхнула стайка красавиц, почти совершенно обнаженных – прелести их прикрывали лишь прозрачные разноцветные накидки, которые с треском рвали разгоряченные вином клиенты. Невидимые музыканты исполняли веселые песенки. Мнестер и Аппелес подхватили чернокожую эфиопку с тщедушным тельцем, похожую на мальчика, и вдвоем потащили ее в красную кубикулу. Оттуда раздались ее крики.

Юнии стало тяжело дышать, до того захотелось натворить всяких безумств. Похоть ее разыграла, разогретая обильной выпивкой. На ее глазах происходили немыслимые вещи. Старые сенаторы жадно ласкали девочек с белоснежной кожей, кусая им груди, отчего лились тонкие струйки крови.

Грузный Макрон, не стеснясь присутствующих, овладел белокурой римлянкой прямо на обеденном ложе, и их страстные вопли перекрывали музыку. И тут какая-то невиданная сила подняла с места Юнию, к которой подошла было черноволосая гетера. Юния резко оттолкнула девушку.

– Я хочу эту женщину! – громко закричала Клавдилла и указала пальцем на рыжую. – Пойдем со мной, ты ведь за этим пришла сюда, бросив мужа, дерзкая шлюха! Повеселимся вместе!

Нетвердо ступая, она подошла к столу, где сидел Калигула. В зале вмиг воцарилась тишина. Рабы Лары Варус по ее знаку кинулись было к дерзкому незнакомцу, не сообразившему вовремя, кто перед ним. Но неожиданно Гай Цезарь остановил их.

– Ты хочешь веселья, безусый юнец? – зловеще спросил он. – Более по душе тебе любовь знатной римлянки, чем умелых гетер? Что ж, я доставлю тебе удовольствие. Эй, Лара, проводи нас в мою личную кубикулу!

Сама хозяйка откинула перед ними тяжелый красный занавес. Калигула, тяжело ступая, вошел первым, за ним проскользнула Юния. Занавес опустился за ними. Тишина по-прежнему стояла в зале, даже музыка перестала играть.

– Раздевайся! – громко скомандовала Юния. – Что пялишь бесстыжие глаза?

Гай даже опешил от такой наглости неизвестного юнца.

– Сейчас я тебе устрою такое, – сказал он, – и ты пожалеешь, что боги помогли тебе родиться на свет.

Рыжий парик полетел на землю. Однако вопреки его ожиданиям на лице юноши не отразилось ни малейшего ужаса.

– Ты не понял еще, кто перед тобой? Я сам Калигула.

– Да понял я, мой возлюбленный, понял.

Для Гая знакомый голос раздался как гром среди ясного неба. Он еще не верил своим ушам, но черный парик упал, и белокурые волосы его возлюбленной рассыпались по плечам наглого юноши. Крик радости потряс стены лупанара Лары Варус. Гай и Юния слились в объятии, крепко сжав руки.

Однако большинство неверно истолковало этот вопль. Сенаторы в ужасе кинулись к выходу.

– Он убил его, убил! – без конца повторяли они. – Теперь и нам смерть, потому что мы единственные свидетели.

Они даже забыли свои парадные тоги с пурпурной каймой. Сама хозяйка забилась в угол, проклиная свой замысел. Убийство в стенах ее заведения грозило страшными бедами.

Мнестер и Аппелес, ослепительные в своей наготе, с мечами ворвались в кубикулу к Калигуле:

– Гай, мы здесь! Что произошло?

И застыли, пораженные увиденным.

– Все вон! – заорал Гай. – И чтоб никто не мешал нам.

Актеры удалились, задвинув занавес.

– Все в порядке? – спросил протрезвевший Макрон.

Лара тоже незаметно подошла к ним, прислушиваясь.

– Я едва не лишился чувств, увидев, что случилось, – начал Мнестер, но, неожиданно рассмеявшись, махнул рукой. – Лучше выпьем вина и продолжим оргию. Никого не должно касаться то, что происходит там.

Аппелес поддержал его, и больше ничего не удалось от них добиться. Успокоившаяся Лара Варус подала знак музыкантам, вновь полилась прелестная мелодия, вышли танцовщицы, рабы навели порядок, сменили блюда, принесли еще вина, и оргия возобновилась.

Появились новые посетители, очаровательные девушки принялись разбрызгивать благоухания, виночерпии едва успевали наполнять чаши гостей.

Лишь Макрон был озадачен. Хмель не брал его, зато съедало любопытство, но прошло еще немало времени, прежде чем он смог незаметно встать из-за стола и заглянуть за занавес кубикулы.

Тем временем Гай наконец выпустил Юнию из своих жарких объятий.

– Любовь моя, – радостно произнес он, – только ты, моя вторая половинка, могла так остроумно разыграть меня. Я рад видеть тебя, хотя к тому времени, когда ты пригласила меня заняться любовью, уже собрался нестись к тебе.

– Ага, думал, буду ждать тебя! Когда я услышала, что ты собрался к Ларе, мне сразу захотелось тебя разыграть. – Юния грациозно взобралась на огромную кровать. – От пламени желания, разбуженного тобой, горит лоно, иди ко мне, любимый, давай оставим разговоры на потом.

В мгновение ока Калигула сбросил свою одежду и прыгнул к ней.

– Разорви все, разорви, – сладострастно изгибаясь в его объятиях, зашептала Юния.

Гай не замедлил выполнить ее желание.

Она обвила его ногами, но он неожиданно ласково отстранил ее.

– Знаешь, как раньше приносили девственность в жертву богу Приапу? – спросил он.

– Нет.

– Маленькая девственница садилась на огромный жертвенный фаллос, чтобы обогреть его своей кровью. Садись на меня, я хочу выжать из тебя еще капельку твоей сладкой крови.

Юния исполнила его пожелание. Вначале ей было больно, когда он полностью вошел в нее, казалось вывернув все внутренности, но тут Гай начал осторожно ритмично двигаться, и Юния легла ему на грудь, доверившись опыту возлюбленного. Когда хриплый крик наслаждения раздался из его уст, он быстро откинул девушку на спину и впился губами в окровавленное лоно, теперь заставив закричать и ее.

Затем он обмыл ее мокрой губкой и произнес:

– Теперь боли больше не будет. Я не стал трогать тебя в нашу первую ночь, чтобы вкушать твоей крови еще разочек. Ты уж не сердись на меня.

– Да разве я могу?

Гай наклонился к ее губам и страстно поцеловал ее. Долгий поцелуй вновь зажег в них желание.

После любовных игр Юния обессиленно растянулась поперек кровати.

– Мне никогда не было так хорошо, – томно потягиваясь, произнесла она, – но, признаюсь, с непривычки я немного устала.

– Так хорошо нам будет каждую ночь, моя богиня. Постепенно ты привыкнешь к долгим любовным утехам, и усталость не станет нагонять на тебя сон.

Он лег рядом, любуясь совершенством ее тела:

– Клянусь Венерой, я не видел ни одной женщины прекрасней тебя.

– Для меня тоже нет никого, кто сравнится с тобой. Я люблю тебя!

Девушка поднялась и, дразня Калигулу своей наготой, стала танцевать в такт доносившейся из атриума музыки. Она подхватила легкое прозрачное покрывало и, двигаясь все быстрее и быстрее, искусно играла тканью, то скрывая, то вновь показывая свои прелести. Гай, как завороченный, наблюдал за ней, наклонив полную чашу и проливая вино.

Они не заметили, как край красного занавеса отодвинулся и показалась седая голова Макрона. Увидев чудное зрелище, он остолбенел. Все ожидал он увидеть, но застать саму сошедшую с небес Венеру... Он залюбовался незнакомкой, рискуя выдать свое присутствие.

А девушка двигалась, сладострастно изгибаясь, к ней подошел Гай, нежно обхватил ее тонкую талию, и они стали танцевать, будто в который раз повторяя слаженные движения. Прямо в танце Калигула овладел волшебной незнакомкой, и они слились в таком неистовом экстазе, что огонь загорелся в чреслах Макрона.

Он поспешно задернул занавесь и вернулся к себе на ложе.

Калигула перенес любимую на кровать. Крепко прижавшись друг к другу, они уснули.

Через час Мнестер заглянул к ним в кубикулу. «Надо же, спят, как два голубка, – подумалось ему. – Эта новая гетера Лары пришлась ему по вкусу. Рассмотреть бы ее поближе».

Актер крадучись приблизился к постели. Однако Калигула своим огромным телом загораживал нагую девушку. Мнестер сделал еще шаг, и Гай открыл глаза.

– Убирайся, я не звал тебя, – сказал он, накинув на девушку покрывало и спрятав ее с головой.

– Пора уходить, Гай Цезарь.

Калигула подскочил как ужаленный:

– О боги, скажи, не медли, который час!

– Время, когда пропели первые петухи, уже миновало, и вскоре розоперстая Аврора явит Риму свой прекрасный лик.

– Иди, Мнестер, вели подготовить мои носилки. Я уеду сам, важно, чтобы никто не видел нас. – Калигула принялся натягивать брошенную женскую stole. – О боги, я даже не успею переодеться! – запричитал он.

Под покрывалом зашевелилась девушка. Жадным взором рассматривал Мнестер формы ее тела.

– Лежи, милая, мы пока не одни.

– Милая, – протянул насмешливо актер. – С каких пор ты церемонишься с девками из лупанара?

Звонкая пощечина оглушила его.

– За что, Гай Цезарь, ты наказываешь меня? – Мнестер потирал горящую щеку, в недоумении закатывая глаза.

– Не твое дело, лучше достань, во что мне переодеться.

Мнестер выбежал, и Гай тихонько приподнял покрывало.

– Твой друг ушел? – спросила Юния.

– Он еще вернется. Скоро наша помолвка, твой отец, наверное, уже готовится, в доме суета. Мы спали слишком долго, любимая.

Юния в панике вскочила.

– О боги. – Она принялась искать свою одежду. – Смотри, туника вся разодрана. Мне даже не в чем вернуться.

Гай растерянно смотрел на нее. И тут вошел Мнестер. Девушка поспешно прикрылась.

– Сенаторы вчера забыли свои тоги, убежав в одних синфесисах, я думаю, тебе подойдет эта.

– Ради Юпитера, заворачивай быстрее. Где Макрон?

– Его унесли пьяного, он даже не мог сам подняться.

– Негодай! Мне же необходим свидетель! И чего ради он так нализался, зная, что утром предстоит важное дело?

Пока Калигула драпировался в тогу, Юнии пришлось прятаться под покрывалом. Она чувствовала себя счастливой, даже вероятный гнев отца, который мог заметить ее отсутствие, смешил от души, и она звонко хохотала под одеялом, а Мнестер удивленно оглядывался, ничего не понимая.

– Гай, почему ты не хочешь показать ту, с которой провел эту ночь? Она же обычная гетера, завтра уже будет делить ложе с другим.

– Ах, Мнестер! Ты и представить себе не можешь, как ошибаешься.

– Но кто она? Я ничего не могу понять. Лара Варус купила ее для тебя? Куда делся тот юнец, с которым ты зашел в кубикулу?

– Не задавай много вопросов, Мнестер, имей терпение, скоро все разрешится само собой. Позови Лару!

Вошедшая хозяйка тоже не смогла скрыть удивления, увидев соблазнительные женские формы под покрывалом. Лица Юния не открывала. Однако Лара, не задавая лишних вопросов, выслушала приказ найти достойную одежду для девушки. И для Юнии принесли сиреневую тунику и паллу, расшитую виноградными листьями. Вся закутанная, она села вместе с Калигулой в носилки, и они отправились к дому Силана.

Охранники бежали вслед. Около потайной двери Юния вышла, а Гай поехал к главному входу.

Силан не смог сдержать своего негодования, увидев, что Гай Цезарь один, да к тому же в грязной тоге. Его раздражало еще и то обстоятельство, что его дочь, невеста, спит до сих пор, по уверению Геммы, и велела никого не пускать к ней. Юрист, терпеливо дожидавшийся, чтобы оформить акт обручения, был страшно изумлен, увидев в качестве жениха самого наследника императора, и кинулся целовать ему руки.

– Большая честь для меня, большая честь, – бормотал он.

Кальпурния тоже была разочарована и зла – она ожидала большой толпы важных лиц и просто любопытных, которые должны были сопровождать самого завидного жениха в империи,

а он прибыл один. Они с Силаном были недовольны, что помолвка совершалась почти втайне, в присутствии одного юриста. Они в своей надменности даже не подумали о том, что никто в Риме не подозревает об их приезде и о таком важном событии, потому зеваки и не успели осадить их дом.

– Я прошу прощения, Гай Цезарь, но моя дочь несколько опаздывает, я не пойму причину, но, думаю, она скоро появится. Рабыни, скорее всего, уже одевают ее. – Голос Силана предательски дрожал из-за боязни, как бы Калигула не разгневался из-за такого приема.

– Ничего, я терпелив, – ответил Гай, усмехнувшись.

Юрист тем временем разворачивал пергамент и готовил стиль.

И вот появилась невеста в сопровождении своих рабынь. Кальпурния с ужасом оглядела ее наряд и наспех собранные волосы: белокурые локоны небрежно выпадали из-под покрывала, под глазами легли темные тени, и ни следа косметики. Силан прикрыл ладонью рот в страхе, что начнется скандал. Однако, заметив, как счастливо вспыхнули глаза Калигулы при виде нареченной, он несколько успокоился.

Юния подошла к своему жениху. Лицо ее, по обычаю, было спрятано под прозрачным муслином, чуть съехавшим набок и приоткрывшим насмешливый счастливый глазок. Гай взял Юнию за тонкую руку, исчезнувшую в его мощной ладони, другой заботливо поправил муслин, ласково коснувшись непослушной пряди на лбу.

– Ты счастлива? – шепнул он.

– Безумно, любимый.

Они подошли к юристу. Тот важно проговорил традиционную фразу:

– Обручение, как и свадьба, совершается только по добровольному согласию, и девушка может воспротивиться воле отца в случае, если гражданин, которого ей предлагают в качестве жениха, имеет позорную репутацию, вел или ведет дурную жизнь. Можешь ли ты, дитя мое, сказать что-нибудь по этому поводу?

Силан глубоко вздохнул. Эта формула совсем не подходила к помолвке его дочери. Она сама выбрала жениха, не по воле отца. А позорная репутация Калигулы стала предметом пересудов уже по всей империи. Услышав его вздох, Гай Цезарь недовольно поморщился. Юрист понял, что сказал лишнее.

– Ты молчишь? Значит, согласна.

Гай подписал акт и предложил Юнии железное кольцо как залог заключенного договора. Трепетной рукой девушка приняла его. Оно было поцарапанным и неровным, но именно его столько лет бережно хранил ее возлюбленный, сделав еще ребенком, когда вернулся в Рим из Сирии, в надежде на близкое свидание, и носил на шнурке около сердца всю долгую разлуку. Она надела его на безымянный палец левой руки и, не стесняясь, обняла Гая, который закружил ее по комнате на глазах удивленных домочадцев. Сорвав муслиновый покров, он жадно целовал слезы счастья на ее глазах.

Силан прикрыл лицо рукой. Ему было стыдно! Так грубо нарушить традиции патрициев! А что будет дальше? А узнай он, где провели нареченные ночь? Наверное, перерезал бы себе вены. Но дочь его теперь сама себе хозяйка, дом, рабы – все ее. Делает что заблагорассудится, не считаясь с нравами благопорядочных граждан.

Свадьба была назначена на возможно более близкий срок – через две недели. И жених уехал. Юния вышла проводить его к носилкам.

– Мы увидимся сегодня, моя несравненная невеста, – сказал Калигула. – Я сегодня присутствую на заседании сената в курии, а ты можешь выехать прогуляться. Встретимся в восьмом часу на Аппиевой дороге, там как раз будет весь цвет знати. Твоя красота потрясет Рим!

Юния согласилась и отправилась отдыхать в полюбившийся ей солярий, где предусмотрительная Гемма накрыла маленький столик и постелила уютную постель. Ни отца, ни мачеху девушка видеть не захотела. Гордыня уже проснулась в ней: кроме себя и милого Гая, ей ни до

кого не было дела. Так, перебирая в памяти события минувшей ночи и любясь драгоценным для нее кольцом, она уснула.

Х

Макрону было плохо. Ему снилось, что он тонет в огромной бочке, наполненной темным вином. Он отчаянно захлебывался, зовя на помощь, но тут Калигула склонился над ним, счастливо смеясь, и принялся толкать его. В ужасе Макрон вскочил на кровати, разбуженный собственным криком, и тут же застонал от невыносимой боли. Тяжелое похмелье давило голову, заставляя страдать. И зачем он так напился вчера?

Испуганный раб поднес ему чашу с водой, и Невий жадно осушил ее, давась и проливая воду себе на грудь. Капли, стекая по густым седым волосам, приятно охладили. Он велел набрать прохладную ванну и с наслаждением погрузился в нее. Ванна быстро привела его в чувство, он стал мерзнуть и выскочил из огромного резного чана. Рабы обтерли его нагретыми полотенцами, массажист размял огромную спину, и Невий почувствовал себя заново родившимся.

Завтракая, он вернулся мыслями к вчерашней ночи. Образ прелестной танцующей девушки вновь обрел ясные очертания. Он никогда не видел подобной совершенной красавицы. Его жена, Энния, была чудно хороша собой, но ей никогда не выдержать сравнения с той гетерой. Макрону вспомнилось лицо Калигулы, когда тот смотрел на девушку. Было ясно, что Гай безумно влюблен в нее – никогда еще Невий не видел у него таких ласковых глаз, никогда он еще так нежно не обнимал ни одну девку. Наследник императора относился к любой женщине, как к рабыне, не считая ее за человека. Это его новое поведение тревожило Макрона и не давало ему покоя. Он недолюбливал жестокого Гая, а тут ему неожиданно открылась незнакомая сторона его души. Неужели этот грубый, порочный человек способен на искренние нежные чувства? Насколько же хороша должна быть его избранница, что он так изменился, несмотря на то что она простая девка из лупанара? И что за история с непонятной женитьбой?

Вошел раб-секретарь с охапкой свитков. Макрон развернул письмо Тиберия с Капри. Вздорный старик! Его измученный ум опять заработал: приказ начать новые судебные разбирательства по злоупотреблениям в провинциях Азии. Макрон принялся раздумывать над письмом, но на желтоватом пергаменте танцевала перед ним обнаженная гетера.

И мысли его потекли в другом направлении. Он неожиданно осознал, что влюбился на старости лет, как мальчишка. Она должна принадлежать ему во что бы то ни стало, и плевать на наследника императора, пусть даже они станут врагами. И Макрон приказал седлать коня. Его личный казначей принес объемистый мешок с сестерциями: сколько ни запросит Лара Варус за гетеру, он купит ее.

Через два часа он подъехал в сопровождении отряда преторианцев к лупанару на Субуре. Сама Лара вышла встретить его, выбежав вперед управляющего, едва о Макроне доложил привратник. Она повела гостя в триклиний, где предложила ему вина и легкую закуску. Втайне ее трясло от ужаса: она решила, что Калигула все-таки убил того наглого юнца и префект претория приехал с приказом закрыть лупанар. Невий медлил, не зная, как начать волнующий его разговор, не замечая, как трясутся руки хозяйки, когда она лично, отпустив всех рабов, прислуживала ему за столом.

– Вот что, Лара, – наконец начал он. – Вчера я видел здесь девушку неземной красоты. Я хочу купить ее у тебя. Назови любую цену, и я увеличу ее вдвое.

Хозяйка с облегчением вздохнула и сказала:

– Господин Макрон имеет в виду ту финикийку, что изволил высечь вчера, или римлянку, с которой провел время?

– Нет, Лара. Вчера с этой девушкой был наследник императора.

Казалось, сам ужасный Тартар разверзся у ног сводни.

– Но я не знаю, с кем провел ночь Гай Цезарь, – прерывающимся голосом произнесла она. – Все видели, как они зашли в его кубикулу с тем наглым юношей, а что случилось потом, ведают одни боги.

– Зато я ведаю, – взревел Макрон, видя, как съеживается Лара под его взглядом. – Я откинул занавесь и увидел, как перед ним танцует сама Венера. Но я не глупец и не верю в мифы об Адонисе, на которого Калигула совсем не похож. Ты купила эту девку для него? Сознайся, если не хочешь неприятностей. Я заплачу за нее втрое, нет, вдесятеро больше, чем она тебе стоила. А ему можешь сказать, что она умерла, отравившись или перерезав вены. Что хочешь, то и говори, а мне нужна она.

Ларе Варус стало страшно, Макрон заметил, как мертвенная бледность покрыла ее лицо.

– Я видела утром женский силуэт под покрывалом, но наследник тщательно скрывал лицо девушки, ни я, ни актер Мнестер не видели даже ее пятки. Он приказал принести ему что-нибудь из одежды, и рабы подали забытую одним из сенаторов тогу. Он говорил что-то об очень важном деле и ругал, да простит меня господин, тебя за то, что ты напился. Затем я лично искала, во что одеть эту странную девушку, и у одной из гетер взяли одежду. Они уехали в одних носилках. Единственное, что осталось загадкой для всех, – это куда пропал юноша, оскорбивший наследника.

– Глупая, парня просто вышвырнул Калигула. Но вот откуда там взялась голая девка, которой не во что было одеться утром, – вот это загадка, а не пропажа какого-то безусого петушка. Ох, если ты лжешь мне, Лара, клянусь Марсом, я сожгу твой дворец наслаждений! Ты знаешь, что со мной надо дружить.

Макрон тяжело поднялся и пошел к выходу. Лара поплелась следом, проклиная все на свете. Невий тяжело взобрался на коня, и неожиданные гости уехали восвояси.

По дороге к курии Макрон вспомнил, что обещал Калигуле присутствовать на его помолвке, а сам напился и проспал. Вот будет беситься этот злобный выродок! Он даже не отдавал себе отчета в том, что возненавидел Калигулу, своего союзника и товарища, лишь за то, что тот провел ночь с девушкой, в которую влюбился Макрон. Он злился и на себя, из-за того что дурацкое чувство захватило его целиком, мешая думать о государственных делах, а ему ведь надо было решить, как поступить с приказом Тиберия. Префект претория ехал к курии, не обращая внимания на приветствия знакомых и клиентов. Перед ним в солнечном луче плясала обнаженная гетера. В расстроенных чувствах он резко повернул обратно, решил было устроить разгром у Лары, но передумал и направился наконец к дому.

С десяток посетителей толпилось в вестибule. Молча он прошел мимо, не здороваясь ни с кем, приказал подать вина и никого не впускать.

Едва он поднес ко рту чашу, как дверь вопреки его приказу резко распахнулась и вихрем влетела Энния. Глаза ее горели гневом.

– Ну, муженек! – вскричала она, уперев руки в бока, как рыночная торговка. – Шлялся ночью, опять пьяного принесли!

– Тебе что? – недовольно буркнул он, стараясь не сорваться. – Денег дать?

– Да, дорогой мой, денег. Я неделю не покупала себе новых духов, украшений и тканей. Агриппинилла, злобная на язык, уже шутит на мой счет с подругами.

Макрон поморщился и поставил чашу на малахитовый столик с резными ножками, так и не отпив. Энния наблюдала за ним, не меняя вызывающей позы. Ей хотелось, чтобы муж, как раньше, увидев ее надутые губки, повалил на постель и овладел грубо и жадно.

Ей всегда нравились его ненасытные ласки. Она сучала по его огромным рукам и волосатому телу. Молодые любовники не будили в ней такого дикого желания, как собственный муж, который вдобавок был старше нее почти вдвое. Если б он тогда не застал ее в постели с молодым Витией! Слезами, унижениями она умолила его не разводиться, но он стал вскоре избегать близости с ней, пустившись в загул. Как-то раз Калигула остался ночевать у них в доме

после продолжительного обеда. Она вернулась от подруг поздно, зашла случайно в его спальню и остолбенела, увидев нагого мужчину. Не узнав с пьяных глаз хозяйку дома, он попытался овладеть ею насильно, приняв за рабыню-наложницу, но она вырвалась и убежала. Макрон посмеялся над ней, и так состоялось ее знакомство с Гаем Цезарем. Неожиданно для себя она увлеклась молодым наследником императора, его грубые ласки тогда напомнили ей о страстных ночах с мужем. Энния открылась Калигуле, но встретила упорное сопротивление с его стороны. Она знала, что он не пропускал ни одной женщины, а мимо нее проходит равнодушно, будто она заговоренная. С тех пор, уже полгода, она страдала от невнимания собственного мужа и Гая.

Вчера для нее забрезжила надежда, что Гай сделает ее своей женой, когда станет принцепсом. Но пока загадывать ей не хотелось.

– Ты уйдешь, Энния, если я дам тебе денег? Мне надо побыть одному. – Макрон выложил на стол кошель, который брал с собой к Ларе Варус. – У меня срочные дела.

– Опять накачаешься вином, вот и все твои дела. Ты был в сенате? Гай, я слышала от клиентов, сегодня блеснул речью, требуя увеличить земельный налог.

– Гай, Гай! Это имя не сходит у тебя с языка. Он справлялся обо мне?

– Нет, – ответила Энния, и ее цепкая маленькая лапка ухватила со столика кошель. Глаза ее округлились. – Спасибо, дорогой, ты щедр ко мне, как никогда.

– Знаешь, Калигула, наверное, в обиде на меня. Я не приехал на его помолвку.

У Эннии подкосились ноги. Она резко села в мягкую катедру:

– Что? Какая помолвка? С кем?

Лоб ее покрылся испариной. А как же обещание жениться на ней?

– С дочерью Марка Юния Силана, они на днях вернулись в Рим из Александрии. Я не видел ее.

– Но это невозможно! Почему он выбрал ее? Цезарь дал согласие?

– И давно. Калигула несколько лет упрашивал Тиберия вернуть семью Силана из ссылки. Он знаком с Юнией Клавдиллой еще со времен, когда его отец был в Сирии.

– Но это было больше пятнадцати лет назад!

– Не приставай, Энния! – Голос Макрона выдавал досаду. – Откуда я знаю, что на уме у этого ветренника. Я был так же поражен, как и ты. Уходи теперь, дай побыть одному и скажи, чтоб посетители расходились. Вели управляющему собрать для них корзинки с едой, пусть идут восвояси. Я никого не буду больше слушать. И позови мне Маркуса.

Потрясенная Энния ушла. У себя в спальне она разрыдалась, приказала со злости избить любимую рабыню и перебила все флаконы с благовониями.

Маркус зашел к Макрону:

– Господин, ты звал меня?

– Отправляйся к Гаю Цезарю и договорись о часе встречи с ним.

Курьер убежал. Невий остался в одиночестве. В раздумье он вышел на балкон. Яркое летнее солнце ушло с зенита, солнечные часы показывали пятый час. Макрон любовался Римом. Он любил этот вечный город, в котором чувствовал себя хозяином. Таинственная танцовщица будет принадлежать ему, он уверен, что рано или поздно отыщет ее. Если надо будет, то отберет ее у Гая силой, припугнув гневом цезаря, да и Калигула все равно скоро женится и, может, станет вести себя скромней. Он найдет любой способ добиться своего!

В этих гордых раздумьях незаметно пробежал час, и явился Маркус.

– Гая Цезаря нет во дворце, он выехал на прогулку на Аппиеву дорогу, – доложил он, еще не отдышавшись от быстрого бега с Эсквилина на Палатин.

– Что ж, пусть седлают мою лошадь, я встречу с ним там.

В этот час на Аппиевой дороге собралась толпа прогуливающих, оставивших прохладу портиков, где римляне переждали жаркие часы дня. Макрон увидел множество блестящих экипажей и носилок. Его плохое настроение только ухудшилось при виде столь блистательного зрелища показной роскоши богатых патрициев. Два всадника из его свиты поехали вперед освобождать для префекта претория дорогу. Как тут можно кого-то найти?

Попадалось много знакомых лиц, сенаторов и всадников. Все приветствовали всемогущего префекта. К Макрону подъехал в разукрашенном эсседии старый Агриппа. После взаимных приветствий они заговорили о речи Калигулы в сенате. Невий едва прислушивался к словам старика, глаза его бегали по сторонам, выискивая наследника императора.

Мимо проплывали лица известных сенаторов, Макрон, уже совсем не слушая болтовню Агриппы, пренебрежительно смотрел им вслед. Этот, начальник мытарей, разбогател на сборе дани в провинции, тот имеет монополию на драгоценные металлы, третий, поприветствовавший его почтительным лисьим оскалом, строит за громадные деньги дома, которые разваливаются через год из-за использования гнилого материала и найма мошенников-строителей.

С почтением приблизился один из клиентов и подал свиток с прошением, Макрон не глядя его принял. Проследовали высокие золоченые носилки, окруженные множеством рабов. На них величественно покоилась, прикрываясь широким зонтиком, известная куртизанка Пираллида в ярко-красной, вызывающе открытой тунике, расшитой цветами. Эта знаменитая гречанка наслаждалась своей славой самой искусной любовницы, привлекая всеобщее внимание во время ежедневных выездов. Сам Макрон, сразу после размолвки с Эннией, посещал ее уютный дом. Но ветреная Пираллида предпочла ему вскоре молодого патриция. Она отвесила учтивый поклон, но префект даже не глянул в ее сторону.

Проехав дальше, он неожиданно увидел множество зевак, стремившихся вперед. Возницы погоняли лошадей, стараясь опередить соседние экипажи. Возникла путаница. С Макроном поравнялся Луций Лициний, сам вместо кучера управляющий эсседием.

– Приветствую тебя, Невий! – воскликнул он. – Ты неважно выглядишь! Тебя не было на заседании в курии, и на форуме ты не появился.

– Куда все спешат? – поинтересовался Макрон, не обратив внимания на вопросы друга.

– Разнесся слух, что появилась новая красавица. Вон ее носилки – самые роскошные. Я тоже хочу увидеть это чудо, утверждают, что эта девушка прекрасна и величественна, как сама богиня любви.

Макрон разволновался. Он прищипил коня и, невзирая на возмущенные крики, двинулся вперед, оставив Луция и своих преторианцев позади. Вскоре, пробившись через толпу, он сумел нагнать носилки, инкрустированные слоновой костью, которые медленно несли шестеро огромных нумидийских рабов. На высоченной горе подушек возлежала в гордой позе, опираясь на локоть, молодая девушка, белая рабыня несла над ней опахало. Сердце Макрона остановилось. Он узнал гетеру из лупанара Лары Варус.

Невий не решился подъехать и завязать разговор, как пытались многие молодые патриции. Они упражнялись в остроумии, отпуская эпиграммы по адресу своих друзей. Девушка вежливо улыбалась, лишь изредка добавляя меткое словечко к разговорам вокруг, выказывая острый ум. Некоторые импровизировали, удачно и нет, по поводу ее красоты и грации, получая в ответ летучие стишки, полные сарказма. Макрон заметил, что девушка кого-то высматривает в толпе. Несколько раз ее пристальный взор почтил вниманием и его хмурое лицо.

Она походила не на гетеру, а скорее на дочь богатого патриция. Одежда ее выглядела скромной, но и в то же время роскошной, шея, тонкие пальцы были унижены множеством драгоценных браслетов и колец, но на рабах отсутствовали серебряные таблички с именем хозяев. Макрону было невдомек, что их просто не успели заказать у ювелира.

Макрон любовался ею, почтительно следуя на расстоянии. Как она прекрасна! Черные миндалевидные глаза с длинными ресницами, роскошные волосы цвета лунного золота в круп-

ных кольцах, собранные в затейливую прическу, точеный тонкий нос и алые манящие губки, как спелые вишенки. Макрона передернуло от воспоминания, как их целовал той ночью Калигула. Кто же эта девушка? Не только он терялся в догадках, но и все присутствующие. Она отмалчивалась в ответ на все вопросы.

Неожиданно раздались громкие крики, и в толпу на полном скаку врезался сам наследник императора. Все бросились врассыпную от копыт его лошади. Никто не попытался даже возмутиться таким произволом и неуважением к патрициям. Макрон поморщился: Гай Цезарь, как всегда, груб и неуправляем, упоенный своей вседозволенностью. Калигула подъехал к незнакомке, на глазах у всех присутствующих спрыгнул с коня, поднялся к ней в носилки и смело сел рядом. Все оторопели.

– А, весь цвет Рима здесь! – весело прокричал Гай, держа девушку за руку. – Привет, Луций, Антоний! Смотри-ка, Макрон!

Не сразу все догадались ответить Калигуле.

– Хватит вам корчить такие удивленные рожи! Имею честь представить всем мою невесту Юнию Клавдиллу, дочь патриция Марка Юния Силана! Мы обручились сегодня утром.

Раздались редкие крики удивления, которые быстро переросли во всеобщую овацию. Калигула, не стесняясь никого, ласково гладил руку своей прекрасной невесты, поднося ее к губам для жаркого поцелуя. Макрон заметил, с какой любовью смотрят они друг на друга. Кто-то неожиданно дернул его за рукав; обернувшись, он увидел Мнестера.

– Я удивлен, Невий Серторий, – сказал актер. – Наследник долго хранил свою сердечную тайну, чтобы потом сразить сразу весь Рим. Но почему ты хмуришься, Макрон? Поздравь своего молодого друга, мне кажется, они будут счастливы. Юния – самая прекрасная женщина, а уж каких я только не встречал.

Не отвечая Мнестеру, Невий резко развернул коня и поскакал, пробиваясь сквозь напирающую толпу, в Рим.

Сердце его хладным комком замерло внутри. Он спешил к Ларе Варус.

XI

Гай Цезарь был счастлив. В начале дня помолвка с любимой, затем удачная речь в сенате. Даже не дождавшись результатов голосования, он помчался на Аппиеву дорогу, зная, что его ждет там Юния.

Он издали увидел, что ее роскошные носилки окружены толпой молодежи. Сейчас все удивятся!

Глаза Юнии радостно вспыхнули, когда она заметила его. Они слушали поздравления и пожелания счастья, а каждый из них думал лишь о том, как бы скорей очутиться наедине.

– Знаешь, милая, – шепнул Гай на ухо девушке, – давай уедем отсюда. Я покажу тебе дворец Тиберия, мы вместе осмотрим Палатин и храмы форума. Ты ведь еще не видела Рима.

– Зато теперь я прекрасно ориентируюсь на ночной Субуре.

Они рассмеялись, вспомнив ночную вылазку в лупанар. И Юния подала знак рабам возвращаться. Народ Рима приветствовал их на улицах – весть об этой помолвке молнией разнеслась по городу. Отовсюду кидали охапки цветов, люди бежали вслед. Многотысячная толпа провожала обрученных до самого подножия Палатина.

Калигула попутно показывал Юнии Рим:

– Смотри, дорогая, видишь внизу это огромное желтое море? Это Большой цирк, сейчас он тихий и пустой, а несколько лет назад кровь лилась на этот песок. Множество диких животных привозили с разных концов империи на потеху толпе, которая забавлялась, глядя на жестокие битвы гладиаторов с кровожадными львами, пантерами, носорогами. А какие схватки устраивали меж рабами! Взятие и резня в Карфагене, покорение нубийцев! Еще маленький, я с наслаждением ходил сюда на многодневные игры. Никогда не забуду, как стошнило моего дядю, зайку Клавдия, и его, полумертвым, под хохот толпы утащили домой. А теперь никаких игр, старый Тиберий запретил. А слово цезаря – закон! Направо, сразу за цирком, Палатин, где твой дом, даже сюда доносится аромат цветов.

Юния рассмеялась:

– Ты шутишь, Гай. Я не чувствую никаких запахов. Но аллегория твоя приятна, ведь на Палатине живем мы.

Калигула обнял ее и ласково погладил выбившуюся белокурую прядь.

– На нас смотрят тысячи глаз.

Но Юния и не попыталась отодвинуться.

– А хочешь, я могу при всех поцеловать тебя?

– Ой, нет, позже, иначе как совладать с тем внутренним огнем, что сжигает меня?

Они продолжали путь вдоль берега Тибра.

– Этот рев доносится с Бычьего рынка. Там живут мясники и торговцы скотом. И всегда много народу, я обхожу это место стороной. А вон тот маленький прелестный храм принадлежит Фортуне, – говорил Калигула.

Их привлек вид на Капитолий и на форум. О боги, сколько людей, мелких лавочек! Они осмотрели храм Сатурна с величественными коринфскими колоннами, где хранилась казна империи, храм Согласия, сенаторскую курию, где Гаю приходилось блистать своими ораторскими способностями, базилику Юлия. Юния приказала остановить носилки и наслаждалась видом храма Юпитера Капитолийского, перед которым сидел гигантский бог в золотом шлеме.

Рим, который она видела только ночью, потряс ее дневной красотой и величием. Медленно продвигаясь к Палатину, они посетили Жемчужный портик в верхней части форума, где Калигула приобрел для своей невесты ожерелье из розовых жемчужин Индийского океана.

Форум поразил Юнию своей контрастностью. Великолепные мраморные храмы, обилие дивных статуй, у подножия которых расположились мелкие торговцы. На Комиции, где заседают судьи и с трибуны выступают ораторы, Гай указал ей на дающих за небольшое вознаграждение ложные клятвы; рядом с восстановленной статуей Марсия, историю которой поведал всезнающий Калигула, Клавдилла увидела спорящих адвокатов и свидетелей. Перед великолепной мраморной базиликой располагались лавки ростовщиков, а рядом толклись потаскухи. В средней части форума, около канала, ютились рассказчики притч, пьяницы и бездельники в ожидании подачек от богачей. За величественным храмом Кастора и Поллукса Калигула позволил Юнии взглянуть одним глазком на воров, делящих добычу и обсуждающих план ночных грабежей. Клавдиллу не смутило, что многие из них запросто приветствовали Гая.

У красивого небольшого источника Ютурны пили чудодейственную воду отвратительные калеки. И повсюду толпы празднующихся, обсуждающих правительственные новости, известия с границ империи, чужие разводы и браки. Отдых стаи воронов на храме Согласия собрал наибольшее количество зевак, кошельки которых нагло срезали воришки.

Попутно Гай рассказывал невесте, что раньше на форуме часто устраивались пиршества для многочисленной толпы и кровавые гладиаторские бои. Особенно этим прославился Юлий Цезарь, имя которого читается плебеями вовсе не за военные заслуги перед империей, а лишь благодаря памяти об этих бесплатных представлениях и обедах.

Наконец они подъехали к большому дворцу Тиберия.

Гай Цезарь провел уставшую Юнию в свои покои, изобилующие поистине восточной роскошью, и приказал подать обед.

– Ты голодна, моя звездочка? Смотри, в какой компании мы будем обедать! Вот сам божественный Август, вот Сулла, знаменитый Цезарь, император Тиберий. – Гай показал статуи, стоящие в нишах триклиния.

– Мне не нужна компания мраморных истуканов. Я счастлива, что буду обедать с тобой, – ответила Юния и возлегла рядом на ложе.

– Мы недолго будем одни. Я позвал Ливиллу и Агриппиниллу. Познакомлю тебя с сестрами, и аккуратней с ними – они злы на язык и завистливы, как все римлянки. Придут мои друзья: Луций Лициний, Макрон, я отправил приглашение твоему отцу, будут Мнестер и Аппелес. Скорее всего, явится еще кто-нибудь из сенаторов.

– А Друзилла? – Юния искоса глянула на Калигулу.

– Ее не будет. Она с мужем Кассием Лонгином в Капуе, на своей вилле.

– Гай, если мы будем одни недолго, давай тогда осмотри твою спальню. Слухи о фривольных фресках дошли даже до Александрии. Номенклатор пригласит нас, если явятся первые гости. – Юния призывно улыбнулась.

Кровать Калигулы поразила ее большой высотой и огромными размерами. А фрески, как заметила она, были потрясающе, но более подходили для лупанара. Искусные художники мастерски изобразили любовные похождения богов, не обойдя вниманием и Юпитера Громовержца. Лик ревнивой Юноны, заставшей мужа с прекрасной Ио, был впечатляюще реалистичным. Но Калигула не дал Клавдилле рассмотреть все подробно, подхватил ее на руки и принялся целовать, сгорая от желания.

Он не замедлил доставить драгоценную ношу наверх по приставной лесенке, и там, на роскошной кровати, они провели в любовных играх два часа. Номенклатор несколько раз являлся за наследником, но получал в ответ подушкой по голове. Наконец Юния запросила пощады. Тело ее болело от ненасытных ласк Калигулы, волосы растрепались, губы припухли от частых поцелуев. Гай лежал рядом и любовался, как она безуспешно пытается собрать в пучок свои белокурые локоны.

– Ты прекрасна! – просто сказал он.

Она стукнула в маленький гонг, найдя под подушкой молоточек.

– Только не говори, что нарочно прятал его, – произнесла она, лукаво улыбаясь.

– Конечно. Помнишь, тогда, в Антиохии, я обещал, что сам буду причесывать тебя, омы-
вать, делать массаж? Я помню свои слова.

Рабыни принесли желтую тунику для Юнии, расческу и черепаховый гребень. Калигула натер нежную кожу девушки нардовым маслом, помог одеться и стал орудовать гребнем в воло-
сах. Юния вскрикнула:

– Ну вот, ты вырвал половину. Больно!

– Прости, у меня мало опыта. Все-таки лучше кого-нибудь позвать.

Наконец черепаховый гребень надежно утвердился на затылке и сборы завершились.

В большом триклинии уже собрались приглашенные, выпивая и закусывая в ожидании
хозяина. Кравчие без устали подносили новые блюда и черпали вино. Тонкие фигурки девушек
скользили, разбрызгивая духи и посыпая пол розовыми лепестками. Танцовщицы в прозрач-
ных хитонах кружились под нежную музыку свирелей.

Когда вошел наследник императора с Юнией Клавдиллой, все сразу поднялись, привет-
ствуя обрученных. Силан, возлежавший в стороне с сенаторами, побледнел, увидев их вместе.
«Куда катится римская империя? Моя дочь позорит славное имя Юниев, появляясь вдвоем с
женихом без отца и матери, остается с ним наедине. Слава богам Аида, что ее мать не дожила до
такого позора». Но Силан напрасно беспокоился: никто даже и не думал о нарушении обычаев
невестой. За Калигулой настолько прочно укрепилась дурная репутация, что все, что делал он,
воспринималось как само собой разумеющееся.

Едва гости успели совершить первое возлияние во славу богов и отведать первые блюда,
как номенклатор провозгласил имена сестер Калигулы. Они ворвались в триклиний, ослепи-
тельные в блеске драгоценностей. Торопливо раскланявшись, молодые женщины подошли к
брату.

– Сапожок, что все это значит? Это твоя невеста? – принялись расспрашивать наперебой.

Калигула взял Юнию за руку и произнес:

– Юния, имею честь представить тебе твоих будущих сестер. Это Агриппинилла, –
он указал на рыжеволосую красотку в лиловом хитоне, расшитом золотыми лотосами, – и
Ливилла. А это моя невеста, – сказал он, обратясь к сестрам, – дочь Марка Юния Силана,
Юния Клавдилла.

Марк Юний приблизился и церемонно поклонился. Агриппинилла свысока оглядела его,
а Ливилла искренне улыбнулась.

– Ваша дочь прелестна, – сказала она, – мы рады принять ее в нашу семью.

– Наш брат непредсказуем порой, – вставила Агриппинилла, – знатные римские семьи
мечтали выдать за него своих дочерей. А он предпочел не изнеженную римлянку, а загорелую
провинциалку.

Силан растерялся. Его начала бить мелкая дрожь: он отвык от таких тонких намеков и
издевательств. Его выручила дочь. Грациозно поднявшись с ложа, она приблизилась к Агрип-
пиниле.

– Говорят, изнеженность римлянок приводит порой к больному потомству, – мило улыб-
нувшись, сказала она. – Наследник цезаря, готовясь со временем принять власть над империей,
должен уже сейчас позаботиться о здоровом надежном преемнике.

Ливилла усмехнулась, глядя на растерявшуюся сестру, а та нервно затеребила край
муслиновой шали. Юния же коснулась ее руки и произнесла:

– Я привезла из Александрии чудное масло для отбеливания. Если женщина предпочи-
тает прозрачный муслин в дневное время, солнце оставляет на коже свой темный след. Я при-
шлю тебе флакончик.

Калигула захлопал в ладоши:

– Великолепно, Юния, мою сестру впервые подвел ее злой язык! Всем видно, что твоя кожа блее, несмотря на то что ты выросла под палящим египетским солнцем. Осторожней, Агриппинилла, ты встретила достойную соперницу! Теперь ты видишь, что мой выбор был далеко не случаен.

Обед продолжался. Актеры услаждали присутствующих интересной пантомимой, звучала музыка, рабы без устали меняли блюда и подливали вино в чаши обедающих.

Ливилла нагнулась к сестре:

– Прекрати, Агриппинилла, хватит злиться. Ты получила по заслугам, умей это признать. Мне понравилась Юния. Посмотри, с каким достоинством она держит себя в обществе знати. Такое впечатление, что она всю жизнь прожила в Риме, а не приехала сюда три дня назад.

– Она не такая простушка, как показалась, – зашипела Агриппинилла, – надо быть осторожней. Ты знаешь характер нашего брата. Он подлый коварный извращенец, лишивший девственности Друзиллу, способный на любое предательство и злодеяние. Но эта цыпочка еще хлеще его будет.

Ливилла отмахнулась.

– До чего ж ты злая, сестра, – сказала она, отправляя в рот кусочек жареной утки. – Язык твой, что метла.

– Поверь мне, она еще покажет себя. Думаешь, чего он притащил ее из Александрии? Ждал пятнадцать лет? Не мог забыть все это время? Просто он знал, что на другом краю империи живет вторая половина его гадкого существа. Юнии уже давно за двадцать, с такой необыкновенной красотой она бы уже успела много раз выйти замуж. Однако дождалась Сапожка.

– Говори тише, – испуганно произнесла Ливилла и отодвинулась от сестры. – Брат смотрит на нас. Кто-нибудь из рабов может подслушать твои речи.

Напуганная Агриппинилла выдавила из себя улыбку и подняла чашу, призывая присутствующих выпить за обрученных.

Спорящие сестры не замечали, как сквозь опущенные ресницы за ними наблюдает Юния Клавдилла. Обе красивы, но слишком разные. Рыжая Агриппинилла подобна вихрю, резкая и порывистая, яркий грим умело скрывает некоторую грубоватость скул, речь тороплива и быстра, темно-зеленые глаза порой мечут яркие молнии. Она очень похожа на мать, белокурая Ливилла же больше наследовала черт отца, но нрав ее, видимо, мягок и нерешителен. Сестра ей говорит что-то грубое, а ответный взгляд светлых глаз по-прежнему добрый и любящий.

От зоркого глаза Юнии не укрылся смысл беседы между сестрами. Ей было приятно, что Ливилла сразу встала на ее сторону, Клавдилле она пришлась по душе. Доброта это не показная, а от сердца, хотя хитрые огоньки частенько вспыхивают и гаснут в ее глазах во время разговора с Агриппиниллой. Что ж, и Ливилла не так проста, как могла бы показаться не искушенному в игре лицемерия человеку.

Время расставит все по местам, вскоре прояснится, кто враг, а кто истинный друг.

Через час Марк Юний поднялся со своего ложа и приблизился к Калигуле:

– Гай Цезарь, нам с дочерью пора ехать домой.

Наследник хмуро глянул в его сторону. Его начал раздражать будущий тесть. Он давно заметил, что Силан недоволен их помолвкой, видимо наслушавшись сплетен. Помнил Калигула и его тяжкий вздох, когда юрист спросил у Юнии, хочет ли она обручиться с ним согласно воле отца. Однако он не стал возражать Силану и, прощаясь с Юнией, сжал ей руку. По глазам ее он видел, что она верно истолковала этот знак.

Вслед за ними удалились и сестры. Ливилла перед уходом Юнии и Силана пригласила девушку завтра утром на прогулку. Та согласилась с одобрения отца.

Едва они покинули общество, как Гай Цезарь подал знак, и в триклинии появились полуобнаженные женщины, музыка зазвучала громче, рабы принялись подливать еще усерднее в

чаши гостей. Номенклатор объявил о приходе Невия Макрона и Луция Лициния. Они ввалились пьяные, к восторгу Калигулы. Началась оргия.

Гай Цезарь, хмельной, пустился исполнять танец, нацепив цветочный венок на рыжую голову. Овации сопровождали его выступление, и громче всех старались аплодировать сенаторы, пытаясь заручиться его расположением. Полуобнаженная гетера улеглась на ложе хозяина, но Гай толкнул ее, крича, что хранит верность невесте. Все смеялись, не веря его словам.

Через три часа ложа гостей начали пустеть. Оставались лишь Макрон, Луций Лициний да приехавшие актеры Мнестер и Аппелес. Все убеждали Калигулу отправиться в один из кабаков Субуры. Кровь играла, разгоряченная вином. Калигула больше всех любил ночные приключения: вылазки обычно заканчивались или пожаром, или разгромом какой-либо лавчонки, или схваткой с вигилами.

И Гай Цезарь отдал приказ рабам принести всем шлемы и кирасы с птеригами, чтобы римляне принимали их за разбушевавшихся легионеров. Рабу Ботеру потихоньку было велено отнести Юнии подобную одежду, чтобы она незамедлительно явилась. Калигула не хотел, чтобы невеста пропустила ночное веселье.

XII

Ей не хотелось уезжать из дома Гая. Но противоречить отцу она не решилась, видя, что Калигула тоже молчит. Она и так перешла все границы приличия в этот день, выехав на прогулку без мачехи и проведя время вдвоем с женихом. Красноречивое пожатие руки дало знать, что они еще встретятся до рассвета. Это ее утешило.

Силан был хмур и всю дорогу до дома отмалчивался, казалось не обращая внимания на рассказы дочери о Риме. По приезде он закрылся в таблиннии с Кальпурнией, и они долго о чем-то спорили.

Юния за это время приняла душистую ванну, вдоволь насидевшись в горячем серебряном чане. Хлоя сделала ей массаж, наложила питательную маску из теста с ослиным молоком, растерла нардовым маслом. Неожиданно зашел Паллант и передал просьбу отца зайти в таблинний. Со вздохом Юния подчинилась.

Отец ожидал ее уже один, без ненавистной мачехи. Девушка села в мягкую катедру ближе к тлеющей жаровне и осмотрелась. Силан с любовью расставил здесь свитки с творениями любимых поэтов и трудами историков, украсил ниши бюстами Катулла, Горация, Овидия и слепца Гомера. Невысокая статуя императора Тиберия стояла на столе. Стены и потолок таблинния были расписаны героическими эпизодами странствий Улисса.

– Юния, – наконец заговорил Марк. – Для тебя не секрет, что я против твоего брака с наследником императора, несмотря на то что породниться с сыном уважаемого мною Германика – высокая честь для нашего рода. Ты отдаешь себе отчет, что Гай не такой, как его героический отец, что он не унаследовал ни одной черты его великодушного и мужественного характера? Его нельзя назвать и бледной тенью Германика. То, что о нем говорят в Риме, – ужасно. Его поведение идет вразрез со всеми нормами морали...

– Я не хочу слушать тебя, отец. Мне не нравится, что ты оскорбляешь Сапожка, которого я люблю с того мгновения, когда Агриппина рассказала мне о нем. Он именно тот, о ком я мечтала. Как ты не можешь понять, он половинка моей души. Мы хранили друг другу верность более пятнадцати лет, и вот теперь, когда его усилиями Тиберий вернул нашу семью в Рим, он сдержал свое обещание жениться на мне, которое дал, будучи мальчиком восьми лет. Неужели это ни о чем не говорит тебе?

Юния принялась нервно крутить отточенный стиль, сжимая тонкими пальчиками острые грани. «Мой отец не умеет быть благодарным, – раздраженно думала она, – жить в роскошном доме самой Ливии, иметь множество рабов, не потратив даже и асса по приезде в Рим. Все подарил нам мой Сапожок! А флакончики с драгоценными духами, дорогие туники, украшения, плащи, золоченые носилки... Что нужно этому завистливому гордецу?»

– Я прошу тебя, дочка, – продолжал Силан, – давай вернемся в Александрию. Я не хочу жить за чужой счет, это претит мне. Гай Цезарь не хранил тебе верность эти годы. Я слышал, что у него была связь с родной сестрой. Я не хочу, чтоб моя единственная дочь погубила свою жизнь, сойдясь с человеком, запятнавшим себя подобным преступлением.

– Отец, твой голос напрасно дрожит, я знаю о Гае все. Он говорил мне об этом инцесте, случившемся лишь потому, что Друзилла похожа на меня. Помнишь, даже Агриппина упоминала о нашем сходстве много раз. Пусть он не хранил мне верность телесную, да и как такое можно требовать от молодого мужчины? Но в сердце его царила одна я. Я пойду к себе, отец, давай, прошу тебя, больше никогда не говорить об этом. Единственное, что скажу тебе: если хочешь, после свадьбы забирай Кальпурнию и возвращайся в Александрию.

Силан побледнел: внезапно сдавило грудь, и черные мушки зароились перед глазами. Онсел в кресло, держась за сердце.

– Что творишь ты со мной, Юния? Не чтить семейных обычаев, посягая своим послушанием на власть отца. Я вправе убить тебя собственноручно за неповиновение...

– И представь себе, что последует за моей смертью, – зловеще проговорила девушка. – Ничто не спасет тебя. Даже вмешательство самих бессмертных богов не даст тебе уйти от мести Калигулы.

В сердцах размахнувшись, Юния резко вонзила стиль в деревянную капсу со свитками Катулла и выбежала из таблиния. Злоба переполняла ее сердце, душила цепкими пальцами. Отец угрожал ей смертью за непослушание! Как он смел! У своих покоев она налетела на Гемму, больно стукнулась коленом и вlepила рабыне звонкую пощечину.

– За что, госпожа? – Слезы полились из глаз девушки, а на щеке отчетливо проступило красное пятно от сильного удара.

– Что ты бродишь тут, глупая?

– Раб Ботер дожидается тебя у ворот, привратник только что доложил мне о нем, и я тебя искала. – Голос Геммы дрожал от страха.

Юнии захотелось вмазать ей еще, но она сдержалась и пошла к двери.

Ботер с каким-то свертком дожидался ее у входа в атриум. Он поклонился:

– Мой господин просил тебя прибыть к нему тайно и незамедлительно, переодевшись в это платье. – Он подал сверток.

– Ты знаешь тайный криптопортик, ведущий во дворец Тиберия?

– Да, госпожа.

– Отлично, таким способом мы быстрее проберемся во дворец.

Хлоя и Гемма, заплаканная, с пылающей щекой, быстро облачили девушку в красную тунику с птеригами офицера легиона и натянули парик. Хлоя тонкой кистью подвела брови и юношеские усики, и Юнию стало не узнать.

Она предусмотрительно запаслась светильником, и они с Ботером за четверть часа добежали до покоев Калигулы.

XIII

Оставшись в одиночестве, Силан дал волю своему отчаянию. Скупые мужские слезы покатались по морщинистым щекам. Глупец! Куда исчезли все тщеславные надежды? Даже выгодный брак дочери не сделает его нужным и значительным человеком. Клавдилла вознесется в блеске величия, а он окажется забыт и заживо похоронен в стенах дома.

Ему вспомнились молодые годы, когда он только вышел из стен школы и тогда совершеннолетнего легла на плечи. Блаженные дни, полные развлечений! Богатство семьи открывало перед ним широкие перспективы, он мог добиться квестуры или жреческой должности, уехать в путешествие по Востоку, побывать в прославленной Греции – он мог все в те далекие годы. Честолюбивый отец сочетал его браком с девушкой из семьи знатного патриция. А он сам загубил свою жизнь ради ласкового взгляда распутной девки, пусть и самой прекрасной на свете. Стоило ли того ее мимолетная благосклонность? Опустив голову, Силан задумался. Черная ночь сгустилась вокруг него, вспыхнули факелы, и в их неровных отсветах заплясала на ростральной трибуне дивная нагая танцовщица. Старик мучительно застонал, до боли сжав тонкие губы. Боги подарили ему это блаженство, заставив расплатиться страшной ценой. Нет! Никогда не жалел он о том, что сотворил, перечеркнув всю жизнь! Память об этом неземном блаженстве стояла долгих лет, прожитых в Александрии. Юная Клавдия простила его и без колебаний поехала в ссылку за мужем, от которого с гневом отрекся родной отец. Бедный старик! Позор единственного сына лишил его смысла жизни. Клавдия привезла с собой достаточно денег, чтобы купить приличный дом, Силан быстро завел знакомства и был избран в совет старейшин города. А сколько мудрости почерпнул он в богатейшей библиотеке! Жизнь наладилась, и все шло хорошо, пока не умерла Клавдия, подарив жизнь долгожданному ребенку. Но и этот удар он пережил, воспитывая маленькую дочь, а затем встретил вторую запоздалую любовь.

Ах, Юния! Если б не шел он на поводу у слепой отцовской любви! В своенравной малышке с белокурыми локонами и черными глазами воплотились до боли дорогие черты Клавдии. Разве мог он отказать ей в удовольствии отправиться в путешествие по Египту с великим Германиком и сопровождать его в Сирию?

Знал ли он, что знакомство с Сапожком перевернет всю их жизнь? Сколько достойных молодых людей просили руки Юнии, чья красота ярким цветком расцвела к четырнадцати годам. К каким ухищрениям прибегала любимая дочь, чтобы отпугнуть очередного кандидата или заставить отца дать отказ! Силан даже за голову схватился, припомнив эти кошмарные годы. От женихов не было отбоя, но ни один не тронул сердце неприступной красавицы. Знал бы он, что она хранила верность детской любви и терпеливо ждала своего Сапожка. Каким счастьем лучились ее дивные глаза, когда однажды курьер привез разрешение вернуться! Силан даже не рискнул настаивать на том, чтобы остаться в Египте. Радость дочери захватила и его. Рим! Далекий Вечный город манил и прельщал, а здравый смысл молчал.

Как он заблуждался! Приказ цезаря о восстановлении в гражданских правах не принес ему богатства и почестей. Какой яркой и насыщенной казалась теперь жизнь в Александрии! Раньше Силан не отдавал себе отчета в том, что вся римская суэта ничтожна и пуста. В молодые годы они с друзьями посещали все обручения, свадьбы, выступали свидетелями на заседаниях в суде, слушали чтения на форуме, разносили новости по знакомым. Они не забывали дни рождения, посещали больных, поздравляли избранных кандидатов. Каждое из этих занятий казалось необходимым, но в итоге они лишь бесцельно отнимали все время и оказывались бесполезными.

Сейчас он слишком стар, чтобы восстанавливать прежние знакомства и заводить новые. Гордость бывшего старейшины Александрии не позволила бы ему простаивать в атриуме влиятельных лиц, унижительно выпрашивая подачки. Над ним бы просто посмеялись.

Дочери быстро вскружила голову слава. Боги, не дайте ей повторить ошибки отца! Пусть одумается и откажется от рокового шага. Этот брак сгубит ее, распутный нрав Калигулы еще заставит страдать.

Силан утер скупые слезы. Что ж, да будет так! Он уедет после свадьбы дочери, но у юриста оставит для нее деньги, чтобы она всегда смогла вернуться в его дом. Он будет ждать, и вряд ли это ожидание затянется.

XIV

Шумная компания веселилась вовсю, сам наследник императора, черпая из большой амфоры красное вино, поливал им прозрачные хитоны гетер. Пьяные девушки, мокрые и босые, бегали от него по триклинию.

Увидев Юнию, Гай бросил свое занятие и закричал:

– Смотрите, явился мой новый друг. Он теперь в нашей компании. Знакомьтесь, Юний Силан, брат моей невесты.

Девушка поклонилась.

– Невий Серторий Макрон. – К ней приблизился грузный седой мужчина.

Юния неожиданно вспомнила, что видела его сегодня на Аппиевой дороге: он ехал рядом с носилками и не сводил с нее глаз. К тому же и он, и остальные были ей знакомы по лупанару Лары Варус. Новоиспеченному «брату невесты» предложили выпить, что он с удовольствием сделал. И вся компания двинулась на улицу.

– Послушай, Юний, не тебя ли я видел у Лары Варус? – неожиданно обратился к ней красавец Мнестер.

Юния растерялась.

– Оставь мальчика в покое, актер. – И Калигула по-дружески приобнял ее за плечи. – Мы познакомились недавно, но успели выяснить, что у нас схожий нрав. Я и пригласил Силана в нашу компанию. Пусть набирается ума-разума.

Макрон, шумно дыша, шел рядом. Юния заметила, что он не отходит от нее ни на шаг. Вдруг она с ужасом уловила исходящий от ее волос запах духов и шепнула об этом Калигуле.

– Глупости, после объятий красотки от тебя может пахнуть чем угодно.

Они не могли и предположить, что Невий с первого взгляда раскусил этот трюк с переодеванием. Его не на шутку взволновало присутствие невесты наследника, и он гадал, зачем Калигула взял ее с собой. Только ее неожиданное появление и заставило его принять участие в ночной вылазке, что немало удивило товарищей, знавших, как Макрон опасается огласки и публичных скандалов, к которым они привыкли.

Аппелес предложил наведаться к Ларе Варус, но все воспротивились. Задирая прохожих и проституток, компания пьяных растянулась на всю ширину викуса. По обыкновению, распахнулось окно, и оттуда вылился поток нечистот, едва не обрызгавших Луция. Выругавшись, он отскочил в сторону, чуть не сбив с ног Аппелеса.

– Клянусь Гекатой, это уже слишком, – сказал актер. Он протянул свой факел Лицинию. – Кидай, Луций, пусть запомнят надолго свой проступок.

Горящий факел полетел на крышу. Сухое дерево моментально вспыхнуло, огонь в мгновение ока побежал во все стороны. Раздались крики, из дверей выскочили жители с кувшинами. Смелчаки полезли на крышу.

– Пора бежать, – произнес Макрон, – пока не появились вигилы. Скандал будет громким, если нас кто-нибудь опознает.

Калигула потянул Юнию за собой в узкий викус. Кто-то сбил ее с ног, она упала, выпустив руку Гая. Улочка неожиданно заполнилась бегущими людьми.

– Вот они – поджигатели! Я сам видел, что они бросили факел на крышу. Держи их!

Прижавшись к стене, Юния вглядывалась в темноту. Издалека до нее донесся голос Калигулы, зовущий ее. Но преследователи остановились около ниши, где она затаилась, и она молчала, не откликаясь.

– Ты ошибся, Софрон, здесь нет никого, – услышала она голоса, – я видел бегущих совсем на другой стороне улицы.

– Это были солдаты! Кому охота с ними связываться!

– Пусть не думают, что можно безнаказанно обижать бедный люд. Мы должны проучить их! А вы трусы, неужели опять проглотите обиду?

Что-то мягкое пробежало по ногам девушки, обутом в кожаные сандалии. Сдержав крик, она все же пошевелилась, выдав свое убежище.

– Вот один!

Несколько грубых рук схватили ее и вытащили наружу.

– Несите огонь, мы сделаем из него факел.

Подбежало еще несколько человек.

– Не смейте связываться с легионерами! Разве не видите, что этот молодчик из офицеров?

Юнию окружила толпа бедняков. Ее трясло от страха, но она не просила пощады, надеясь на помощь Гая. Она почувствовала первый удар в спину, затем последовал второй. Было обидно и больно, но она молчала, закрыв лицо. Грубые выкрики неслись со всех сторон. Внезапно улица осветилась огнями, и Юния с надеждой подняла голову. Но увидела отряд вигиллов, расталкивающих толпу.

– А ну все по домам! – крикнул начальник стражи. – Расходитесь!

– Мы поймали поджигателя! Этот легионер со своими друзьями поджег дом вдовы Виласа.

– А, опять ты, Софрон, глава каменщиков, – взгляделся начальник в лицо предводителя, – пусть все разойдутся по-хорошему, а этого юнца мы заберем с собой.

Вигилы скрутили ей руки и повели, подталкивая в спину. Юния пришла в отчаяние. Где же Калигула, почему не придет спасти ее? Ни на миг она не думала, что он мог бросить ее. Скорее всего, потерял след.

По крайней мере, вигилы избавили ее от произвола толпы, но что ждет ее дальше? Мамертинум? Из огня да в полымя. «Брошусь в Тибр», – подумала она. Отлично умея плавать, она надеялась перебраться на другой берег.

Они продвигались полутемными улицами довольно долго, прежде чем Юния услышала характерный звук течения реки. Она все время оборачивалась назад, надеясь увидеть помощь, а пока успела ослабить кожаные ремни, стягивающие руки. Только бы вигилы не разоблачили ее маскарад. Из-за одежды они приняли ее за молодого солдата, решившего покутить с друзьями ночной порой.

Неожиданно они наткнулись на отряд преторианцев. Перед вигилами выросла конная фигура.

– Я префект претория, – раздался грубый голос Макрона. – Назовите номер вашей когорты и имя главного офицера.

Начальник выступил вперед и ответил.

– Что за пленник с вами?

– Мы задержали его на Яремной улице, он с друзьями пытался поджечь дом, кинув горящий факел на крышу.

– Это преступление против народа Рима, мы забираем его с собой.

Начальник вигиллов не осмелился возразить всемогущему префекту. Недоумевающие стражники вытолкнули вперед Юнию, преторианцы взяли ее в кольцо, и они двинулись. Какое-то время, пока вигилы не скрылись в темноте, Макрон ехал молча, но затем велел преторианцам возвращаться в казармы, а сам помог Юнии сесть на круп его коня.

– Спасибо, Невий Макрон, – сказала девушка, сделав грубее голос. – Я уже не надеялся на помощь. Но где Калигула?

– Юнии Клавдилле не надо передо мной разыгрывать из себя мужчину. Я сразу узнал тебя, едва ты появилась. Твой жених бросил тебя, сбежав с остальными. Неужели ты надеялась, что этот трусливый щенок вернется спасти тебя из рук плебеев?

Но Юния, скорее сердцем, а не ушами, почувствовала в его голосе неуверенность.

– Куда ты везешь меня, Невий?

– В безопасное место. Мне нужно поговорить с тобой.

– Я хочу видеть Гая. – Юния попыталась спрыгнуть с коня.

В мгновение ока, опередив ее, Макрон оказался на земле, мощными ручищами подхватил ее, как пушинку, и перекинул через луку седла. Парик слетел с головы девушки, белокурые волосы рассыпались.

– Нет, так не годится, – проговорил Невий, пытаясь закатать голову Юнии в плащ.

– Немедленно отпусти меня, предатель! Ты затеял гнусную игру! Калигула ищет меня, дай мне добраться до него!

Юния принялась извиваться, наконец ей удалось сползти вниз, но не успела она сделать и шагу, как сильный удар в голову лишил ее чувств.

XV

Когда в триклинии покоев Калигулы появился юноша, представленный как Юний Силан, Макрон побледнел. Теперь он понял, каким образом очутилась в лупанаре Варус таинственная девушка, оказавшаяся невестой Гая Цезаря.

Ни у кого не возникло и тени подозрения при виде того, как Калигула не отходит ни на шаг от брата своей невесты. Макрон тоже старался держаться рядом, не упуская лже-Юния из виду. Ранее он не принимал участия в ночных вылазках и дебошах, поскольку многие могли его узнать. К тому же в пятьдесят лет такое веселье уже претило ему.

Когда толпа преследователей разлучила Юнию и Калигулу, именно он направил Гая в другую сторону, сказав, что девушка, спасаясь от погони, побежала по направлению к Палатину, видимо к себе домой. Все устремились за ней, а он – в казармы преторианцев. Собрав небольшой отряд, он сумел удачно вызволить Юнию из рук вигилов. А в голове у него созрел план.

Он ожидал, что Юния поверит, зная нрав Калигулы, что тот бросил ее в беде. Но Макрон не учел, что сердце ее обмануть не удастся. Когда она попыталась сбежать, он легко оглушил ее ударом рукояти меча и, спеленав, как куклу, своим плащом, поскакал к себе во дворец.

Удивленные рабы помогли ему перенести бесчувственное тело девушки в дальние покои. Там он, отослав всех, задернул тяжелую занавесь и принялся разворачивать плащ. Юния еле дышала, едва не задохнувшись в грубой ткани.

– Как ты прекрасна! – шептал Макрон, потихоньку развязывая шнурки и снимая тяжелую кирасу. – Как нежна твоя кожа и сладки уста.

Не владея собой, он рванул красную ткань туники, скрывающую округлую грудь, и впился страстным поцелуем в полуоткрытые губы. Юния застонала.

– Гай, – шепнула она, не открывая глаз, – ты все-таки нашел меня, любимый.

– Не зови этого изменника, он не думает больше о тебе. – Грубые руки Макрона гладили ее грудь. – Теперь ты будешь со мной.

Юния вскочила в испуге.

– Оставь меня в покое, старик! – крикнула она. – Ты зашел слишком далеко, Гай не простит тебе этого!

Она едва сдержала крик боли, и только тут Невий заметил на ее белой коже синяки.

– Бедная моя, эти плебеи сделали тебе больно. Но я не мог спасти тебя раньше, прости меня. Я пришлю лучших врачей!

– Не надо мне ничего, я приказываю, Невий Макрон, отвезти меня к Калигуле, – Юния шипела, как змея. Стесняясь своей наготы, она выставила вперед длинные ногти. – Не вздумай подойти ко мне, старый развратник, я выцарапаю тебе глаза!

– Смирись, Юния Клавдилла, но ты станешь моей женой, а не этого рыжего недомерка. Ты узнаешь настоящего мужчину, а не какого-то сопляка, что, выпрашивая подачки, пресмыкается перед Тиберием. Я – власть, я – сила! За мной стоят преторианцы – стоит мне пожелать, и они провозгласят императором меня, а не выскочку Гая. Покорись мне, и я положу мир к твоим ногам.

– Что мне твой мир, если нам с Сапожком принадлежит небо. – Безумный взгляд Юнии испугал Макрона. – Пойми, Невий, нас связывает меж собой нечто большее, чем просто земная любовь. С самого рождения боги предназначили нас друг другу, а кто встанет меж нами, тому смерть.

– Я дам тебе время для раздумий, пока разведусь с Эннией. У тебя будет два пути: ответишь ты согласием с приставленным к спине кинжалом или же сделаешь это добровольно. До

этих пор ты останешься здесь. Мои рабы не выпустят тебя из этой кубикулы, так что не пытайся сбежать, если не хочешь оказаться в яме, где хранят вино.

И Макрон вышел. Вслед ему донесся крик Юнии:

– Это твоя самая большая ошибка!

В перистиле его нагнал управляющий.

– Господин, номенклатор доложил о приходе Гая Цезаря, – сказал он.

Макрон вздрогнул. Неужели его план рухнул?

– Немедленно разбуди госпожу Эннию, пусть встретит его.

– Но, господин, лучше бы вам самому встретиться с ним. Кажется, у Гая Цезаря помутился рассудок. С ним еще несколько офицеров.

Макрон вышел в атриум и увидел всю компанию. Красные туники легионеров были порваны, кирасы покрыты копотью.

– Что ж ты бросил нас, Невий? – спросил Калигула, трогая свежую ссадину на щеке. – Увлечся спасением моей невесты? Мы подождли, вернувшись, весь этот поганый викус, разгоняя ночную тьму. Но так и не нашли мою Юнию. От твоих преторианцев узнали, что ты забрал поджигателя у вигилов. Ты ведь догадался, что это девушка, не так ли?

– Брось, Гай, с ней все в порядке. Эти грубые плебеи наставили ей синяков, она напугана до смерти. Ты бросил ее одну среди толпы, а я спас от кошмара. – Макрон прятал глаза от испытующего взора Калигулы.

– Не думаю, что Юнию так легко напугать. Где она? Я хочу ее видеть!

– Пойдем.

Пока Макрон вел Калигулу через длинный коридор из атриума в дальние покои за ойкосом, гнев душил его. Он едва сдерживался, помня о свидетелях, чтобы своими мощными ручищами не свернуть тонкую шею этого самоуверенного наглого юнца. Зависть когтистой рукой сжимала сердце. Почему такому мерзавцу, как Калигула, принадлежит любовь самой прекрасной женщины на земле, ведь он недостоин и мизинца ее маленькой ножки. Невий, ослепленный коварным Амуром, не мог понять, что душа ее так же черна, как бездна Тартара.

Юния радостно бросилась к Гаю. Он гладил ее, крепко сжав в объятиях, целовал прекрасные глаза, шепча слова любви. Невий уловил, как ее темный глазок, заметивший его в стороне, сузился от ненависти. Что ж, посмотрим, кто кого, коварная сирена! Макрон и не сомневался, что сумеет добиться своего, даже ценой смерти ее любимого Калигулы.

– Ах, Гай, ты невредим? Проклятые плебеи едва не растерзали меня, ночные вигилы хотели отвести в тюрьму, но твой великодушный друг пришел мне на выручку. Я жизнью обязана ему!

Макрон подумал, что ослышался.

– Юния, любимая! Мы сожгли этот вонючий викус дотла, я думал, что больше не увижу тебя. Ты бы видела зарево! Людишки бегали, вопя от ужаса, глядя, как горят их жалкие дома. Аппелес и Мнестер, подобно богам смерти, носились с факелами и кидали их в окна. А я разыскивал тебя. Но лишь встретив преторианцев, мы узнали, что ты у Невия. Я подумал, что он похитил тебя.

Макрон с удивлением вслушивался в голос Калигулы. Еще никогда, мог он поклясться, и никто не видел такой любви и заботы от бездушного наследника.

Гай Цезарь взял с кровати плащ, закутал Юнию, легко, без малейшего усилия, поднял на руки и понес к выходу. Макрон смотрел им вслед, осознавая, что его искусный план рухнул из-за небольшого просчета. Наблюдая, как бережно и осторожно Калигула несет свою драгоценную ношу, Невий наконец понял, в чем он ошибся. Первый в империи распутник и негодяй искренне и верно любил свою невесту и никогда, ни за что не оставил бы ее на темной улице в руках разъяренных плебеев, как показалось тогда Макрону.

Префект в ярости схватил грязную тунику девушки, хотел разорвать, но вдруг завыл, как раненый зверь, и повалился на кровать, прижимая к себе красные лохмотья.

XVI

Девушка уснула, склонившись на плечо Гая Цезаря, который нес ее на руках. Ночные спутники разошлись, проводив их до тайной двери дома Ливии.

Перепуганная Гемма обмыла ссадины на нежной коже Юнии, опасаясь задать вопрос, и обработала их лечебным бальзамом. Калигула сам перенес ее на постель, улегся рядом, нежно обняв свою любимую, и они уснули. Изредка тихие вскрики Юнии будили его среди ночи, но он лишь крепче прижимал ее к себе, шепча утешительные слова любви, и вновь засыпал.

Утром он почувствовал нежный поцелуй на губах и, открыв глаза, увидел, что Юния уже проснулась и склонилась над ним:

– Какое счастье для меня – видеть твое пробуждение. Я приказала нагреть нам ванну, думаю, ты не откажешься принять ее вместе со мной.

Калигула счастливо улыбнулся.

– Знаешь, – сказал он, усаживаясь в серебряный чан, полный теплой воды, – иногда я не верю в то, что можно быть настолько счастливым. Я уже не могу думать ни о чем, кроме твоей красоты. Ты настолько же прекрасна, как я безобразен.

– Гай, ты безобразен? – Юния скинула хитон и уселась напротив Гая, разгоняя руками розовые лепестки. – Для меня прекрасней тебя нет никого.

– Ты еще не видела римских красавчиков, которые следят за собой тщательней стареющей матроны. Ты должна заметить, что моя фигура несовершенна из-за тонких ног, я начал лысеть...

– Помолчи, не говори глупостей. – Юния придвинулась ближе, обхватив ногами его бедра. – Ты для меня – единственный мужчина в подлунном мире, и, кроме тебя, я не полюблю никого. Знаешь, если ты будешь осторожен с моими ссадинами на спине, то мы сможем заняться любовью прямо здесь.

Гай рассмеялся и притянул ее ближе.

С Геммой едва не случился удар, когда она заглянула в комнату, услышав стоны. На ее счастье, Юния не заметила, как приоткрывалась дверь.

Рабыня как ошпаренная вылетела в коридор и столкнулась с Хлоей.

– Ты была у госпожи? – спросила галлийка. – Она наказала тебя?

– Стой, не заходи туда. – Гемма ухватила ее за рукав.

– Отец зовет ее завтракать.

– Она не пойдет, можешь ему так и передать. – Увидев, что Хлоя открывает рот для нового вопроса, Гемма толкнула ее. – Иди, гусыня, иди. И постарайся, чтобы он не вздумал прийти в ее покои.

Хлоя убежала, а Гемма встала у двери. Она не ожидала от своей прелестной госпожи такого бесстыдства и нарушения обычаев. Не ночевать дома, привести мужчину в свои покои, пусть даже будущего мужа, заниматься любовью утром, не боясь, что отец может зайти, – о чем думает Юния Клавдилла?

Наконец раздался удар в гонг – госпожа звала рабыню.

– Гемма, вели доставить завтрак сюда. Скажи, отец спрашивал обо мне?

– Я встретила Хлою, Силан звал тебя в триклиний, но я отказалась от твоего имени.

– Правильно сделала.

– Принесли записку от госпожи Ливиллы, – сказала Гемма и протянула восковые таблички.

– Смотри-ка! – воскликнул Калигула. – Ты нашла общий язык с моей сестрой, хотя, впрочем, она самая безобидная и тихая среди остальных. Тебе удалось напугать Агриппиниллу,

значит, ее подбострастие тебе обеспечено. А вот по силам ли тебе одолеть Друзиллу? Признаться, я даже немного побаиваюсь вашей встречи. К тому же они с Эннией подруги.

– Энния – это жена префекта претория?

Калигула не ответил, а принялся натягивать тунику. Они присели к накрытому столику, который внесли рабы.

– Люблю заячий паштет, – сказал Гай. – Намажь мне кусочек хлеба, любимая. Что за вино?

– Родосское, знаю, тебе оно нравится. Но мы начали разговор... – Юния испытующе посмотрела на жениха. – Надеюсь, ты не хочешь, чтоб меж нами были недомолвки.

– Не хочу, – пробурчал Калигула с набитым ртом. – Просто я не собирался затрагивать эту тему за завтраком.

– Придется, дорогой. Меня будет ждать Ливилла, не хотелось бы опаздывать. Через час мы встречаемся с ней в Саллюстиевых садах.

– Что ж, ставлю тебя в известность, что Энния Невия влюблена в меня как кошка. Пытаясь избежать ее объятий и чтоб не обидеть резким отказом, я намекнул ей, что, возможно, став принцепсом, женюсь на ней.

– Предусмотрительно. Но что прикажешь делать с Макроном, который вчера пытался похитить меня и заставить силой выйти за него замуж?

Гай удивленно посмотрел на нее:

– Но почему ты не обвинила его вчера? Я подозревал об этом. Не ты ли благодарила Невия за спасение своей жизни? Я поверил.

– А зачем мне было ссорить вас? Макрон обладает властью, которую дал ему Тиберий из-за заслуг в раскрытии заговора Сеяна, и он прочно сидит на своем посту. К тому же пользуется популярностью в армии. Когда он поможет тебе стать принцепсом, вот тогда-то мы уберем с дороги его и навязчивую Эннию.

– Ты дальновидна. Но хочу предупредить тебя: Энния и моя Друзилла – близкие подруги. Будь осторожна, вести о нашей помолвке достигли и Капуи. Не удивлюсь, если Друзилла на днях появится в Риме.

– Я буду готова к встрече с ней. И не вытирай руки о чистую тунику, давай я полью тебе воды.

Через полчаса Юния проводила Гая и выехала на встречу с Ливиллой.

Их носилки одновременно оказались у въезда в Саллюстиевы сады. После взаимных приветствий они отправились дальше пешком, оставив при себе несколько охранников.

Ливилла выглядела ослепительно в блеске драгоценностей, которые обильно украшали ее волосы, шею, тонкие руки. Камни искрились в лучах солнца, заставляя жмуриться прогуливающих. Даже ее розовая стола была прошита золотыми нитями. Юния выглядела скромнее в сиреневой тунике с мелкими серебряными листиками и в жемчужном ожерелье. На точеные плечи она набросила зеленую муслиновую шаль, окутавшую ее прозрачным облачком.

Девушки непринужденно болтали, подсмеиваясь над прохожими, которые без конца оборачивались или по несколько раз проходили мимо, любуясь их красотой. У небольшого озера в кувшинках они кормили ручных лебедей, пока толпа зевак не заставила их удалиться в глубь цветущего сада, и там они присели на скамейку.

– От этих праздношатающихся нет покоя, – томно потягиваясь, произнесла нараспев Ливилла.

– Однако я чувствую, тебе льстит всеобщее поклонение, – усмехнулась Юния. – А почему Агриппинилла не присоединилась к нам?

– Признаться, ты здорово напугала ее. Ни одна матрона не осмеливалась еще возражать ей в подобном тоне. Она, верно, до сих пор злится. Но не бери в голову подобных пустяков.

Лучше расскажи мне, как познакомились вы с братом? Ваша помолвка озадачила весь Рим. Никогда не думала, что Сапожок может быть настолько скрытным.

Юния медлила с ответом, посмотрелась в маленькое зеркальце, поправила непослушную прядь.

– Ума не приложу, с чего начать. Это долгая история, – в раздумье сказала она.

– А мы не торопимся. Не правда ли?

И Юния рассказала ей о приезде Германика в Александрию, о путешествии по Египту, о событиях в далекой Антиохии.

– Я не знала отца. – Ливиллу совсем не задела картина его гибели, которую описала ей Юния. – Я родилась в Риме после его смерти. Мои сестры помнят лишь его громкий голос и сильные руки, когда он играючи подкидывал их, маленьких, вверх. Они росли без него в Риме, а смерть его принесла одни лишь хлопоты и беспокойства. Тиберий обрушил свой гнев на нашу семью, – добавила она тише. – Моя мать была сослана, вначале пострадали близкие ей люди, затем Тиберий стал преследовать и ее. Старая бабушка Антония рассказывала, как при последней встрече, обвинив Агриппину в разных проступках, в ответ на ее оправдания он, в гневе схватив палку, выбил ей глаз. Несчастливая женщина! Она была виновата лишь в том, что в жилах ее текла кровь божественного Августа и что она была женой ненавистного Германика и матерью его детей. Затем казнили братьев Друза и Нерона, обвинив в измене. Ужасной была их преждевременная смерть. Выжили мы, девчонки, и маленький Гай, нас опекала сама Ливия, а Тиберий не смел ей ни в чем перечить.

К ним приблизились двое молодых людей в белоснежных тогах. Они церемонно раскланялись.

– Это – Виниций, мой муж, – томно произнесла Ливилла. – Познакомься и с Эмилием Лепидом. Мы называем его Ганимед.

– Прекрасная Ливилла сразу раскрыла мои тайны, – слащавым голосом сказал женоподобный юноша. Тонкие пальцы его искрились от обилия драгоценных камней. – А кто же твоя новая подруга? Впервые вижу в Риме подобную красоту.

– Юния Клавдилла, дочь Марка Юния Силана. Они в Риме несколько дней, но имя Юнии уже у всех на устах.

– Прими мои поздравления. – Скромный Виниций учтиво поцеловал ее руку. – Надеюсь, боги благословят твой брак с Гаем Цезарем.

Юния прищурила свои миндалевидные глаза: в словах Виниция она уловила легкую тень насмешки.

– Они благословили его много лет назад, когда мы были еще детьми.

Она хотела еще что-то добавить, но Ливилла прервала ее:

– Моя Юния только что поведала любопытную историю об их знакомстве в далекой Сирии. Оказывается, Юний Силан был другом моего отца.

Молодые люди присели рядом на дубовую резную скамью. Лепид тихо отдал какое-то приказание своему рабу, и тот удалился. Потекла ленивая беседа, изредка приправляемая колкими замечаниями Ливиллы. Юния молчала и слушала, впитывая как губка новые имена и подробности. Ее живо заинтересовал рассказ о том, что на Яремной улице сегодня ночью сгорело дотла пять домов, глава каменщиков Софрон принес жалобу претору на офицеров римского легиона. Но жалобу не приняли, потому что тому не удалось представить ясных доказательств. Юнии почудилась рука всемогущего Макрона.

Тем временем раб Лепида поднес два огромных букета лилий для девушек.

По этому случаю Ганимед, причудливо изгибаясь, продекламировал несколько поэтических цитат, подобрав меткие сравнения для синих глаз Ливиллы и белокурых волос Юнии. Польщенные, они радостно заулыбались, поднеся цветы к лицу. Этот жест подвигнул Виниция

сочинить эпиграмму, в которой он удачно заметил, что белизна лилий блекнет в сравнении с нежной кожей красавиц.

Клавдилла восторгалась изысканностью молодых людей. Красивый Марк Виниций, белокурый и статный, очень ей понравился. Ее умиляло, с какой любовью смотрел он на жену своими большими серыми глазами, без конца робко пожимал ее точеную руку. Но Ганимед заинтересовал ее еще больше. В течение всей беседы она не спускала с него удивленных глаз. Впервые девушка видела пред собой образчик прославленных римских красавцев.

Он говорил нежным и томным голосом, и поначалу Юния не могла разобрать и половины слов, но потом поняла, что он делает вид, будто не может произнести всех слогов, считая это верхом утонченности. Движения его тонких рук со множеством колец, нанизанных на пальцы, были плавны и размеренны; казалось, он двигает ими под слышимую ему одному музыку. Дополняли картину того, чересчур широкая и блестящая, с искусно сделанными складками, но выше всех похвал, – надушенная прическа и белоснежная кожа с тщательно выщипанными волосками.

Но тут Юнию отвлекли от созерцания Ганимеда. К ним подошли несколько знакомых молодых патрициев, польщенных возможностью представиться самой невесте Гая Цезаря. Цветы посыпались как из рога изобилия. Юния велела отнести букеты к ней в носилки. Солнце тем временем ушло с зенита, совершая привычный круг. Ганимед предложил совершить прогулку на лодках.

XVII

В это благодатное солнечное утро Макрон пребывал в отвратительном расположении духа. Напротив него, в мягкой катедре, скрестив пухлые ручки на объемистом животике, уютно расположился посетитель. Его круглое румяное лицо излучало радушие, от улыбки веяло добротой и теплом. Так могло показаться тому, кто не был знаком с Лелием Бальбом. Но, присмотревшись, можно было уловить злой блеск маленьких глазок, прикрытых припухшими веками. Лелий Бальб уже целый час излагал префекту претория свои доводы насчет затеянного им на днях процесса. Он привлек к суду за оскорбление величия Акунцию, в прошлом жену Публия Вителлия. Макрон морщился, вполуха слушая визгливого Бальба. Ему вспомнилось, что Вителлий, как приближенный Германика, отца Калигулы, в свое время сам прославился как обвинитель, добившийся осуждения Гнея Пизона, убийцы и отравителя великого полководца. Это принесло Публию оглушающий успех среди римского народа, обожавшего Германика. Он даже был назначен претором, но, как сообщник Сеяна, схвачен при раскрытии заговора. Тиберий не мог не воспользоваться случаем отомстить за Пизона, что подтвердило слухи о том, что Пизон действовал в Сирии по его прямой указке. Вителлия доверили надзору прославленного брата Луция, чьему возвышению в свое время способствовало то обстоятельство, что его сын Авл проводил время на Капри среди любимчиков Тиберия. Публий попытался покончить с собой, вскрыл вены, но смалодушничал, испугавшись смерти, позволил себя перевязать и лечить. Луцию удалось было добиться для него оправдательного приговора, но Публий из-за переживаний заболел и умер, так и не дождавшись освобождения.

Его вдова славилась своей красотой и недоступностью. Макрон знал, что Бальб хотел жениться на ней, но Акунция в резкой форме отказала ему. Макрон, уверенный, что она будет осуждена, не мог до сих пор понять, что нужно от него Лелию. Бальб разглагольствовал, угощался фалернским вином, глазки его соловели, но сути дела так и не касался. Префект претория терял терпение, прислушиваясь к гулу голосов ожидавших его клиентов, номенклатор уже не раз заглядывал, беззвучно открывал рот и тут же прятался за занавесью таблиния.

Наконец Макрон не выдержал и напрямик поинтересовался о цели визита Бальба. Тот испуганно спохватился, выудил из синуса безупречной тоги запечатанный свиток с посланием для Тиберия и, церемонно раскланявшись, удалился. Невий сплюнул на пол по старой солдатской привычке и кинул свиток в угол. Потерять столько времени из-за тщеславного глупца, которому казалось, что если его послание цезарю передаст лично префект претория, то затеянный им судебный процесс завершится без проволочек.

Макрон обессиленно облокотился на жесткую спинку катедры и устало зевнул. Заглянул опять номенклатор, но префект претория раздраженно махнул рукой и приказал начать раздавать спортулы.

Вошла Энния. После давней ссоры из-за ее измены они жили порознь в одном доме, встречаясь изредка, когда супруга приходила за деньгами, но сегодня, видимо обрадованная его недавним щедрым даром, она решила примириться.

– Мой Невий! – томно произнесла она, не обращая внимания на удивленный взгляд мужа. Давно он не слышал таких ласковых ноток в ее голосе. – Я собираюсь с Агриппиниллой в Саллюстиевы сады покататься на лодке. Ты не составишь нам компанию? И не отказывай мне, последнее время мы и так редко появляемся вместе.

Макрон недовольно посмотрел на нее. Все-таки она дивно хороша! Он почти возненавидел себя за ту любовь, что питал к ней когда-то и которая рассыпалась в прах, стоило ему убедиться в ее неверности.

– Я право не знаю, Энния. У меня много важных дел...

Она не дала ему договорить. Беззаботно смахнув важные свитки, уселась на стол перед мужем, вызываясь обнажив округлые бедра, и произнесла:

– Долго еще ты будешь избегать меня, мой Невий? Я так истосковалась по твоим жарким объятиям. Тебе известно, что, раскаявшись, я храню верность одному тебе.

Макрон не смог сдержаться, чтобы не провести рукой по ее гладкому бедру. Энния выгнулась в сладкой истоме.

– Я хочу тебя, милый, хочу прямо здесь, – зашептала она.

Невия не пришлось долго упрашивать. Энния стонала от удовольствия, ее долгое ожидание наконец-то завершилось. Теперь она вновь воцарится на правах полновластной хозяйки! Даже изменник Калигула вмиг был забыт.

– Ох, любимый мой, клянусь богами, мне еще не было так хорошо, – промурлыкала Энния, склонив кудрявую растрепанную головку к нему на плечо. – Я так мечтаю, чтобы ты вернулся ко мне и, как прежде, ночевал в моих покоях. У меня есть надежда? Скажи, не мучь меня.

Макрон упрямо тряхнул седой головой, гневаясь на себя за непростительную слабость к изменнице. Но стоило заглянуть в ее ласковые, просящие глаза, как он смягчился. В голову закралась мысль о том, что сейчас ему стоит быть к Эннии благосклонным, чтобы развеять подозрения Калигулы о неудачном похищении его невесты.

Почему Клавдилла тогда не выдала его? Он терялся в догадках.

Энния заметила, как нахмурились его брови, и испуганно отпрянула, оправляя тунику.

– Подожди, моя дорогая, – чело Макрона прояснилось, – я уже не держу на тебя зла. Устоять перед твоими чарами невозможно, ты так прекрасна.

Энния растаяла и прильнула к широкой груди мужа:

– Спасибо, что вернул счастье в наш дом. Клянусь Юноной, я больше никогда не оступлюсь и буду принадлежать душой и телом только тебе одному. Да покарает меня богиня, если брошу хоть один ласковый взгляд другому.

Она едва смогла подавить тяжелый вздох, произнося лживую клятву. Пусть ей сегодня удалось одержать победу над мужем, который теперь слепо будет ей доверять, как прежде, но изменник Калигула... Сердечко еще долго не оправится от той раны, что он нанес, нарушив обещание.

– Скажи, любимый, – спросила молодая женщина, лукаво улыбаясь, – известие о помолвке друга смягчило твою суровость? Наверное, Калигула счастлив, и ты позавидовал ему?

– Нет, в моем сердце нет зависти к этому сопливому недомерку, – стиснув зубы, проговорил Макрон. – Хотя его невеста и прекрасна, как сама Венера. В жизни я не встречал подобной красоты. Но и совершенство может надоесть со временем, а они ведь только встретились после долгой разлуки. К тому же тебе известна репутация Калигулы как ветреника и кутилы. Эту девчонку еще постигнет суровое наказание за строптивость и тщеславие.

Энния озадаченным молчанием ответила на этот резкий выпад. Макрон не мог догадываться о ее чувствах к Гаю – вряд ли тот рассказал ему о ее визитах. Это сделало бы невозможным сегодняшнее примирение. Но чем Гай заслужил столь грубое оскорбление от друга? Эннию заинтересовала и причина ненависти ее мужа к невесте наследника. Где они встречались? И что могло произойти меж ними?

XVIII

Огромный дом Домициев на южном склоне Палатина, напоминающий базилику, поражал своими размерами. Толстые пилястры гордо возносились вверх, упираясь в мощную крышу с искусно вылепленными барельефами, – невозможно было разглядеть их рисунок, настолько высоки были стены. Бронзовые химеры на дубовой двери скалили зубастые пасти на храм Мира из белоснежного мрамора. Мозаичная надпись на пороге гласила: «Проходи мимо» – вместо обычного «Salve», а рядом на железной цепи сидел чернокожий раб с отталкивающей физиономией. Клиенты не осаждали этот знатный дом, предпочитая не водить знакомства с его хозяевами.

Луций Домиций, знаменитый предок древнего рода, удостоился своего прозвища Агенобарб⁵ в незапамятные времена, после того как римляне одержали победу над латинами при Регилльском озере⁶. На пути перед Луцием предстали юноши-близнецы Кастор и Поллукс и повелели ему возвестить сенату и народу об одержанной победе, о которой еще ничего не было известно, а в доказательство своей божественной силы коснулись его щек, и волосы на них из черных стали рыжими, медного цвета. Удачу принесла древнему роду эта необыкновенная встреча: удостоенные семи консульств, триумфа, двух цензоров, причисленные к патрициям, все они сохраняли прежнее прозвище⁷.

Постепенно пороки вытеснили из наследников добрые качества, и в Риме шептались, что в семье Агенобарбов рождаются ныне лишь дикие, кровожадные разбойники, не брезгующие ростовщицеством и обманом, погрязшие в преступлениях и пороках. Август особым эдиктом в свое время был вынужден обуздать жестокость Домиция, отца Гнея, мужа Агриппиниллы. Будучи консулом, он выводил на подмостки в мимах римских всадников и матрон; травли показывал и в цирке, и по всем городским кварталам, а гладиаторский бой устроил такой кровавый, что ужаснулись многие.

Последний отпрыск рода превзошел предков в заносчивости, расточительстве, жестокости и разврате. Агриппиниллу, сестру Гая Цезаря, насильно выданную за него замуж по воле Тиберия, он поначалу невзлюбил из-за ее невзрачности, но после восемнадцати лет она вдруг похорошела, а к двадцати завоевала славу одной из первых красавиц Рима. Она сумела тонко сыграть на его ревности, даже не опечалась, что нескольким ее поклонникам он переломал ноги, и благодаря этой ревности он наконец воспылал к ней запоздалой страстью. К тому же ему понравилось и то, что она оказалась искусна в любовных утехах и охотно закрывала глаза на его похождения. Ссоры меж ними были нередки, и иногда Агриппинилла подолгу не выходила из дома, пряча синяки, но, едва наступал мир, они любили друг друга неистово и ненасытно.

Утреннее солнце робко скользнуло тонкими лучами по ощерившимся мордам бронзовых химер и испуганно отпрянуло, будто сомневаясь, стоит ли будить обитателей этого мрачного дома. Но затем, осмелев, кинуло косою пучок лучей через комплювий, выхватив ярким пятном затейливый узор на мозаичном полу. Утренний свет растекался по атриуму, золотя мраморных муз и прекрасного Аполлона, стоящих в проемах между кубикулами. Тускнели огоньки бронзовых светильников, рабы начали уборку, из кухни потянулись вкусные запахи – дом оживал.

На широком ложе, инкрустированном золотом и слоновой костью, Агриппинилла металась в беспокойном сне на скомканных простынях, запутывая облако роскошных рыжих волос, и слезы лились из-под длинных ресниц. Неожиданно горький стон вырвался из ее уст, и она резко села, спрятав мокрое лицо в ладонях. Молодая рабыня испуганно наблюдала за ней,

⁵ Букв.: меднобородый (лат.).

⁶ 498 г. до н. э.

⁷ См.: Светоний. «Жизнь двенадцати цезарей». Нерон.

сжавшись в комок в углу. Все было приготовлено к пробуждению госпожи: и чан с теплой водой, и голубая туника, и маска из теста на ослином молоке, а новые прекрасные украшения искусно выложены на столике перед ярко блестящим зеркалом.

Рабыня знала, что расстроило госпожу. Три дня назад ее мужа обвинили в разврате и прелюбодеянии с собственной сестрой и бросили в Туллиеву тюрьму. Но она не понимала, почему Агриппинилла так сильно убивается, если за день до этого он сильно избил ее и едва не утопил, сбросив в круглый имплювий посреди атриума на глазах у домашних рабов. Мокрая испуганная Агриппинилла, жадно хватая воздух разбитым в кровь ртом, едва выбралась из воды. Неужели она забыла об этом страшном оскорблении? Или боль от побоев уже поутихла? Ведь из-за жестокого неистового нрава Агенобарба она год назад уже выкинула недоношенного ребенка, и похоже на то, что никогда не сможет стать матерью.

Дурной сон отступил, слезы высохли, Агриппинилла медленно поднялась и приблизилась к зеркалу. Рабыня уловила небрежный жест и быстро подскочила. Госпожа села в удобную катедру с мягким сиденьем и указала на расческу с черепаховым гребнем. Испуганная ее молчалим, служанка стала бережно распутывать прядку около виска. Но дрожь в руках подвела ее, Агриппинилла резко вскрикнула и, схватив тонкую булавку, вонзила девушке в грудь.

Рабыня зашлась в вопле, отскочив назад, чтобы госпожа не смогла до нее дотянуться. Агриппинилла тронула припухшие веки и недовольно скривила губы:

– Иди сюда, глупая гусыня! Не смей уклоняться, когда госпожа наказывает тебя за неловкость! Накладывай маску, сегодня я собираюсь на прогулку.

Сдерживая слезы, рабыня усадила госпожу в теплый чан и принялась накладывать маску, похожую на густое тесто. Настроение Агриппиниллы улучшилось, плохой сон улетучился из хорошенькой головки, она без конца вертелась, разбрызгивая ароматную воду с лепестками цветов на пол. Но неожиданно тень набежала на ее лицо, и она с размаху впиалась изящными розовыми ноготками в руку служанки.

– Ты очень неловкая сегодня, Кардикса! Я велю наказать тебя плетью!

– Но, госпожа, пощади. Я не сделала ничего дурного, – взмолилась рабыня.

– Есть для меня какие-нибудь послания?

– Госпожа Энния и Ливилла прислали с час назад записки, но я не решилась тебя будить.

– Еще бы им сегодня не встать так рано. Вчерашние события потрясли всех. Вели управляющему приготовить мне ложе в триклинии, я умираю с голоду.

Агриппинилла впадала в ярость, стоило ей вспомнить вчерашний обед у брата в честь его помолвки. Подумать только, провинциалка ее оскорбила! А Гай и Ливилла даже не заступились! Кожа у нее смугла! Агриппинилла вытянула изящную ручку. Матовая белизна была совершенна, и прозрачный муслин вовсе ни при чем. Наглая выскочка! Откуда она взялась в Риме? Когда они успели встретиться с Гаем, чтобы эта Юния смогла так ловко его окрутить? Агриппинилла ломала голову, но не находила ответа на эти вопросы. Все сплетни по поводу того, что они якобы были знакомы еще в Антиохии, не внушали ей доверия.

Мысли ее вернулись к мужу, и раздражение только усилилось. Был бы более осторожен, не попал бы в тюрьму! Хотя Агриппинилла догадывалась, что за обвинениями стоял Макрон, супруг ее лучшей подруги. Агенобарб слишком глуп и самонадеян и из-за нелепой ссоры приобрел врага в лице всемогущего префекта претория. Наследственная необузданность привела к плохому концу. В прошлом месяце их носилки столкнулись на многолюдной улице, столкновения можно было избежать, разогнав народ, но пока преторианцы из свиты Макрона расчищали дорогу, Агенобарб, спешащий в бани, где ожидала его красавица-гетера, громко кричал, что не позволит сыну раба стоять на пути у бывшего консула. Макрон услышал эти оскорбительные слова, сказанные к тому же нарочито громко, но даже не выглянул из-за занавесей, предпочтя не затевать открытую ссору на потеху плебеям. И удар в спину не заставил долго себя ждать.

Агриппинилла завтракала в одиночестве, обдумывая, что ей теперь предпринять. Она не замечала вкуса пищи, бездумно отправляя в рот лакомые кусочки. Ручной лев ткнулся холодным носом в ее ладонь. Огромный зверь шумно ворчал и терся о ее ложе, словно кот. Она кинула ему кусок мяса. Он в одно мгновение разорвал его острыми клыками сквозь намордник и довольно заурчал.

– Посади его на цепь, Ант, – крикнула Агриппинилла высокому рабу-нумидийцу, – иначе этот зверь когда-нибудь всех сожрет. Глупая прихоть Агенобарба может стать роковой. И никогда не выпускай его впредь из клетки, пока не вернется господин.

«Если вернется», – угрюмо подумала она. Темнокожий раб ловко обвил шипастый ошейник вокруг косматой шеи льва:

– Пойдем, пойдем! Госпожа велела увести тебя!

Лев упрямылся, но Ант упорно тянул цепь, зубья ошейника впивались в толстую кожу, причиняя зверю тупую боль, и он поддался человеку.

Закусив нижнюю губу, Агриппинилла с воодушевлением наблюдала, как горой вздымаются мышцы обнаженного торса Анта.

– Вернешься, когда отведешь зверя! – приказала она.

Нумидиец приблизился к госпоже. Капли пота блестели на его широкой груди: упрямый лев заставил повозиться, не желая идти в клетку. Резкий запах мужчины взволновал Агриппиниллу.

– Ближе! – командовала она. – Еще ближе!

В недоумении он встал, возвышаясь горой перед полулежащей хрупкой девушкой. Нежной рукой она приподняла его набедренную повязку, и глаза ее округлились от удивления.

– Быстро ко мне в кубикулу, животное! – проговорила она хриплым шепотом.

Кардикса, привлеченная необычным для утра шумом, бесстыдно подсматривала из-за занавесей. Тела на широком ложе ритмично двигались в танце любви, совершенство сочетания черного и белого притягивало взор молодой рабыни, а чужая страсть заставляла и ее тихо вторить громким стонам госпожи. Кардикса выскользнула из своего укрытия только тогда, когда белое без сил разметалось на черном.

Чуть позже она услышала крик госпожи. При входе в кубикулу она столкнулась с управляющим, которого сопровождало пятеро рослых рабов, что носили воду и выполняли тяжелую работу по хозяйству.

Госпожа, одетая, восседала в катедре, а Ант на коленях бился лбом об пол перед ней.

– Отрезать ему язык! – кратко повелела Агриппинилла, метнула зеленую молнию из-под ресниц на Анта и прикрыла глаза, чтобы никто не заметил блеска похоти. – Теперь он будет работать в доме! – заметив Кардиксу, она продолжила: – А ты, гусыня, одевай меня, я собираюсь в гости к госпоже Эннии Невии. Пусть подадут мои носилки!

Дворец Макрона на Целийском холме, окруженный садами и богатыми домами знати, был гостеприимно открыт для всех в утренние часы. Клиенты, блистая белизной тог, толпились в осциуме. С важным видом они перешептывались о делах сената, обсуждали происшествия в провинциях, волнения на границах, не упускали ни одну новость, которая обрастала подробностями в их речах, росла, будто снежный ком, и разносилась по Риму. Рабы уже начали распределять дарственные корзинки с провизией, тем самым давая понять, что префект претория более никого уже не примет, однако расходиться никто не спешил. Еще достаточно времени, чтобы успеть потолкаться в осциуме другого влиятельного дома и посетить форум, услышать свежие вести и встретить знакомых.

Агриппиниллу приняли и с почетом проводили к госпоже. Энния радостно встретила гостью, но, заметив, как она хмурится в ответ на приветствие, сказала:

– Подруга моя, я понимаю, в чем причина твоей тоски. Поверь мне – я попытаюсь помочь.

– Ах, Энния! Мне ли не знать, что уже год, как ты живешь под страхом развода из-за давней измены. Как я могу настаивать на том, что может чем-то повредить тебе? Домиций сам виноват, что твой муж затаил на него зло.

Энния хитро прищурилась и с улыбкой обняла подругу:

– Хочешь, кое в чем тебе признаюсь? Сегодня Макрон впервые захотел меня, и все случилось в таблиннии. Представляешь? Я так счастлива!

– А ты уверена, что с его стороны это не просто вспышка похоти? Любая рабыня могла бы в тот момент заменить тебя на столе таблинния, – с едва заметной издевкой возразила ей Агриппинилла.

Энния сдвинула брови и нервно отбросила волосы назад.

– Нет, – сказала она. – Он уверил меня, что все будет по-старому. Я поклялась Юноной, что буду верной женой.

Агриппинилла пожала ей руку и промолчала.

– Я знаю, ты была вчера у брата. Видела его невесту?

Агриппинилла скрипнула в гневе зубами, и Энния увидела, как огонь ярости разрастается в ее глазах.

– Эта выскочка оскорбила меня! При всех опозорила, заявив во всеуслышанье, что ее кожа белее. Еще сказала, что придет надежное отбеливающее средство. Невеста Калигулы! – фыркнула она. – Провинциалка, хранившая свою не нужную никому девственность. Видно, на нее никто и не посягал все эти годы.

– Потихе, потихе, подруга. Вероятно, ты попыталась первой уколоть ее, но неудачно. И слава самого ядовитого язычка Рима поколебалась!

В ответ на это Агриппинилла еще громче заскрежетала зубами, глаза ее метали молнии поярче Юпитеровых, и Энния поняла, что не ошиблась. Невия не решилась задать вопрос, мучивший ее с тех пор, как она услышала от мужа о Юнии. Так ли она красива? То, что умна и уверена в себе, ей было понятно.

– Ливилла утром прислала мне записку, что она и Клавдилла отправляются на прогулку в Саллюстиевы сады. По ее словам, она хочет показать невесте брата прелести Рима. Я собираюсь туда, поедем вместе?

Энния кивнула, охваченная трепетом при мысли, что увидит соперницу, и велела рабыням приготовить ее к выезду. Целый час показала клепсидра в атриуме, прежде чем был выбран достойный наряд для Невии, подходящий для того, чтобы затмить александрийку.

Сады пестрели различной публикой. Знакомые указали им, где Ливилла, и они вовремя подоспели к катанию на лодках.

Эннию неприятно кольнула мысль, что она недооценила свою соперницу. Она и подумать не могла, что существует такая совершенная женская красота. Супруга префекта ревниво высматривала недостатки, но, к своему ужасу, не находила их. Все в Риме считали ее одной из первейших красавиц, но александрийская девушка превзошла ее, Энния не могла это с горечью не признать.

Волосы Юнии были намного гуще, все в изящных завитках. Энния тратила на завивку волос долгие часы и все равно с трудом добивалась подобного эффекта. Миндалевидные черные глаза притягивали взор влажным блеском из-под длинных загнутых ресниц, вечная таинственная усмешка красиво изогнутого рта заставляла робеть.

Энния не удержалась, чтоб не уязвить Агриппиниллу своим замечанием, что меньше всего Юния похожа на провинциалку, на девственность которой никто не посягал. Та померщилась:

– Да уж, поклонников уже хоть отбавляй. Даже курица Ливилла померкла рядом с ней. Все знатные юноши собрались вокруг них, могу поспорить, только гусь Виниций не клонул

на Юнию – вон он, глаз не сводит с собственной жены. Глупый дурак! Ливилла после свадьбы уже успела не раз изменить ему, сама признавалась.

– Агриппинилла, хватит изливать желчь. Наслаждайся солнцем и красотой природы! Ты зла, что тоже в сиреновом, как и Юния. Пойдем, представишь меня. А то все уплывут без нас, и мы пропустим веселье.

Молодые женщины подошли к лодкам. Ливилла искренне обрадовалась сестре, та по-прежнему хмурилась, но весьма любезно ответила Юнии на приветствие, проигнорировав остальные. Энния казалась очень милой и добродушной, присела рядом с Юнией, и они принялись болтать о разных женских пустяках. Невия пустила в ход все свои чары, пытаясь обольстить соперницу, расхваливала ее красоту, получая в ответ те же лстивые слова. Но Энния не заметила того, что и Клавдилла в первое мгновение встречи поразились, как красива оказалась ее соперница. Кольца черных волос, затейливо уложенные и стянутые сзади в продолговатый греческий узел, глаза с глубокой синевой, гордо смотрящие из-под сросшихся бровей. Однако Юния успокоилась, уловив смятение в ее взоре и поняв, насколько Эннию изумила ее совершенная красота и присутствие стольких изысканных патрициев вокруг. Со стороны казалось, что девушки без ума друг от друга, но лишь они обе отдавали себе отчет, что это затишье перед бурей.

Ручные лебеди, не боясь шумной компании, смело подплывали к лодкам, выпрашивая крошки. Девушки гладили их тонкие шейки, шумно восторгались. Молодые патриции, в особенности Ганимед Лепид, без устали упражнялись в остроумии, веселя всех.

Они заплыли туда, где фруктовые деревья свесили ветви, полные ароматных цветов, прямо к воде, и беззастенчиво рвали лепестки, усыпая ими гладь озера. Неожиданно послышалось громкое пение, причем не слишком умелого певца, и показалась лодка, на носу которой стоял Гай Калигула и исполнял любовную греческую песнь, превознося красу своей ненаглядной Юнии. Его золоченый панцирь сверкал, как тысячи солнц. Клавдилла, ослепительная в своей красоте, поднялась навстречу и неожиданно для всех запела в ответ звучным голосом стихи лесбийки Сапфо. Все заслушались, прервав разговоры. Под гул одобрения влюбленные поцеловались.

Червь зависти безжалостно грыз сердце Эннии. Она насильственно улыбалась, но Агриппинилла подметила, как глубоко та страдает. Она не догадывалась ранее о тайной любви подруги к наследнику императора, но сейчас поняла все.

Гай Цезарь настоял, чтобы Юния пересела в его лодку и попрощалась с новыми знакомыми.

– Гай, ты лишаешь нас солнца, – в шутку возмутился Ганимед.

Остальные его поддержали, расточая похвалы Юнии.

– С вами остаются мои прелестные сестры и несравненная Энния Невия, – возразил Калигула, прижимая к себе невесту. – Желаю всем прекрасно провести время.

Юния дружески со всеми распростилась, пообещав Эннии напоследок отобедать у них вечером. Калигула тоже принял приглашение.

– Я не дождусь дня нашей свадьбы, – сказала Юния, едва они отплыли. – Надоело, что мы тайком проводим ночи вместе, рискуя быть застигнутыми. Отец гневается на меня за то, что я выезжаю одна без мачехи, вижусь с тобой наедине. К счастью, он собирается после свадьбы вернуться в Александрию.

Гай поцеловал ее:

– Осталось немного. Я готовлю такое грандиозное торжество, что весь Рим будет потрясен. Не расстраивайся только, моя Юния, но сегодня вечером я отбываю на Капри к императору. Мне надо решить с ним кое-какие вопросы. Сразу после обеда у Макрона – заметь, я принял его приглашение только из-за тебя, – меня будут ждать преторианцы, которые мне выделены для сопровождения. Я вернусь через несколько дней.

Непрошенная слезинка заблестела в густых ресницах. Юния тайком смахнула ее.

– Несколько дней, я надеюсь, пролетят незаметно, – сказала она, а в прелестной головке уже зародился дерзкий план.

Они еще долго гуляли под сенью деревьев, взявшись за руки и не обращая внимания на любопытные взгляды со всех сторон.

Энния смотрела вслед уплывающей лодке и хмурилась, брови ее слились в одну тонкую черту, выражая недовольство. Калигула даже не посмотрел в ее сторону, очарованный своей невестой. Агриппинилла тронула ее за плечо.

– На тебя обращают внимание, подруга, прекрати выставять напоказ свои страдания, – шепнула она.

Энния вздрогнула, с усилием раздвинула в улыбке тонкие губы и повернулась к знакомым:

– Пение александрийки растрогало меня. В Риме я не слышала ничего подобного.

Лодка причалила к берегу. Молодые женщины легко спрыгнули на зеленую траву, Ливилла с Виницием распрощались со всеми, с ними уехал и Ганимед. Энния и Агриппинилла остались одни среди раскидистых зеленых деревьев.

Невия увлекла подругу в глубь сада, усадила рядом на мраморную скамью и наконец-то дала волю слезам.

– И давно ты влюблена в моего брата?

Энния всхлипнула в ответ.

– Как ты могла увлечься им? Знаешь ведь прекрасно – его любовные связи недолговечны и несерьезны. Мне жаль тебя от души, подружка.

– Мы не были близки, не были, несмотря на мою настойчивость. Я тайком бегала к нему во дворец, как влюбленная кошка, но он остался глух к моим мольбам. Я не понимала долго, что останавливает его, он ссылался на дружбу с Макроном, даже обещал жениться, когда станет цезарем, а сам...

Крупные слезы катились по ее нежным щекам и капали на драгоценный наряд. Агриппинилла рукавом столы принялась осторожно вытирать их.

– Потихе, потихе, – зло шептала она. – Успокойся же, приди в себя. На нас обращают внимание гуляющие. Не стоит давать пищу слухам. Я, как видишь, спокойна, хотя мой муж в тюрьме. Лучше вернемся к тебе.

XIX

Роскошные сады виллы «Юпитер» благоухали, источая дивный аромат цветущего персика. Золоченая крыша сверкала, переливаясь на солнце, заставляя жмуриться рабов, работающих в саду. Рисовальщики тщательно расписывали стены розового парфянского мрамора золотой краской, Сегест наблюдал за их работой. Нестерпимо палило полуденное солнце, и управляющий беспрестанно обмахивался широким веером, подгоняя рабочих.

Сам Тиберий в полумраке перистилия, завешенного пологом цвета апельсина, наслаждался покоем. Молоденький кареглазый Вителлий нежным голоском мурлыкал любовную песенку, аккомпанируя себе на лютне. Цезарь выделял его из своих любимых мальчишек, предпочитая проводить с ним жаркие каприйские ночи. Улыбка тронула его тонкие губы, едва он вспомнил смятение на лице его отца, сенатора, которому было объявлено, что малыш Вителлий отправится с цезарем на Капри.

Тиберий ласково поманил к себе музыканта и, усадив на колени, принялся бурно ласкать. В этот момент появились спинтрии, тонкие бледные существа, распевające похабную песенку, и закружились в танце вокруг Тиберия, размахивая лапами разноцветных полупрозрачных туник. Кто-то подхватил упавшую лютню и принялся брэнчать. Старик хлопал в ладоши, время от времени целуя сладкие губки Вителлия. Когда вошел Сегест, мальчики тесным кружком уселись около своего покровителя.

– Цезарь. – Рука управляющего взлетела в приветственном жесте. – Приехал Гай Цезарь. Он просит о встрече.

– Пусть войдет! А вы, милые малютки, ступайте поспать, сегодня мы славно повеселимся ночью. Вы нужны мне свеженькие и отдохнувшие.

Щебеча, спинтрии проскользнули в ойкос, отделенный от атриума тяжелым занавесом.

Калигула в одежде преторианца вступил в зал:

– Приветствую тебя, мой отец!

Он почтительно приблизился, пал ниц, поцеловал огромную сморщенную лапу Тиберия, на миг задержав взгляд на перстне с печатью. Тиберий этого не заметил.

– Каковы вести из Рима? Макрон передал с тобой бумаги?

– Да, мой цезарь, все документы и отчеты при мне, – Калигула говорил все это, не поднимаясь с мраморных плит пола.

Тиберий наконец соизволил разрешить ему подняться. Гай Цезарь устроился у его ног на маленькой скамейке, где только что сидели спинтрии, и подал цезарю свитки.

– Так, это доносы, казни, – бормотал старик, разворачивая каждый, – разводы, браки, а вот и то, что нужно. Ты просматривал мою почту?

Неожиданный вопрос застал Гая врасплох.

– Нет, мой отец. – Он попытался вновь поцеловать руку Тиберия, но тот брезгливо ее отдернул.

– В этом свитке расчеты, присланные из императорской казны. Что за свадебные торжества ты готовишь, наследничек? А вот, – Тиберий развернул еще один пергамент, – список твоих долгов. Ты сошел с ума? Какое право имел ты, жалкий щенок, выкупать у казны дом моей матери, заняв денег у Агриппы? Я уничтожу тебя, глупый выродок!

Калигула рухнул как подкошенный к ногам цезаря и принялся покрывать поцелуями край пурпурного плаща, стараясь не замечать дурного запаха от сандалий Тиберия.

– Прости меня, отец! Я ничтожество, у меня нет имущества после смерти родных, я долго жил у бабки, пока ты своей милостью не дал приют в роскошном дворце. Я ценю, отец, твою доброту. Но я не мог поступить иначе, даже зная, что навлеку на себя твой справедливый гнев.

Тиберий удивленно посмотрел на Калигулу, униженно ползающего у подножия солиума.

– Мудрый Гораций советовал ничему не удивляться на этом свете, но я, признаться, поражен. Что за червь безумия гложет твой мозг, Гай?

– Я люблю свою невесту. С таким трудом добившись твоего разрешения на ее возвращение, отец, я не мог признаться ей, что нищ. И ради нее я совершил столько глупостей. Но прошу тебя, не гневайся более.

Старый цезарь поклялся бы в этот миг, что бездушный Калигула плачет. Или это луч солнца бросил торопливый отблеск? Тиберий позабавило отчаяние Гая. Что же это за девушка, ради которой он совершил уже столько безумств?

– Она худа или пышна формами? Какие волосы, какие глаза? Спокойный ли нрав? – принялся он засыпать Калигулу вопросами.

Тот озадаченно молчал, лихорадочно соображая, что кроется за этими расспросами. И наконец решил рискнуть, уверенный в своей счастливой звезде:

– Она прибыла на Капри вместе со мной, мечтая засвидетельствовать свое почтение всемогущему цезарю.

– Марк Юний Силан тоже с вами?

– Нет, мой цезарь, смелый нрав Юнии подсказал ей это решение.

Калигула уже пожалел о сказанном. Неизвестно, как Тиберий мог отнестись к нарушению обычаев. Но тот лишь горько усмехнулся:

– Вижу, она не доверяет тебе, зная твою порочность. Пусть войдет.

Калигула стремительно выбежал из залы и вскоре появился, ведя за руку девушку, одетую в тунику и кирасу преторианца. Роскошные белокурые волосы ниспадали ниже пояса. В руках она держала шлем с черными и красными перьями.

– Приветствую тебя, цезарь, – нежным голосом произнесла она, почтительно склонившись перед Тиберием и целуя его огромную руку.

Тиберий внимательно посмотрел на нее, пораженный необычной красотой девушки. Что-то кольнуло в замерзшее сердце, и будто помутилось в глазах. Випсания стояла пред ним! Он мотнул головой, отгоняя непрошеное видение. И неожиданно для себя тепло улыбнулся.

– Да, очень красива, – не отвечая на приветствие, сказал он. – Но что за блажь, Юния Клавдилла, пришла тебе в голову так грубо нарушить традиции?

– О мой цезарь, стремление увидеть божественный ореол твоего могущества и мудрости толкнуло меня на этот дерзкий поступок. И, – добавила она, скромно опустив длинные ресницы, – я так надеялась упротребить тебя почтить присутствием нашу свадьбу.

– Встань и подойди ближе, я хочу поговорить с тобой наедине.

Тиберий выразительно глянул на Калигулу, и тот вышел, холодея от ужаса. А Юния тем временем смело уселась на его место.

– Ты неожиданно напомнила мне дорогого сердцу человека, с которым меня разлучили много лет назад. Тебе, верно, известна история моей первой жены? Не говори ничего, по глазам вижу, что все знаешь. Я не приеду на твою свадьбу, не хочу возвращаться в Рим, кишачий заговорщиками и предателями. Я и люблю, и ненавижу Вечный город. Калигула говорил, что ты родилась и выросла в Александрии. Лучше б для тебя было там остаться. Александрия – чудный город, неужели ты не смогла найти себе достойного мужа там? С Калигулой ты не будешь счастлива, он отпетый негодяй и разбойник, на уме у него одни подлости. Он пресмыкается, разыгрывая любящего сына, но охотнее вонзил бы мне в горло кинжал. Ничего, я надеюсь прожить еще не один год, дожждаться, когда мой внук Тиберий Гемелл наденет тогу совершеннолетнего, и тогда-то...

Старик замолчал, не закончив фразы. Но Юния, как губка впитавшая все, поняла ее окончание. Ее озарила догадка, что Тиберий в слепой ненависти к потомку Германика недоволен тем, что тому достанется в жены такая красавица. А может, видя безумную любовь Калигулы, просто хочет его унижить, заставив Юнию отказаться от брака и разорвать помолвку? И

Клавдилла поняла, что нельзя ей сейчас признаваться старику в своих истинных чувствах к Гаю. Пусть считает, что стать женой Калигулы ее призывает долг.

– Мой цезарь, я ценю и уважаю твое мнение, но пути назад уже нет. Гай Цезарь сделал так много для моей семьи, напомнив тебе о нашем существовании, мы всем обязаны ему. По приезде он связал меня страшной клятвой, я не в силах нарушить ее. Моя семья окажется на улице и умрет с голоду. Деньги потрачены, у нас даже нет средств вернуться в Египет. Да и я уже успела полюбить Рим. Красота Вечного города несравнима ни с чем.

– Всегда есть путь назад. – Тиберий вздохнул. – Ладно, иди, Юния Клавдилла, и поступай как знаешь. Ты понравилась мне, напомнив на миг дорогую Випсанию, но душа у тебя другая. Я дам тебе время поразмыслить, стоит ли связывать свою судьбу с Калигулой. Может, ты еще одумаешься и решишь для себя, что ты ни в чем от него не зависишь. Вот мой подарок, вспоминай иногда старика, потерявшего в жизни самое драгоценное – любимую женщину.

Император протянул девушке роскошный смарагд, сняв его с узловатого пальца.

– Я все отмеренное мне богами время сохраняю о тебе, цезарь, добрую память и завещаю своим потомкам чтить тебя как бога.

Юния еще раз поклонилась Тиберию и выскользнула из перистилия.

Они с Калигулой долго ожидали дальнейших указаний, прогуливаясь мимо клетки с огромным пятнистым змеем, установленной в цветущем виридарии. Гай Цезарь хриплым шепотом рассказывал диковинные вымыслы, что ходили в Риме о жутком любимце Тиберия. Но видно было, что дрожь страха сотрясает его, ибо настроение цезаря могло непредсказуемо измениться, и Юнии грозило наказание. Но Сегест вынес им несколько свитков с массивными печатями, и они благополучно отбыли. С высоты террасы Тиберий наблюдал, как Гай помог своей невесте взойти на колесницу и они со свитой преторианцев не спеша двинулись к маленькой гавани. Они возвращались в Рим!

Император вздохнул, и неожиданно слепая ненависть к Калигуле переполнила его душу, затопив разум. Это чувство было настолько сильно, что слезы ярости брызнули из глаз, заслонив отъезжающих. Выродок проклятого Германика и не подозревает о том, что везет с собой в Рим. Письма несли несметные богатства для новоиспеченного сенатора Марка Юния Силана. Решит ли он тогда связывать судьбу единственной дочери с нищим отпрыском ненавистного рода?

Идея, пока не окрепшая, зародилась в недрах мощного разума Тиберия, и он приказал позвать к нему секретаря.

– Хочу написать еще одно завещание, – произнес император. – Пиши, что наследником моим должен стать мой внук Тиберий Гемелл, едва наденет тогу совершеннолетнего. Как только этот документ будет готов, я лично запечатаю его, он должен быть спрятан в надежном месте. Никто не должен знать о нем до поры до времени, пусть в Риме по-прежнему считают, что Калигула станет моим преемником. Кстати, отошли Фрассилу приглашение на обед. С тех пор как Нерва покинул меня, я нуждаюсь в обществе этого обманщика все сильнее.

Выполнив указания повелителя, раб неслышно удалился, едва старик задремал на широком ложе. Миловидные рабыни тихо проскользнули в полутемный зал, чтобы окурить его благовониями.

XX

Гай Цезарь был приятно поражен, когда Юния открылась ему – сразу, едва они вступили на борт галеры, отплывающей на Капри. Она зашла в его каюту и с невинной улыбкой стянула шлем с белокурой головы.

– Любовь моя, ты сошла с ума! – воскликнул потрясенный Калигула.

– Не хотелось разлучаться с тобой, ты уж не гневайся!

– Как я могу? Я рад без памяти, что моя счастливая звезда со мной. Но как к этому отнесется твой отец? Ты же еще не моя законная жена. – Гай страстно обнял ее и принялся покрывать поцелуями.

– Я сочинила легенду, что отправляюсь осмотреть загородный домик на Аппиевой дороге, который ты подарил мне, выкупив у Лициния. Твоя сестра Ливилла любезно согласилась приютить моих рабов, что сопровождают меня в поездке. Мы же с ней теперь подруги. Недоброе предчувствие не покидало меня с тех пор, как ты сказал, что едешь к цезарю. Что за спешка?

– Макрон передал со мной важные бумаги, к тому же Тиберий должен дать свое согласие на проведение тех торжеств, что я запланировал на время нашей свадьбы. И... мне нужно его разрешение на заем из императорской казны. Но я счастлив, что ты со мной. Теперь я уверен, что все получится.

Плавание завершилось быстро, дул попутный ветер, наполняя белый парус. В небольшой гавани их встретили и препроводили на виллу «Юпитер», одну из двенадцати, где в это время изволил пребывать цезарь. Остров поразил Юнию красотой, обилием тенистых рощ, чудных статуй, увитых цветами гротов и роскошных вилл, выстроенных из разноцветного мрамора. Она щебетала как птичка, срывая роскошные цветы и осыпая ненаглядного Гаю. Преторианцы с усмешкой глядели на чудного юношу, подозревая в нем противоестественную склонность к Гаю Цезарю, удивляясь, что тот, ненавидящий мужеложцев, терпеливо все сносит.

Но, увидев, как они вышли из дворца после аудиенции у цезаря, legionеры удивились превращению юноши в прелестную девушку. Юния уже ни от кого не таилась, сняв шлем.

Она пересказала Гаю разговор с Тиберием, сделав упор на обеспокоенности императора тем, что Гемелл, его внук, наденет тогу совершеннолетия только через несколько лет. Это заставило Калигулу призадуматься.

– Старик совсем выжил из ума. Ливия предупреждала, что он может поделить меж нами власть, но при этом была уверена, что Гемелл долго не проживет.

– Еще бы, – фыркнула Юния, – есть много смертельных болезней на свете, наверняка одна из них и сведет его в могилу.

Гай благодарно глянул на нее и тоже рассмеялся. Его вторая половинка безошибочно угадала приговор внуку Тиберия.

– Этот волчонок уже проявляет подлый нрав, подслушивая и вынюхивая везде. Ни я, ни Макрон никогда не говорим при нем после истории с Иродом Агриппой.

– Я не слышала об Ироде Агриппе, поясни для девочки-провинциалки.

– Внук Ирода Великого, царя Иудеи. С ранних лет он воспитывался в Риме при дворе Августа. Он был лучшим другом моего отца. Недавно негодяй кучер обвинил его в оскорблении величия и государственной измене, донеся Тиберию, что слышал изменнические слова, когда я и он совершали поездку в Капую к Друзилле. Слова эти действительно были несколько опрометчивыми, но он рассчитывал, что, кроме меня, их некому понять. Однако кучер донес, и Тиберий велел Гемеллу вести за ним слежку, Ирод в то время был назначен его наставником. Во время последнего путешествия на Капри маленький Тиберий сообщил цезарю, что Ирод надеется на его скорую смерть из-за долгов, которые не может погасить. Обвинение, шитое

белыми нитками, предъявили моему другу немедленно, сам Тиберий отдал Макрону приказ увести Агриппу в тюрьму, где он находится и поныне.

– Собаке – собачья смерть, – задумчиво проговорила Юния. – Я думаю, Тиберий Гемелл заслужил именно такую. Он виноват уже просто в том, что родился на свет.

Калигула рассмеялся.

Попутный ветер быстро пригнал кораблик обратно в Остию, и через несколько часов быстрой скачки показались Раудускуланские ворота. Юния надела шлем, спрятав волосы, и они с Гаем разъехались, договорившись встретиться на обеде в доме Ливии.

Калигула же распустил преторианцев и направился к Макрону.

Невий отдыхал в своих покоях с чашей вина, но сразу же принял Гая Цезаря.

– Вот, Невий, послания для тебя с Капри.

Макрон поморщился.

– Наш Тиберий, как всегда, прямолинеен по поводу твоих долгов, – сказал он, пробежав глазами свитки. – Но разрешение на выделение средств ты получил. К тому же он назначил меня быть посаженным отцом на церемонии твоего бракосочетания.

– Почту за честь, мой друг.

– Он пишет, что твой тесть должен быть введен в списки сената, большая милость. Он сказал тебе, что пожаловал ему во владение земли в Испании, а также право воспользоваться долгосрочной арендой медных и железных рудников под ничтожный процент? К этому он приложил дарственную на некоторую недвижимость на Велийском холме и на Субуре. Твой тесть стал богачом. Ума не приложу, что за муха расточительности укусила нашего скупца? – Удивлению Макрона не было предела.

– Это была не муха, а моя Юния, – сказал Гай Цезарь, тоже порядком озадаченный.

– Что я слышу? Неужели она сопровождала тебя на Капри?

– Да, она тайком пробралась на корабль, надев доспехи преторианца. Ты еще плохо знаком с ней, а то бы не удивлялся. И я представил ее цезарю. Она неожиданно напомнила ему Випсанию, к которой он питает слабость до сих пор, и Юния увезла из его дворца императорский перстень с огромным изумрудом, лично пожалованный с властительной руки.

– У твоей невесты много талантов, – заметил Макрон. – Она умеет покорять людей. Достаточно одного взгляда на ее божественную красоту, чтоб сердце никогда не знало покоя. Но расшевелить душу грозного старика... Я преклоняю перед ней колени.

Незаметно для себя Невий разоткровенничался, отпив неразбавленного вина из хрустальной чаши. Видимо, эти мысли, как отметил про себя Калигула, столь давно занимали его, что он даже не потрудился предложить гостю выпить. И Гай Цезарь, боясь пошевелиться, чтоб не спугнуть обычно осторожного Макрона, услышал историю о том, как тот в лупанаре Лары Варус нечаянно откинул занавесь кубикuly и наблюдал, как танцует сама Венера, богиня любви. Но неожиданно чело Макрона потемнело, и он испуганно замолчал, наконец осознав, что сболтнул лишнее. Лицо Калигулы осталось непроницаемо под его испытующим взглядом, Гай сделал вид, что не обратил на пьяные бредни внимания, и поинтересовался новостями.

– Лелий Бальб добивается осуждения Акунции, – ответил Невий, – колесо судебного разбирательства закрутилось. Этот жалкий доносчик из кожи лезет вон, придумывая все новые обвинения. Никто не надеется на спасение этой женщины, в сенате перешептываются, что кто-то поощряет Бальба. – Макрон, естественно, умолчал о своей причастности к этому делу и перевел разговор на другое: – Уже вечер, пора обедать, ты, надеюсь, примешь наше с Эннией приглашение?

– Смотрю, ты вновь воссоединился с женой, – заметил Калигула. – Забыл прошлое.

– К чему вспоминать старые дразги? Она доказала мне свою верность и любовь...

Макрон махнул рукой, не желая продолжать разговор. Калигула мысленно ухмыльнулся, вспомнив страстные взгляды Эннии, ее визиты, подарки и прочие знаки внимания. Видимо,

Невий не знает о ее чувствах к Гаю. Недаром же эта змея подружилась с Юнией, ей невдомек, что александрийская девчонка не настолько проста и глупа, как она с истинно римским высокомерием считает. Калигула догадался, что примирение с женой для Макрона – средство отвлечь от себя подозрения в склонности к Юнии.

– Я обедаю сегодня у Силана, – сказал Гай как ни в чем не бывало, – Юния будет ждать меня, к тому же ее отца надо поздравить с внезапным возвышением. Этот старый гордец, думаю, недоволен нашим браком.

Макрон искренне изумился.

– У него единственная дочка, мою репутацию знаешь сам, к тому же он считает, что стыдно жить за мой счет и счет дочери, которой я подарил дом, рабов, одежду, украшения. Доходов с александрийских имений не хватает на роскошную римскую жизнь, но теперь он наконец-то удовлетворит свое тщеславие, заняв место в сенате. Я думаю, если ты возьмешь с собой свою очаровательную жену, мы сможем вместе отобедать у Силана, затем вернуться ко мне и отлично повеселиться. Мнестер и Аппелес позабавят нас какой-нибудь пантомимой, к тому же я отправлю приглашения на позднюю пирушку сестрам, их мужьям, Лицинию, Ганимеду...

– Не уверен, что Юнии разрешат выйти из дома, – сказал Невий.

– Можно подумать, она кого-то станет спрашивать.

Они расстались весьма довольные собой. Гай Цезарь отправился отсыпаться в свои покои, чтобы затем встретиться с главным фламинем и передать ему повеления Тиберия относительно свадебных торжеств. Казна была в его распоряжении! Юнии удалось растопить лед в сердце старого цезаря. Видимо, сама богиня Венера толкнула ее на опасную затею с переодеванием, завершившуюся так успешно.

Около ярко освещенного дома Силана одни роскошные носилки едва успевали сменять другие, патрицианская знать прибывала поздравить забытого было Юния, ставшего благодаря прекрасной дочери сенатором и богачом. Все спешили к новому фавориту Тиберия. Гай Цезарь прискакал один, в привычной красной тунике офицера и в золоченом панцире. Сам управляющий подбежал и почтительно придержал стремя. Атриум был полон, ослепительный блеск драгоценностей заставлял щуриться, от непрерывного гула голосов звенело в ушах. Не слишком-то обращая внимание на подобострастные поклоны, Калигула высматривал Юнию. А вот и она! Беседует с его сестрами и Эннией Невией. Калигула прижался к одной из колонн, наблюдая за возлюбленной. Как она божественно прекрасна! Загадочная усмешка не сходит с губ, она полна томной грации, движения неторопливо-изящны. Завороженный, смотрел Гай, как она отпивает вино из хрустальной чаши, подносит ко рту кусочек персика. Что-то говорит, повернув к Эннии свою головку в непослушных белокурых завитках. Та смеется, выставляя некрасивые зубы! Надо же, забылась! Чем же так рассмешила ее богиня красоты? Учтивый Виниций, пожалуй, единственный, по мнению Рима, не отдавший дань ее красоте, подносит ей букет лилий. Маленькая ручка берет его, и вечная усмешка превращается в благодарную улыбку – на миг. Сердце Гая дрогнуло, ну вот и Марк не устоял. Он заметил, как нахмурила брови Ливилла. Не ускользает, видимо, это и от Юнии: она ловкими пальцами распутывает ленту и одаривает всех подруг белоснежными цветами.

Внезапно Калигула почувствовал смутное беспокойство. Будто бы костлявая длань рока сдвинула грудь и на миг перехватило дыхание. Гай тревожно огляделся вокруг и неожиданно наткнулся взглядом на Макрона. Тот таился за одной из колонн, устремив взгляд на его невесту. Префект смотрел на Юнию безумными глазами, судорожно сжимая и разжимая огромные волосатые кулаки, рот его кривился, меняя выражение лица. В голове Гая всплыли воспоминания о сегодняшнем разговоре с префектом претория. «Добром это не кончится, – подумалось ему, – надо...» Но мысль ускользнула, стоило ему обернуться к невесте. Он вышел из-за

колонны и, расталкивая гостей, приблизился к ней. Вспыхнувшая при его появлении радость в глазах Юнии жаркой волной обдала с ног до головы. Гай не сдержался и под гул одобрения гостей впился поцелуем в ее сладкие губы. Она обвила руками его мощную шею, прижавшись всем телом, и, почувствовав, как затвердела его плоть, потворствуя желанию, незаметно провела рукой по его бедру. Гай мгновенно отстранил девушку, до боли сжав ей кисть. «Дождись ночи, – шепнул он, – и не делай так, пожалуйста, иначе я могу не сдержаться». Она устремила на него взгляд, полный томной неги, но, увидев выражение его глаз, поспешно опустила ресницы, тихо рассмеявшись. Гай погладил ее по щеке.

Агриппинилла язвительно шепнула Ливилле что-то насчет невоздержанности брата, но та лишь досадливо отмахнулась. Юния ей нравилась все больше и больше. Даже Энния оставила свою неприязнь, всем видом выказывая радость от встречи. Ее ревность отчасти улеглась после примирения с Макроном. Если б она догадывалась об истинной цели супруга! Вряд ли бы так беззаботно смеялась, прикрывая неровные зубки. Подплыл хмельной Силан с чашей в руке.

– Приветствую наследника императора! – вскричал он, расплескивая вино.

Гай Цезарь церемонно поклонился, пряча усмешку.

– Приветствую будущего тестя, – ответил он. – Прими мои поздравления, сенатор.

Марк Юний гордо расправил грудь и широким жестом пригласил всех в триклиний на обед.

Пиршество началось. Гости восторженно перешептывались, обсуждая яства на столе. Паллант, управляющий, постарался на славу. Перемена роскошных блюд была настолько частой, что все не уставало удивляться. Перед Калигулой поставили его любимое блюдо из языков фламинго. Силан пил, не переставая, Юния хмурилась, наблюдая, как отец совершает возлияние с каждым из гостей. Ее заинтересовало, почему Кальпурния не присутствует на обеде. Жестом она подозвала Палланта:

– Скажи, где моя мачеха?

– Она в своих покоях, госпожа Юния, жалуется на головную боль.

– Не глупи, раб. Где она?

– Твой отец запретил ей показываться перед патрициями, – зашептал управляющий. – Гордыня уже затуманила его разум, ему стыдно, что она вольноотпущенница. Госпожа Кальпурния плачет уже несколько часов подряд, служанки без конца кладут ей на лоб холод.

Юния довольно заулыбалась и отпустила Палланта. Подхватив чашу, она грациозно поднялась со своего ложа и направилась к отцу.

– Отец мой, – сказала она. – Я хочу совершить с тобой возлияние во славу Венеры, что помогала нам во всех невзгодах. Она также покровительствует Юлиам, роду, чье имя я буду вскоре носить.

Растроганный Силан обнял дочь. Гости зааплодировали.

– Моя Клавдилла, – гордо произнес он. – Я был не прав, когда не хотел возвращаться в Рим. Благодаря тебе, твоей любви и верности мы вновь обрели те привилегии, что причитались нам по праву. А теперь я принял еще одно важное решение.

– Какое, отец? – спросила Юния, отпивая из своей чаши и делая знак виночерпию подлить отцу.

– Поговорим после, дочка. А теперь выпьем во славу богини любви и верности.

Пир продолжался. Уже было далеко за полночь, однако никто и не думал разъезжаться. Грациозные танцовщицы, искусные актеры услаждали взоры гостей. Воздух благоухал восточными ароматами. Несколько пьяных уже спали, уткнувшись в подушки, Агриппинилла, бесстыдно обнажив грудь и поощряемая выкриками Гая Цезаря и Ганимеда Лепида, танцевала под звуки рожков и свирелей, тесно прижавшись к самому молоденькому из танцоров. Силан продолжал пить, изредка уединяясь в вомитории, чтобы извергнуть излишки. Многие следо-

вали его примеру. Ливилла с Эннией, обнявшись, о чем-то перешептывались, Виниций ревниво наблюдал за ними. Ласки матрон казались ему не очень-то невинными. Вино текло рекой.

Калигула увлек Юнию прочь из триклиния. Никто и не обратил внимания на их уход, они бегом добежали до спальни Клавдиллы, где огонь страсти, сжигавший их изнутри, наконец-то вырвался наружу. Гай растерзал их одежды в клочья, овладев Клавдиллой прямо на полу, на тигриной шкуре, затем, раскидав в стороны баночки и флаконы, на зеркальном столике. Юния извивалась как кошка, запустив в спину любовника острые коготки и оставляя кровавые бороздки.

– Вернешься первым, – промурлыкала Юния, едва Калигула, издав победный вопль, замер. – Боюсь, заметят наше отсутствие.

– О боги! Мне все равно. Ты моя жена!

– Еще нет, возлюбленный мой. Возвращайся же!

– В чем?

– Я приобрела несколько туник для тебя, зная, как неаккуратно ты снимаешь одежду.

Рассмеявшись, она выскользнула из его объятий.

Калигула, переодетый и причесанный, вернулся в триклиний. Его внимательный глаз подметил отсутствие Макрона. Он подозревал Палланта:

– Где префект претория?

– Я н... не знаю. Господин Макрон, к... кажется, удалился.

– Как давно?

Перепуганный Паллант выдавил из себя нечленораздельное мычание, разводя в недоумении руками. В гневе Калигула пнул его пониже пояса так, что тот перелетел через стол, опрокинув несколько блюд. Потирая ушибленные места, управляющий с поклонами ретировался.

Посвежевший после очередной отлучки Марк Юний Силан возлег рядом с наследником. Гай поморщился, пододвигая себе чашу с родосским.

– Осмелюсь ли я обратиться с просьбой к Гаю Цезарю? – поинтересовался новоявленный сенатор.

– Конечно, отец, – отозвался Калигула, стараясь скрыть иронию.

– Я развожусь со своей супругой Кальпурнией. Она полна яда и неприязни к моей любимой дочери.

Услужливая память развернула перед Калигулой воспоминания о том, как его божественная Юния плакала и страдала, жалуясь на жестокость этой фурии, и хотела даже ее отравить.

– Такому знатному богачу теперь нужна супруга красивее, моложе и сговорчивее, – отозвался он эхом на тайные мысли Силана. Тот открыл было рот, но хитрый Калигула опередил его: – У меня уже есть на примете достойная девушка. Сам император благоволит ее семье и даже когда-то желал обручить нас. Но я, храня верность моей возлюбленной, приложил все силы, чтоб это не произошло.

– Кто она? – Глаза Силана заблестели пьяным блеском вождения.

– Не стоит торопить события! – рассмеялся Гай Цезарь. – Ее брат присутствует здесь. Это мой близкий друг Ганимед Лепид.

– Красивый юноша...

– Эмилия намного краше, уверяю тебя, мой дорогой Силан. Она грациозна и стройна, как молодая серна, у нее большие глаза, достойные волоокой Юноны, пышные белокурые волосы. Она свежа, как бутон розы, и способна родить здоровых ребятешек. Но тебе, мой Юний, следует поторопиться с помолвкой, потому что брат Виниция уже распускает слухи о возможной женитьбе на ней. Но он не богат, поэтому боги будут благоприятствовать тебе, дорогой тесть.

Калигула откинулся на подушки, всем видом показывая нежелание продолжать беседу. Все, что мог он сделать для любимой, чтобы унижить ее злобную мачеху, он сделал, растра-

вил воображение стареющего сатира, показав в ручье отражение молоденькой нимфы. Однако Силан не желал успокаиваться и вновь полез с расспросами, отвлекая Гая от сладостных воспоминаний о близости с Юнией всего полчаса назад.

– Мой Гай, скажи, подготовка к свадьбе завершена? Если тебе нужны деньги, я готов дать их сколько угодно. Слава божественному Тиберию, сделавшему меня самым богатым в империи! Я дам приданого за дочерью десять миллионов сестерциев, куплю ей виллу в Капуе, самую роскошную...

– Я не отступаю от своих слов. – Калигула нагнулся к самому лицу старика. Черты его искажил гнев. – Мне не нужно денег Юнии. Мне нужна только она.

Марка перекосило от страха, стоило увидеть злобные сумасшедшие глаза Гая. Он поспешно извинился и исчез, прихватив неизменную чашу. «Я избавлюсь от тебя, противный старик, – подумал наследник. – Дай только время. Я стану властелином Рима и избавлюсь от всех, кто когда-то смел мне перечить. Но где же моя Юния? Что она медлит в своей спальне? Или дожидается, когда я вернусь к ней, хитрая. Среди всей фальши и лжи, что вокруг, я счастлив, что есть человек, который искренне любит меня, несмотря на то что нрав мой жесток и злобен, внешность некрасива. Зато моя Юния прекрасна, как богиня! Стоит лишь увидеть, как она улыбается и можно сойти с ума от желания...» Распаленный мечтаниями, Калигула был уже готов сорваться и бежать к любимой, но неожиданно тонкие ладошки прикрыли его глаза, и повеяло ароматом жасмина.

– Энния Невия! – разочарованно протянул Гай.

– Узнал, неверный возлюбленный! – Тонкое облако муслина приземлилось рядом. – Почему ты скрыл от меня, что собираешься жениться на этой александрийке? К чему умасливал ложными обещаниями?

– Энния, ты пьяна! – брезгливо отодвинулся Калигула. – Оставь меня в покое. Ты все придумала. Я не хотел ссориться с Макроном из-за связи с тобой. А ты, как безумная, не давала мне прохода, карауля и надоедая подарками, которые я отдавал домашним рабам. Я никогда не женюсь на тебе, потому что с детства знал, что моей избранницей станет только моя вторая половинка...

– С такой же черной, лживой и злобной душой, как у тебя, – подхватила Энния. Гнев, искаживший ее миловидное лицо, сделал его похожим на лик Горгоны.

Неожиданная сила вдруг отбросила ее от Гая, она упала с ложа, вскрикнув от боли. Гай Цезарь с удивлением обернулся и увидел Юнию. Держа кувшин за узкое горло, она победно взирала на свою незадачливую соперницу.

– Эй, Паллант, – крикнула она. – Госпоже Эннии Невии стало дурно, пусть Гемма поможет ей прийти в себя.

Подбежала Агриппинилла, склонилась над подругой. Юния поймала ее взгляд, полный злости и удивления. Значит, все видела. Что ж, пусть знают, с кем имеют дело. Калигула взял девушку за руку:

– Где ты задержалась? Я имел пренеприятную беседу с этой особой.

– Может быть скандал, но вроде бы гости пьяны, никто, кроме твоей сестры, ничего не заметил. Надеюсь, у Агриппиниллы хватит ума промолчать?

Гай пожал плечами. Но вдруг взгляд его неожиданно упал на прореху в ее новой тунике и видный сквозь нее большой кровоподтек на плече. Заметив, как изменилось лицо любимого, Юния мгновенно закрыла его рот ладонью. «Молчи! – горячо зашептала она. – Едва гости разъедутся, жду тебя в спальне».

XXI

Юния расчесывала свои роскошные волосы, сладострастно изгибаясь перед огромным зеркалом. Она ласкала себя, любуясь совершенством обнаженного тела, ее шаловливая ручка скользила по нежному животу вниз к пушистому треугольнику волос, девушка стонала от возбуждения, вспоминая ненасытность плоти возлюбленного. Занавесь ее кубикuly неожиданно откинулась, девушка вскрикнула и едва успела прикрыться покрывалом. На пороге стояла Кальпурния.

– Мне надо поговорить с тобой, Клавдилла, – сказала она.

Всмотревшись при слабом свете лампы в ее лицо, Юния увидела красные опухшие глаза.

– Можешь помочь мне одеться, – надменно произнесла девушка.

Вздыхнув, Кальпурния подхватила лежащую на кровати тунику и принялась натягивать ее на падчерицу.

– Я пришла с миром, – наконец сказала она. – Мы плохо ладили с тобой те годы, что я прожила с твоим отцом. Видят боги, я пыталась заменить тебе мать, но с самого начала твой дурной нрав помешал мне это сделать.

– Э, да ты неверно начала, вольноотпущенница Кальпурния, – проговорила девушка. – Твои бесконечные щипки и побои, когда не было рядом отца, я помню прекрасно. Да, характер мой оставляет желать лучшего, но я способна на любовь и привязанность к тем, кто платит мне тем же...

Кальпурния перебила ее:

– Только не говори, что ты любишь отца. Я внимательно наблюдаю за тобой уже давно и пришла к выводу, что, кроме злого выродка Калигулы да своей собственной персоны, тебя не волнует никто. Помнишь, когда ты тяжело заболела по приезду из Сирии, у тебя открылась горячка, и ты бредила, повторяя имя Гая?

Холодея, Юния кивнула.

– Тогда из твоего тяжелого бреда мне удалось составить достаточно связный рассказ об убийстве Германика.

– Ты лжешь! – выкрикнула Клавдилла. – Это неправда!

– Ты знаешь, что это правда. Имя старой ведьмы Мартины тебе говорит о чем-нибудь? А перстень с ключом на черном агате? Он появился в нашем ларарии после вашего возвращения. Но никто, кроме меня, не знает, откуда он. Маленький негодяй передал его тебе перед вашим отъездом, чтоб не нашла Агриппина.

Юния села на кровать. Повертела задумчиво в руках гребень. Сердце ее билось, точно птичка, пойманная в силоч. Надо успокоиться, не показав хладного ужаса, сжавшего когтями разум.

– Почему же ты сразу не рассказала все моему отцу? Зачем столько лет хранила эту чужую страшную тайну?

– Потому что знала, что когда-нибудь настанет момент, когда мне придется просить тебя о помощи, а ты рассмеешься мне в лицо.

– Ты верно все рассчитала, зная, как сильно я тебя ненавижу. Теперь ты хочешь, чтобы я воспрепятствовала вашему с Силаном разводу? Что ж, в моих силах это сделать. Уходи, уходи, ядовитая гадина, пригревшаяся в моем доме.

Кальпурния поспешно выскользнула из кубикuly Юнии, чтобы та не успела заметить ее победную улыбку. Но и она не смотрела на Клавдиллу, иначе пожалела бы о своей откровенности. В прекрасных глазах невесты наследника пылала такая лютая ненависть, что мачеха безошибочно поняла бы, что смертный приговор ей уже вынесен. Ей действительно оставалось

жить совсем недолго. Отточенные ножницы безжалостных парок уже вознеслись над тонкой ниточкой ее жизни.

Юния лихорадочно приводила в порядок разбросанные мысли. Она редко вспоминала о тех тяжелых для нее днях, когда они с отцом вернулись в Александрию. Девочка тогда сильно заболела, не вынеся разлуки с любимым Сапожком. Целый месяц она провела между жизнью и смертью, пока наконец искусство эскулапа не вырвало ее из цепких лап Плутона. Предсказание Мартины, что она примет смерть из-за любви к Гаю, не давало ей покоя, она постоянно твердила о нем в бреду, а ловкая Кальпурния, видимо, воспользовалась ее болезнью. Юнии припомнилось, что возлюбленный Гай разговаривал с ней, они обсуждали с ним, как умирал Германик. Ей тогда казалось, что голова у нее была ясной, она отчетливо слышала его голос. А мачеха просто обманула ее, раскрыла все тайны. Надо все рассказать Гаю Цезарю!

Юния отбросила гребень и резко поднялась. Но неожиданно приподнялся занавес и перед ней предстал Невий Макрон. Девушка в испуге попятилась. Глаза префекта метали такие молнии, что ей стало не по себе.

– Юния Клавдилла! – Он схватил ее за руки, выворачивая тонкие кисти. – Мне надо с тобой поговорить, сядь и выслушай.

Силой он усадил ее на кровать. Юния была испугана не на шутку. Ее волновало, слышал ли он разговор с Кальпурнией. Но то, что начал говорить Макрон, ее отчасти успокоило – речь шла о любви.

– Я не могу жить без тебя. – Голос мужчины дрожал от волнения, он придвинулся ближе к девушке, и та отшатнулась – так сильно от него разлило вином. Макрон был пьян. – Этот гнусный мальчишка недостоин твоей красоты...

– А ты достоин? – ехидно прищурясь, поинтересовалась Юния.

– Я положу к твоим ногам богатство, власть, свою жизнь, буду заботиться о тебе, ты станешь купаться в золоте, пить растворенный жемчуг, как Клеопатра.

– Калигула уже это положил к моим ногам. Но я топчу все с презрением, потому что, кроме его любви, мне в подлунном мире не нужно ничего. Пойми же наконец, Невий Серторий, что мы с ним связаны навек вечной неземной любовью до самой смерти. Оставь глупые мысли, что ты можешь обладать мной. Ни один мужчина, кроме Гая, не коснется меня.

Макрон придвигался все ближе и ближе, пока Юния не прижалась к спинке кровати. Он горячо зашептал ей в самое ухо:

– Ты наслушалась от него глупых признаний. Но ты задумывалась над тем, что ждет тебя после свадьбы? Твоя постель будет пуста, а очаг холоден...

– Ты говоришь, как мой глупый отец, – возразила девушка. – Я не желаю слушать пьяные бредни. Уйди, пока я не позвала рабов. Я не хочу скандала. Представляешь, что будет, если цезарю станет известно о твоём поведении? Тиберий благоволит ко мне, и одного слова моего будет достаточно, чтобы тебя лишили головы.

– Не надейся на помощь цезаря. Безумному Тиберию нужны лишь его спинтрии да имущество казненных. Я увезу тебя силой, спрячу так, что никто не найдет. Я достаточно богат, чтобы бросить Рим и уехать так далеко, чтоб о нас забыли. А ты разделишь со мной это добровольное изгнание. Забудешь своего Калигулу со временем, полюбишь меня. Я сделаю все, чтоб ты была счастлива.

Юния вздохнула. Глухая злоба начала подниматься в ее душе. Если бы Гай в этот миг появился в ее спальне! Но... надо было самой спасать себя, а дальше они придумают, как уничтожить врагов. Яд, ложное обвинение – способов много. Под руку попался гребень. Юния сжала его в руке, спрятав за спиной. Массивный черепаховый панцирь с деревянными зубьями сможет оглушить на время этого сластолюбца. Только б ударить посильней.

– Этот сопливый юнец не способен подарить тебе настоящее блаженство любви, – продолжал Макрон, глаза его все более затуманивались диким желанием.

Он клонился все ниже и ниже, Юнии уже некуда было отодвигаться. Ее бесило, что Макрон посмел уничижительно отзываться о ее любимом. Для нее он был самым прекрасным в мире, самым желанным. И когда желание Макрона и ее ненависть к нему достигли высшей точки, он грубо рванул тунику, впившись зубами в ее нежное плечо, а она со всего размаху опустила на его затылок тяжелый костяной гребень.

Макрон взвыл, ослабив медвежьи объятия. Девушка проворно вскочила, он вновь схватил ее за полу туники, но, оставив кусок ткани в его мощных руках, она выбежала из спальни. Пробежав перистиль, Юния забилась за занавес ойкоса и стала глядеть в щелку. Ей было видно, как через какое-то время появился Невий Серторий, вытирая кровь полой короткого плаща, и крадучись ушел.

Юния облегченно вздохнула и вернулась в триклиний. К ее удивлению, многие уже разъехались. Отец с кем-то разговаривал, размахивая руками, Агриппинилла танцевала с Ганимедом, Виниция и Ливиллы уже не было. Неожиданно в глаза ей бросились беседующие в нише Гай Цезарь и Энния. Юнию передернуло, едва на ум пришли слова Макрона о неверности возлюбленного, она буквально впилась глазами в лицо Калигулы, но с облегчением увидела смесь презрения и брезгливости, сквозившую в его взгляде, повороте головы и жестах. Глупая, как посмела на миг усомниться! Она тихо приблизилась. Конец подслушанного разговора вывел ее из себя, и, уже не задумываясь о последствиях, она схватила кувшин, на счастье оказавшийся пустым, и ударила Эннию по спине.

Затем они с отцом провожали гостей, каждому вручая красивый драгоценный подарок. Уехавшим ранее Юния отослала подарки с рабами. Валившийся с ног от усталости Паллант тоже получил свое вознаграждение – Силан остался весьма доволен роскошным обедом. «От яйца до яблок!» – торжественно провозгласил он, подавая управляющему увесистый кошель.

Гемма омывала Юнию в чане с теплой водой, когда появился Гай Цезарь. Не стеснясь присутствия рабыни, он поспешно разделся и плюхнулся рядом, подняв тучу брызг.

– Гемма, вон! – приказала Клавдилла, жадно обнимая любимого и притягивая его к себе.

Рабыня послушно вышла.

Калигула ласково погладил синяк на плече.

– Макрон? – только и спросил он.

Юния кивнула. Глаза Гая разгорелись гневом.

– Он заплатит за это, клянусь Марсом, – произнес он.

– Я лично мечтаю перерезать его бычьей глоткой, – мрачно сказала Юния, – или отравить его самым страшным ядом, чтобы полюбоваться агонией.

– Он должен умереть вместе со своей надоедливой женой. А мы будем заниматься любовью на их неостывших телах.

Юния сладостно застонала.

– Чудесно! Но, знаешь, – лукаво улыбаясь, проговорила она, – возле тела Тиберия мы бы достигли наивысшего экстаза.

– Да уж, старик слишком зажился на этом свете, – задумчиво протянул Калигула. – Он отклонил приглашение на нашу свадьбу. Боится до смерти Рима с его, как он выразился, заговорщиками и кинжалами. Может, и не зря. Эх, нельзя сейчас избавляться от Макрона. На его стороне преторианцы, на моей – народ. Сейчас вместе мы – сила, но поодиночке нам не захватить власть. А мне еще надо нейтрализовать осторожного Гемелла. Знаешь, а он принимает противоядия.

– Но постой, Гай, любовь префекта претория ко мне мы всегда можем использовать. Я смогу сделать так, что он станет игрушкой в наших руках. Пусть уберет Тиберия с твоей дороги, а там он может и жизни лишиться за подобное деяние. Я сумею достойно разыграть свою роль.

– Ты умна, как Ливия. Иди же ко мне, я безумно хочу тебя, моя половинка.

Они занимались любовью, пока не перевернули чан с остывшей водой. Смеясь, выскочили и принялись брызгаться, как дети. Потом, успокоившись, заснули, растянувшись на тигровой шкуре, сняв простыни с кровати.

В таком виде их и застала розоперстая Аврора. Хлоя зашла в комнату позвать Юнию завтракать, но испуганно выскочила, увидев госпожу в объятиях мужчины.

– Наша госпожа совсем стыд потеряла, – запричитала она, столкнувшись в коридоре с Геммой. – Они спят прямо на полу, обнаженные, чан разлит, кругом полно воды.

Решительная Гемма влепила ей звонкую оплеуху:

– Сколько раз тебе говорить, держи свои мысли при себе! Приготовь завтрак, подай госпоже в комнату неслышно. Воду потом затрешь. Смотри не разбуди!

Хлоя, всхлипывая, побрела на кухню. Там она наткнулась на Кальпурнию.

– Что ты, глупая, хнычешь? – Вид у Кальпурнии был не из лучших. Повязка со льдом на лбу, отекающие глаза, красное лицо, нос распух от слез. Она уже успела отругать повара. Теперь ей на глаза попала Хлоя.

– Гемма дала мне пощечину за глупость.

– В чем дело?

Хлоя замялась, испугавшись расспросов.

– Госпожа Кальпурния, мне надо подать завтрак госпоже Юнии.

С этими словами рабыня проскользнула мимо Кальпурнии и принялась ставить на поднос блюда. «Странно, – подумалось Кальпурнии, – неужели Юния так много ест? Куда столько еды?» Но вслух она ничего не сказала, а лишь молча забрала у Хлои поднос и пошла сама в комнату Юнии.

Хлоя принялась молиться своим галльским богам. Казалось, сам Тартар разверзся у ее ног.

Кальпурния давно уже заметила, что в доме творится неладное. Юния прежде не была соней, а тут спит каждый день, никогда не выходит к завтраку, вечером никого не принимает, даже отец редко видит ее. Она не стесняется выезжать одна на прогулку, встречается с женихом, на несколько дней уезжала в Капую одна осматривать дом. Подозрение, закравшееся в душу, Кальпурния захотела проверить лично.

Стучать она не стала, попросту откинула занавесь и вошла, держа впереди поднос. Холодная вода обдала ее с ног до головы. Поднос полетел на пол. Смех, раздавшийся вслед за этим, смолк.

– Моя мачеха! – раздался голос Юнии. – Что тебе надо, Кальпурния?

Кальпурния открыла глаза. Падчерица, полуодетая, стояла перед ней. Рядом стоял Калигула, держа в руках пустой кувшин. Туника его едва держалась на плече, застегнутая на фибулу.

– Я принесла завтрак, – робко ответила мачеха. От воинственной решимости не осталось и следа.

– Зачем же тогда раскидала его по полу? – нагло поинтересовалась Юния. – Вернись за новым. Мы жутко голодны.

Кальпурния как ошпаренная вылетела в коридор. Вслед ей донесся новый взрыв хохота. Она столкнулась с Силаном.

– Что с тобой? Куда ты бежишь? – спросил он, остановив ее. – Почему слезы? Опять поругалась с Юнией?

– Они вылили на меня кувшин холодной воды, когда я принесла завтрак...

– Кто они?

– Твоя дочь предается блуду со своим женихом, она подобна развратной девке.

Она ожидала, что Силан схватится за плетень, чтобы наказать Клавдиллу, но неожиданная пощечина повергла ее наземь.

– Не смей им мешать! – закричал Марк Юний. – Ты будто заноза! Никому не даешь жизни! Пусть боги проклянут тот день, когда я решил на тебе жениться, сама Ата, видно, затуманила мне разум. Иди в свою комнату, можешь собирать вещи, я отправляю тебя обратно в Александрию. Может, купец, у которого я купил тебя, возьмет обратно в прислуги.

Несчастливая женщина громко зарыдала, заломив руки. Но Силан грубо толкнул ее, чтоб не слышать жалоб. Неожиданно появилась Юния.

– Отец, я услышала твой голос, – сказала она. – Почему рыдает Кальпурния? Ты обидел ее?

– Я велел ей собирать вещи, сегодня я дам ей развод по всем правилам и отправлю в Александрию. Эмилий согласен на мою помолвку с их дочерью.

– Не спеши, Марк Юний Силан, – медленно проговорила Юния. – Ты всегда был порядочным и справедливым человеком, таким, по крайней мере, я тебя знала всю жизнь. Мне надо серьезно поговорить с тобой, пойдем в таблиний.

Она взяла отца за руку, он, удивленный, молча последовал за ней. Они не заметили, как глаза Кальпурнии торжествующе заблестели: она решила, что падчерица теперь полностью у нее в руках. Подслушанная много лет назад и надежно сохраненная тайна принесла наконец свои плоды. Повеселев, она отправилась на кухню, заменила поднос и понесла его в комнату Юнии.

Калигула дремал, свесив ноги с кровати. Он приоткрыл глаза, услышав шорох.

– А, госпожа Кальпурния, – произнес он, – прошу прощения за недавнюю выходку, мы с Юнией решили подшутить над глупой рабыней. Забудь обиду, позавтракай со мной, моя невеста сказала, что у нее срочный разговор с отцом, а мне скоро в курию на очередное заседание. Через неделю наша свадьба – еще надо уточнить детали с коллегией жрецов. Все-таки я понтифик.

Кальпурнию удивило столь вежливое и мягкое отношение со стороны обычно грубого Гая Цезаря. Видимо, решила про себя она, Юния сообщила ему, что их тайна известна и они полностью теперь зависят от нее.

Лицо ее приняло обычное гордое выражение, она присела рядом с наследником, и они, мило болтая, принялись опустошать поднос. В надменном ослеплении, успокоенная, она не замечала умело скрытой иронии в словах хитрого Калигулы и блеска ненависти в его глазах. Научись она лучше разбираться в людях, она бы и не уезжала из Александрии, предпочтя обеспеченную жизнь покинутой жены, и уж тем более никогда бы не призналась падчерице, что за страшная тайна известна ей. Но она поймет это позже, уже на смертном одре.

Юния же завела отца в таблиний, усадила в кресло.

– Что ты, дочка, затеяла? – удивленно спросил Силан.

Клавдилла некоторое время молчала, расхаживая по таблинию, затем с гневным блеском в глазах смела рукой свитки со стола на пол.

– Ты что? Ты что? Это же письма цезаря! – возмутился Силан.

– Волнуешься лишь за деньги? А человеческую жизнь не ставишь ни во что? – ехидно поинтересовалась Юния.

Силан рот открыл от удивления.

– Какое право имеешь ты выгонять из дома свою супругу? Чем она не угодила тебе? Тем, что, делая с тобой полунищенскую жизнь в Александрии столько лет, успела состариться? Она была тебе верной женой, искренне пыталась заменить мне мать! Это я виновата, что не приняла ее, в своей слепой гордыне не желая замечать добрые намерения какой-то вольноотпущенницы. Но ты... Отец, ты же искренне любил ее и женился, презрев гордость патриция! А нынче, на старости лет, ты стыдишься происхождения своей супруги! Не имеешь права! Да кто из твоих новоявленных друзей, пришедших вчера поесть и попить за твой счет, может похвастаться своей родословной? Единицы! Да, единицы! У многих в третьем, пятом, десятом

колоне предки – бывшие рабы. Ты собираешься обрюхатить молоденькую девчонку, а подумай, каково ей будет делить ложе со стариком? Я – против твоего развода, да и Гай Цезарь придерживается того же мнения.

Силан молчал, обескураженный словами дочери. Она уязвила его в самое сердце. Прикрыв неожиданно заслезившиеся глаза, он размышлял. Образы прошлого вставали перед ним, призывая опомниться. Вот молоденькая Кальпурния с косой до пят несет по улице кувшин – так он увидел ее впервые и влюбился. Скромная свадьба вспомнилась ему, они были тогда так счастливы. Марк не видел, погруженный в воспоминания, лица своей дочери. Буря чувств овладела ею. Ненависть, злоба, презрение переполнили сердечко, глаза сверкали. О, с каким удовольствием она своей рукой перерезала бы горло старой фурии, которую сейчас была вынуждена защищать от бедности и позора, хотя сама бы с удовольствием ввергла ее туда. Злилась она и на старика отца, вмиг исполнившись презрением к тому, кто долгие годы вызывал лишь уважение. Его слабость возмутила Юнию. Заполучив богатство и власть, он наконец-то обрел истинное величие римского патриция, но всего-навсего несколько глупых слов о долге заставили его позабыть все честолюбивые мечты и устремления. Нет, он не настоящий римлянин, а тряпка в руках женщины!

Клавдилла уже не могла более себя сдерживать, ей захотелось выплеснуть свои чувства, но нельзя было делать это сейчас... Она резко развернулась и выбежала из таблиния.

Кальпурния была совсем очарована учтивостью Гая Цезаря, потому полностью расслабилась, даже изредка позволяя себе ядовитые замечания в адрес падчерицы и уже совсем не замечая злых огоньков в глазах собеседника. Она интимно положила Калигуле руку на колено, не устояв перед его змеиными чарами. Вопедшая Юния, застав эту картину, усмехнулась.

– Ты можешь оставить нас вдвоем, – сказала она мачехе. – Я выполнила свое обещание, вырванное тобой силой. Отец не разведется с тобой.

Впервые Кальпурния была от души благодарна Клавдилле. Она низко склонилась перед ней, поцеловала ей руку и удалилась гордой походкой, не забыв, однако, пожелать Калигуле удачи.

– Моя сирена, ты превзошла себя! – вскричал Гай, нежно целуя ее надутые губки.

– О боги, все-таки я превосходная актриса! Отец едва не разрыдался, стоило мне воззвать к его лучшим чувствам. Знал бы он, что ожидает его супругу! – Девушка рассмеялась своим чудным смехом. – Любимый, достань мне самый страшный медленный яд. Я хочу видеть, как эта гнусная гиена умирает в агонии. Я сама хочу сидеть у ее смертного одра и вытирать запекшуюся пену на ее губах.

Калигула кивнул, привлекая к себе Юнию. Они занимались любовью еще час, прежде чем распрощались до вечера.

XXII

Всемогущий префект претория, прикладывая лед к пораненной голове, был в ярости. Эта девчонка вновь не далась в руки! Мало того, посмела поднять руку на него самого! Это не должно остаться безнаказанным! Ссадина на голове ныла, лишний раз напоминая об унижении. Ненавистный Калигула! Проклятая Юния!

Он расхаживал по роскошному таблинию, раскидывая пинками драгоценные свитки, важные документы, в бешенстве сброшенные со стола. Слуга доложил, что госпожа Энния ждет его в своих покоях. Отлично! Будет на ком сорвать зло!

Но и прекрасная Энния не была настроена мирно. Стоило Макрону войти, как на голову ему обрушилось множество упреков. Склонив бычью голову, он выслушал все, затем мощным ударом кулака разбил изящный столик с тонкой мраморной крышкой и без слов повалил жену на постель. Он взял ее, точно добычу, грубо и жестоко, заставив извиваться и кричать от боли. Но под конец она принялась, всхлипывая, громко стонать, а затем с громким криком откинулась навзничь, потеряв сознание. Невий даже испугался, забыв о личных амбициях, принялся, нежно поглаживая ее щеки, приводить в чувство.

– Мой Невий, ты был великолепен! – первое, что произнесла Энния, придя в себя. – Что на тебя нашло? Ты был неподражаем! Теперь я представляю, каково крестьянкам, когда их деревню захватывают легионеры империи.

– Замолкни, женщина. Я и так услышал достаточно упреков на сегодня. Я был сильно пьян, потому и забыл тебя у Силана. Мы давно не выезжали вместе. Хочешь, чтоб я извинился? – Он посмотрел ей в глаза.

И Невия поняла, что палку перегибать уже не стоит. Она отвела взор и отрицательно качнула головой.

– Меня оскорбила эта дерзкая провинциалка! – сказала она.

– Вот как! – только и произнес Макрон. Энния умела удивлять.

– Я разговаривала с Гаем Цезарем, а она ударила меня. Дикая ревнивая кошка! Спасибо Агриппинилле, она помогла встать и усесться в носилки.

Макрон ухмыльнулся во весь рот:

– Представляю, как ты общалась с Калигулой. Зная нрав Юнии, ты вряд ли даже приблизилась бы к нему, тем более в ее доме. И я представляю, как вы беседовали, я давно заметил, что ты равнодушна к этому злобному выродку...

– Почему ты так отзываешься о своем друге? – перебила его Энния. – С некоторых пор ненависть сквозит в каждом твоем слове, когда заходит речь о нем. Не в том ли дело, что тебе понравилась его невеста? Она божественно прекрасна, никто из римлян не остался равнодушен к ее чарам. Даже Ливилла вчера приревновала Виниция.

– Я тебе не глупая девка, чтоб ревновать. Тем более невесту к жениху. Они не зря ждали друг друга долгие годы, две половины зла, порока и лицемерия теперь соединились в единое целое.

– Значит, – лукаво промолвила Энния, – ты не отрицаешь, что Клавдилла приглянулась тебе?

– Глупая ты. – Макрон вздохнул, не в силах продолжить спор. Непроизвольно он коснулся ссадины на голове.

– Что у тебя с головой? – поинтересовалась Невия, заметив этот жест.

– Разбил.

Энния сосредоточенно осмотрела рану, не удержалась, нежно погладила седые волосы Макрона.

– Заживет, тебе не привыкать, – ласково сказала она. – Будь осторожней.

Слуга неожиданно доложил о приходе Агриппиниллы.

– Что ей нужно? – недовольно пробурчал Невий.

– Уж, пожалуйста, будь с ней ласковей. Она моя спасительница и тоже ненавидит Клавдиллу. – Энния поправила тунику и наскоро уложила выбившиеся из прически прядки волос.

Агриппинилла нервно расхаживала по роскошному атриуму, срывая лепестки с цветов, которыми были увиты колонны. Ее одежда и прическа выдавали душевное волнение, все было в беспорядке. Греческий узел на затылке небрежно связан, стола перекошена, никаких украшений. Обычно она тщательно подбирала детали своего наряда, затрачивая на это несколько часов.

– О, мои дорогие. – Она кинулась навстречу хозяевам, едва они появились. – Мой Невий, мне нужно поговорить с тобой о важном деле.

– Пройдем в триклиний, Агриппинилла, там приготовлена легкая закуска, – улыбаясь, предложила Энния.

– Нет, моя подруга. У меня дело к Невию Серторию. Только он сможет помочь. – Голос Агриппиниллы дрожал от волнения.

Макрон глядел на нее с недовольством. Он сразу понял, зачем пришла сестра Гая Цезаря. Наверняка она знала, что он приложил руку к обвинению ее мужа, и явилась, презрев гордость, умолять его спасти Домиция от суда.

Макрон увел ее в таблиний, забыв, какой беспорядок учинил там утром. Едва переступив порог, она упала перед префектом претория на колени.

– Невий, прошу тебя – спаси моего мужа. Ты знаешь, что он никогда не имел любовной связи с сестрой. Да, он любит с моим братцем шататься по притонам и лупанарам, пить и затевать драки, но он никогда не спал с Домицией. Они разругались еще полгода назад из-за наследства. Тогда суд, подкупленный Агенобарбом, все присудил ему. И Лепида не простила этого.

– Моя Агриппинилла, ты удивляешь меня, – произнес Серторий. – Ваши семейные скандалы на устах всего Рима. Я думал, ты рада будешь избавиться от ненавистного супруга, навязанного Тиберием.

– Нет! – истерично выкрикнула женщина. – Я люблю его. Люблю, несмотря на его дурной нрав. Мой характер тоже не подарок, но Домиций никогда не вел себя дурно по отношению ко мне, проводил со мной ночи, и я закрывала глаза на его проделки. Его род всегда был славен горячей кровью. Пощади его, Невий, спаси от суда! Это в твоей власти!

Макрон задумался. Нет, ему не жаль было подруги жены, но, помоги он Агенобарбу, уступив Агриппинилле, кто знает, какую пользу может он получить от этого. К тому же не стоит настраивать против себя Калигулу, чьим близким другом был Агенобарб. Можно пока повременить, отомстить позже.

– У меня выдалось трудное утро, – уклончиво произнес Макрон, – я подумаю, что можно сделать.

Он наклонил свою огромную бычью голову, давая понять, что разговор окончен. Агриппинилла тихо вышла. За порогом таблиния ее настроение улучшилось, она прошла к Эннии, там рабыни привели ее одежду и прическу в порядок, и они вместе выехали на прогулку в Саллюстиевы сады.

Злой Макрон приказал седлать коня и отправился в Туллиеву тюрьму, на восточный склон Капитолийского холма. Он сделал круг, минуя форум, въехал на Капитолий и мимо Государственного архива спустился к тюрьме. Конечно, путь по Священной дороге был бы короче, но Макрону хотелось избежать встреч со знакомыми и клиентами.

Первым делом префект претория приказал провести его к Ироду Агриппе. Глубоко уважая его и втайне переживая, что именно ему пришлось исполнить тогда жестокий приказ Тиберия, он велел содержать Агриппу в отдельной камере с теплой постелью и хорошей едой.

Красавец Агриппа с радостью встретил друга.

– Не прячь глаз, мой Невий, – сказал он. – Я не считаю тебя виновным в случившемся и ценю твою заботу обо мне. В Мизене мои условия были намного хуже.

Макрон обнял его, едва не задушив в медвежьих объятиях, и выложил на стол объемистый кошель:

– Это скрасит тебе пребывание здесь, дорогой друг. Надеюсь, оно не продлится долго. К тому же я привез тебе послания от жены и Калигулы.

Агриппа бережно взял восковые таблички:

– Скажи, а как там Клавдий?

– Не знаю, право слово. Он не выезжает из Капуи, все позабыли о нем. Если хочешь, черкни для него пару строк, я велю курьеру отвезти.

– Какие новости? Что происходит в Риме?

– Калигула женится, – кратко сообщил Макрон.

– Да что ты! – удивился Агриппа. – Тиберий подобрал невесту?

– Нет, он сам нашел. Калигула добился у цезаря ее возвращения из Александрии, куда Август сослал ее отца за любовную связь с Юлией.

– И Тиберий пошел на это? Он же истребил всех ее любовников.

– Мало того, он лично внес его в списки сенаторов и одарил несметными богатствами. Эта девчонка умна, как Ливия, ей удалось покорить старика.

Агриппа удивленно присвистнул:

– Чудные дела творятся на воле. Что с моим делом? Эта камера мне порядком поднадоела.

– Никаких указаний с Капри. Терпи, мой друг, я сделаю так, чтобы Киприда с детьми смогла навестить тебя. Она по-прежнему живет у Антонии.

– Я многим обязан тебе, мой Невий, и, надеюсь, когда-нибудь смогу отблагодарить тебя.

– Ты отблаговаришь меня, если в следующий мой визит избавишься от этой ужасной курчавой бородки и приведешь в порядок волосы. На тебя не взглянет ни одна гетера.

Агриппа расхохотался, рука его довольно хлопнула по столу. Зазвенели монеты.

– Теперь я многое смогу себе позволить. Как ты думаешь, сколько дать тюремщику, чтобы он провел ко мне женщину?

– Ты не исправим, Ирод.

Они еще долго беседовали, пока Макрон не спохватился и не распрощался.

Затем префект зашел в камеру к Домицию Агенобарбу. Тот встретил его громким ревом:

– Клянусь Гекатой, пожаловал сам Макрон!

Рыжебородый Гней Домиций, поднявшись, своим огромным торсом заслонил весь свет, пробивавшийся из маленького окошка под потолком.

– Ты свободен, но будешь находиться под домашним арестом, пока я не замну дело о кровосмешении, – сказал Макрон. – Агриппинилла ждет не дождется твоего возвращения. Она была сегодня утром у меня. Просила о твоем помиловании, стоя на коленях.

Агенобарб взревел, как лев, угодивший в западню:

– Что?! Моя жена унижалась пред тобой? Гордая Агриппинилла?

– Моя Энния тому свидетель. – Голос Макрона даже задрожал от злорадного торжества. Приятно унижить соперника!

Гней сжал огромные кулаки и придвинулся ближе. Макрон попятился.

– Мы же сквитаемся еще, Невий, и ты знаешь об этом, – злое проговорил Домиций. – Не забудь!

Макрон вышел и за дверью темницы облегченно утер пот со лба. Он передал начальнику указ о препровождении Агенобарба под домашний арест и отправился к себе во дворец. Просьба Агриппиниллы была исполнена.

Раздосадованный вчерашней выходкой Клавдиллы и встречей с Агенобарбом, он успел изрядно накачаться вином, когда с прогулки вернулась Энния. Как молния она влетела в триклиний, где префект возлежал за столом в гордом одиночестве.

– Невий, мой Невий! Ты даже не представляешь, что произошло в Саллюстиевых садах! – Она почти кричала.

– Что, Энния? Надеюсь, никто не пострадал? – Макрон обеспокоенно глянул на жену.

– Я даже не знаю, плакать или смеяться! Агриппинилла! – И тут она повалилась к нему на ложе, держась за живот от неудержимого хохота.

– Я понял, – улыбнулся Макрон. – Агенобарб вырвался на свободу.

– Мы кормили лебедей, к нам подошли Ливилла, Клавдилла, Виниций с братом и Ганимед. Ожидали Павла Фабия Персика, он сегодня вернулся из Испании, хотели покататься на лодках. И вот тут...

Молодая женщина опять захохотала, слезы брызнули из глаз. Она утерла их кончиком шали, размазав сурьму по щеке.

– Появился Домиций! Он вылез из зарослей акации, страшный, с огромной рыжей бородой, грязный, оборванный и вонючий. Мы все закричали от ужаса, не узнав его в первое мгновение. Даже мужчины опешили. Ни сказав ни слова, он кинулся к Агриппинилле, схватил ее за волосы и давай таскать. Она кричала, молила о пощаде, но этот ненормальный не унимался, осыпая жену самой страшной бранью. Виниций попытался встать на ее защиту, но Агенобарб только глянул на него своими жуткими глазищами, как у того пропало всякое желание вмешиваться. Прибежала стража. Все растерялись, Ливилла плачет, Агриппинилла вопит как безумная, тоже не стесняясь в выражениях. А он вдобавок еще двинул ей пару раз мощным кулаком. И тут на выручку ей пришла, кто ты думаешь, Клавдилла!

Макрон удивленно округлил глаза. Рассказ о скандале, случившемся по большому счету из-за него, заинтересовал Невия еще больше.

– Она выхватила меч у одного из вигилов, как кошка, сзади вскочила Домицию на спину и приставила клинок к горлу. Могу поклясться, что из пореза потекла кровь. Она не побоялась ранить его! самого бешеного Агенобарба! Он опрокинулся на спину, мы закричали от ужаса, что огромный Гней раздавит маленькую Юнию. Но, Невий, ты даже не представляешь, насколько она ловка, за один миг, извернувшись, она уже сидела верхом на его широкой груди, приставив к горлу острое меча. Агенобарб наконец-то опомнился. И как давай хохотать! Он смеялся точно безумный, а глаза Юнии метали молнии. «Кто ты? – спросил он. – Диана или Минерва? Ни один мужчина не побеждал меня в схватке». – «Поклянись, что не тронешь Агриппиниллу, иначе я перережу тебе глотку», – только и сказала она. «Клянусь Юпитером, никогда», – ответил Агенобарб, и только тогда, я заметила, ее побелевшие от напряжения пальцы расслабились. Видел бы ты, Макрон, лицо Фабия Персика, в тот момент показавшегося из-за деревьев. Мы смеялись уже над ним. Виниций помог Юнии встать, Агриппинилла со слезами, ей одной было не до смеха, даже поцеловала ей руку. Домиций тяжело поднялся. «Теперь, сделайте милость, – надменно проговорила эта девчонка. – Представьте нас друг другу». Это сделал Виниций. Агенобарб, уже сама обходительность и любезность, выразил удовольствие от того, что у Гая Цезаря такая смелая невеста. Затем он бережно взял под руку истерзанную Агриппиниллу, и они удалились под смех присутствующих. Мы даже не заметили, что собралась уйма зевак. Теперь весь Рим будет потешаться над этой историей.

Макрон тоже веселился от души, не скрывая своего удивления смелостью Юнии.

– Теперь-то уж Агриппинилла обязана ей. Ее бешеный муж, за которого она так молила сегодня утром, запросто мог прибить ее насмерть на глазах у всех. Никто не унял бы его, – заметил Макрон.

– Однако, мой Невий, я не могу понять причины, за что Домиций избил жену, – задумалась Энния.

– Я виделся с ним в тюрьме и рассказал об утреннем визите Агриппиниллы. Ты же знаешь его гордый нрав и ненависть ко мне. А тут жена стоит на коленях, вымаливая для него пощады. Я освободил его под домашний арест, но, видно, по дороге к дому он сбежал от вигилов, чтобы разыскать ее. И нашел.

– Негодяй! – Рука Эннии взлетела вверх, но Макрон успел ее перехватить перед самым лицом. – Хотя, впрочем, – добавила она уже спокойней, – если б не твоя интрига, мы никогда не насладились бы столь занимательным зрелищем. Нечасто случаются в Риме такие публичные скандалы. Чувствую, расправа над Агриппиниллой продолжится дома, Агенобарб еще не сдержал ни одной клятвы.

– Ну, это уже их трудности, – заметил Макрон, – интересно, что скажет Калигула, когда ему расскажут о роли его невесты в этой истории. Я бы выпорол ее.

Энния усмехнулась. Жаль, что этого им не узнать никогда. Она возлегла рядом с мужем на обеденное ложе, виночерпий налил ей вина, и они совершили возлияние. Номенклатор доложил о приходе Лелия Бальба, но Макрон, нежно прижимая к себе жену, махнул рукой.

XXIII

Гай Цезарь несся по Аппиевой дороге, бешено нахлестывая своего скакуна. Гуляющие шарахались в стороны, а едва не попавшие под копыта лишь испуганно зажимали рот, полный проклятий, лишь успевали разглядеть, кто промчался мимо. Где Юния? Где Юния? Эта мысль не давала ему покоя. Он потратил на ее поиски уже несколько часов, но безрезультатно. Их с Ливиллой видели то на форуме около источника Ютурны, то в храме Венеры на форуме Юлия, затем след их затерялся в лавках ювелиров. Стоило ему услышать о происшествии в Саллюстиевых садах, как он потерял голову, волнуясь за любимую. О мстительном нраве Агенобарба он был наслышан. Неизвестно, что могло повлечь за собой вмешательство Юнии в их ссору с Агриппиниллой. Эта самонадеянная девчонка слишком уверена в себе, совсем не зная римских нравов!

Конь его неожиданно споткнулся, наткнувшись на очередного прохожего, и упал на колени. Гай перелетел через голову коня и очутился на земле. В бешенстве, проклиная все на свете, он вскочил на ноги и, не раздумывая, всадил свой меч в шею несчастного скакуна. Фонтаном хлынула кровь, забрызгав его золоченый панцирь и тунику. Он скинул на землю свой шлем и побежал, выкрикивая имя возлюбленной.

Неподалеку от храма Чести и Доблести за Капенскими воротами собралась толпа зевак. Едва пробившись сквозь нее, он с облегчением увидел высокие носилки Юнии, где гордо восседала она сама, а рядом Ливилла. Дорога перед ними была усыпана множеством роскошных цветов, это их и задержало. Они весело хохотали. Калигула еще не понял, чем вызвано их веселье: слишком много тут собралось людей, заставших любопытное зрелище.

С мечом в руке он пробил себе дорогу сквозь толпу зевак, все испуганно расступались. Когда он очутился перед Юнией, она в ужасе закричала, увидев, что Гай весь в крови. Спрыгнув на землю, не дожидаясь, пока рабы опустят носилки, она взволнованно обняла жениха, прижавшись к его груди.

– Мой Гай, что случилось?! Тебя ранили? Кто? – причитала она, целуя его. – Что произошло?

Ее чудная белоснежная туника, расшитая розовым жемчугом, покрылась кровавыми пятнами, но она не обращала внимания ни на что, обхватив своего возлюбленного за шею.

– Нет! Это что ты позволяешь себе?! – кричал на нее Калигула, одновременно покрывая поцелуями ее испачканное личико и дергая в гневе за волосы. – Ты сошла с ума! Я искал тебя! Волновался!

– Но со мной все в порядке! Что тебя обеспокоило? Откуда кровь?

– Я убил коня в гневе! Он споткнулся, когда я в спешке разыскивал тебя! А ты развлекаешься! Откуда эти цветы на дороге? У тебя появился поклонник?

Юния рассмеялась своим чудным смехом.

– Да, появился! Ты прервал его, мы слушали прекрасную любовную песню. Но, – шепнула она тихо, – он так ужасно поет. И ты знаком с ним.

Брови Калигулы удивленно поползли вверх, когда толпа раздвинулась и он разглядел певца, усыпавшего дорогу множеством цветов. В белоснежной тоге, с лирой в руке, с завитыми кудрями, повязанными алой лентой, стоял Гней Домиций Агенобарб собственной персоной. Гай взирал на него, открыв рот. Он уже ничего не понимал. Ливилла весело хохотала, перегнувшись через край носилок. Вид изумленного брата ее чрезвычайно развеселил.

– Домиций, продолжай! Прощу тебя! – Юния радостно захлопала в ладоши. – Может, Гай Цезарь захочет посоревноваться с тобой?

Она взглянула на него вызывающе и лукаво.

– Гай Цезарь! – торжественно произнес Домиций громовым голосом. – Приглашаю тебя и твою прекрасную невесту на обед в честь моего поражения. Да, я поражен ее красотой в самое сердце!

– Какая муха тебя укусила, Домиций? Ты ведешь себя как душевнобольной! – наконец опомнился Калигула. – Ты же под домашним арестом. Хочешь опять в тюрьму?

– Я буду готовить речь в свою защиту...

– Я вижу, – саркастически заметил Гай.

– Итак, до вечера. К тому же несравненная Юния, кажется, призвала тебя бросить вызов моему искусству певца. Ливилла, надеюсь, ты с супругом не пропустишь это состязание.

И, не дав никому сказать более ни слова, он прыгнул в свои носилки и отправился восвояси. Толпа, однако, не расходилась: все наслышанные о происшествии в Саллюстиевых садах ожидали продолжения.

Гай подошел к Ливилле.

– Сестра, где твои носилки? – спросил он. – Мы с Юнией хотим побыть вдвоем.

Ливилла поморщилась от бесцеремонности брата.

– Остались позади, – ответила она. – Толпа оттеснила.

Калигула подал знак одному из рабов, Ливилла попрощалась с подругой и уехала. Гай уселся к Юнии, рабы опустили плотные занавеси, защищая от нескромных взоров, и понесли господ на Палатин.

– Будешь ругать меня? – спросила Юния, мысленно готовясь к защите.

– Теперь нет. Я очень испугался за тебя. Нрав Домиция необуздан и жесток. По пути с тобой могло случиться что угодно. Но такого поворота событий я, признаться, не ожидал. Что ты творишь с сердцами мужчин?

– Но люблю я только тебя, мой Гай. Дороже тебя нет никого в целом свете. Ни роскошь подарков, ни множество цветов от других никогда не затронут мое сердце. Я принадлежу тебе. Так с начала наших жизней определили мудрые боги.

Калигула, счастливо вздохнув, крепче прижал к себе любимую.

– Поедем ко мне, я сама омою тебя от крови, которая повергла меня в ужас. Признаться, я подумала, что ты ранен. Сегодня я приобрела множество прекрасных одежд. Их уже доставили в мой дом. Ты подберешь для себя по вкусу. Кстати, ты собираешься принять вызов Домиция? О, Аполлон, какой у него жуткий голос! Когда он предстал перед нами, я была поражена. Мы выехали из Капенских ворот, как вдруг нам преградили путь девушки с корзинами цветов, они принялись кидать перед нами розы, лилии, еще много невиданных цветов. И тут я услышала пение, сопровождаемое бренчанием на лире. Мы с Ливиллой чуть не умерли от смеха. А когда увидели самого Агенобарба, покоренного льва, были безмерно удивлены. Ливилла перед этим укоряла меня, расписывая его жуткий нрав. И тут такое. Влюбился! – Юния с хитрой улыбкой развела руками.

Калигула счастливо рассмеялся.

Они задремали под мерное покачивание носилок, занавеси не пропускали звуков шумной толпы, к тому же рабы несли их, обходя слишком оживленные улицы.

Дома Юнию уже ждала теплая ванна. Она усадила Гая в чан, сама омыла его, натерла лечебным бальзамом синяки, полученные при падении с лошади, и помогла облачиться в тунику. Правда, стоило ей самой снять окровавленную паллу и сесть в чан, как новая одежда Гая была вновь безжалостно испорчена. Он не сдержал желания присоединиться к любимой, как всегда, не тратя времени на раздевание. Уже привычная ко всему Гемма тихо зашла, когда, растянувшись, обнаженные, на кровати, они заснули, вытерла разбрызганную воду, собрала растерзанную одежду и поставила вино и легкую закуску.

Юния проснулась раньше. Тихо поднялась, тайком оделась и вышла. Гай безмятежно спал, раскинув руки.

Клавдилла зашла к отцу в таблиний. Марк Силан читал, изредка что-то помечая стилем на восковой дощечке.

– Дочка! – обрадовался Юний. – Гемма сказала, ты отдыхаешь после прогулки. Мне уже сообщили, что ты натворила в Саллюстиевых садах.

Юния удовлетворенно отметила про себя, что отец изменил отношение к ней, стал воспринимать любые ее поступки как должное.

– Ой, давай потом об этом поговорим. Мне нужно много денег.

– Сколько, моя Клавдилла?

– Не знаю, тысяча, пять, десять, сто тысяч сестерциев.

– Ты что-то хочешь купить? Может, я посоветую? – Марк был удивлен, зачем Юнии понадобилась столь крупная сумма.

– Отлично, тогда собирайся скорей. Мы едем покупать лошадь.

– Лошадь?

– Да. Я объясню все по дороге.

Когда Гай Цезарь очнулся ото сна, солнце уже клонилось к закату. Юнии рядом не было. Он поднялся, плеснул себе немного вина, отпил, отломил кусочек сдобной булочки.

Клавдилла не появлялась, Гай недоумевал. Вошедшая на зов Гемма сказала, что госпожа уехала с отцом уже довольно давно, но настоятельно просила ее дожидаться. Калигула прошел в таблиний Силана. Там он нашел навощенные таблички и стиль. Несколько слов он черкнул Макрону и отдал табличку вызванному рабу, а затем принялся перебирать свитки с творениями поэтов, вспомнив о вечернем состязании у Домиция. Интересно, что с Агриппиниллой? Наверное, половина ее роскошных волос осталась на поляне в Саллюстиевых садах. Рассмеялся, представив это зрелище. Жаль, не видел, как его возлюбленная заступилась за сестру, не испугавшись самого Агенобарба. Гай замечтался, выронив свиток из рук.

Вошла Кальпурния:

– Приветствую тебя, Гай Цезарь.

– Привет и тебе, почтенная матрона.

– Раб принес тебе письмо.

Калигула развернул таблички. Послание было от Фабия. Вернулся наконец-то! Едва не пропустил назначенное собрание братьев. Он стер написанное, затем набросал несколько строк, запечатал:

– Пожалуйста, распорядись, чтобы это доставили в дом Фабия Персика.

Кальпурния вышла и сразу вернулась:

– Раб, принесший послание, дождался ответа и убежал.

– Спасибо. А ты не знаешь, куда уехала моя Клавдилла?

Кальпурния в недоумении пожала плечами. Ей не терпелось расспросить Гая Цезаря о происшествии, которое горячо обсуждал весь Рим. Нехотя он удовлетворил ее любопытство, рассказав и о выходе Домиция на Аппиевой дороге. Кальпурния была в восторге. Восхищение и уважение к падчерице дали ростки в ее душе, прежде полной презрения и злобы. Но слишком поздно! Эти две сходные женские натуры могли бы в свое время понять друга и найти общий язык, но бессмертной Гекате было не угодно. Желая закалить Юнию одиночеством, испытать презрительным отношением близких, долгим ожиданием встречи с любимым, богиня не дала девушке сойтись ни с кем в целом мире, готовя ее в далеком будущем к воссоединению со второй половиной ее души.

Дом неожиданно наполнился звуками голоса возлюбленной. Она щебетала как птичка, веселая и шумная. Гай вышел из таблиния. Юния стояла посреди атриума, возбужденная каким-то радостным событием.

– Как? Ты проснулся? – закричала она, увидев Гая. – Уже проснулся? Иди же за мной! Там, на улице... Нет, тебе надо самому посмотреть!

Она схватила его за руку и потащила за собой. Гай в недоумении посмотрел на Силана и увидел, как счастливо тот улыбается, глядя на дочь.

Юния прикрыла Калигуле глаза и вывела за дверь.

– А теперь смотри. – Она убрала ладони.

Гай остолбенел. Перед ним раб держал под уздцы белоснежного коня. Конь был совершен: тонкие сильные ноги, небольшой круп, изящная голова, густая грива, на шее повязан алый бант. Он бил копытами, громко фыркал и пугливо косил глаза на незнакомых людей.

– Это мой подарок тебе, – рассмеялась Юния, наблюдая за восхищенным Гаем. – Его бывший хозяин сказал, что его зовут Порцелл⁸.

Калигула ласково коснулся гривы, погладил, конь не замедлил ткнуться мордой в его ладонь.

– Он – мой, – счастливо произнес Калигула. – Но я назову его Инцитатом⁹. Это имя больше подходит для такого красавца.

– Уверена, он не подведет тебя никогда.

– Конечно, милая, иначе и быть не может. Его обьезжали?

– Да, хозяин поручился за его покладистый нрав. Кстати, я приобрела ему роскошную сбрую и седло. Не хочешь совершить прогулку?

– Еще бы. Поедем вместе. Он сильный и легко увезет нас двоих хоть на край света.

– Нет, лучше я рядом поеду в носилках. К тому же Агенобарб ждет нас вечером. Что ты решил? Примешь вызов? – поинтересовалась Юния. Ей так хотелось, чтобы Гай победил Домиция.

– Да, я придумал уже одну шутку. Надо только послать за Мнестером. Агенобарб будет повержен.

Они отправились на Аппиеву дорогу. Калигула не переставал восхищаться конем, без конца свешиваясь с седла, чтобы поцеловать Юнию.

– Боги! – громко восторгался он. – Какой скакун! Я в жизни не ездил на лучшем. Юния, посмотри, какие у него глаза, чудная грива, роскошный хвост! А походка! Походка, как у искусной танцовщицы! Он грациозен, как финикиянка!

Послушный Инцитат выполнял все прихоти нового хозяина, кося глазами на испуганных прохожих. Люди шарахались от копыт во все стороны, когда Гай неожиданно ставил коня на дыбы или пускал с места в карьер. Юния с усмешкой наблюдала за возлюбленным и только отмахивалась в ответ на его предложения прокатиться вместе.

По пути она надумала посетить общественные бани, там влюбленные и провели остаток дня, обсуждая предстоящее состязание.

⁸ Поросенок (лат.).

⁹ Быстроногий (лат.).

XXIV

Приветливая Капуя утопала в роскошной зелени. Теплый апрель радовал ярким солнцем и буйным цветением плодовых деревьев, сады благоухали, щедро расточая дивный аромат. Шли дни праздника Цереры, и сегодня город готовился к принесению жертв в честь Матери Земли, улицы наполнились топотом и мычанием стельных коров, сгоняемых к алтарю. Сидящая на троне богиня с венком из колосьев на голове, с пучком колосьев в одной руке и с факелом в другой, милостиво созерцала праздничную суету, выслушивала молитвы и просьбы. Гаруспики уверяли, что первая жертва в ее честь – кабан, враг жатвы, была принята благосклонно и та же участь ожидает и остальные жертвы и приношения.

Сегодня, в семнадцатый день до майских календ, отмечали богатыми жертвами и праздник Венеры, одной из наиболее почитаемых в империи богинь. Ее мраморный храм был увит цветущими гирляндами, жрецы в белоснежных ритуальных одеяниях курили фимиами перед алтарем, изукрашенным барельефами. Каждый, кто искал заступничества и помощи прекраснейшей из бессмертных, приносил в этот праздник свою жертву: белую телку с вызолоченными рогами, кто побогаче, а кто победнее – голубей.

Прелестная Друзилла нежилась среди крупных лепестков роз, обильно усыпавших ароматную воду. Влюбленными глазами она рассматривала себя в зеркало, перебирая тонкими пальчиками тяжелые пряди вьющихся черных волос, выставляла стройные ножки и улыбалась тайным мыслям. Приятно в очередной раз изменить мужу, который считает ее образцом добродетели и слепо верит каждому слову. Эти тайные измены приносили ей необыкновенное наслаждение! О, скольким она рисковала, подливая ему в вино снотворные снадобья и ускользая по ночам с супружеского ложа! Но опасность придавала еще большую остроту ее любовным похождениям, когда она, надев светлый парик, искала приключений среди ночных прохожих или в грязных тавернах на окраине. Медные ассы, заплаченные проститутке, она бережно складывала в золотую шкатулку, и это жалкое богатство приводило ее в неистовый трепет, стоило дотронуться до затертых медных монет.

Ах, как часто она скучала по запретным ласкам своего необузданного брата! Все блага мира отдала бы сейчас за то, чтоб очутиться в его сильных объятиях, ощутить в ненасытном лоне его мощную сильную плоть, закричать от боли и наслаждения! О, прекраснейшая из богинь, приблизь этот миг!

Тихие шаги в комнате вырвали ее из сладких мечтаний – вошел ее супруг.

– Нежишься в розах, птичка моя? – спросил он.

Друзилла передернула плечами с недовольным видом, не ответила, лишь кинула быстрый недобрый взгляд. Она не любила своего мужа.

Луций Кассий Лонгин, бывший консул, патриций древнего рода, всегда ласковый и внимательный, ни разу не повысивший голоса, вызывал в ней глухое раздражение. Все бесило в нем: и безупречные складки белоснежной тоги, и изысканная прическа на старинный лад, и голубые близорукие глаза, и тихий, будто мяукающий голос, и, наконец, его манера разговаривать с ней, называя то «котиком», то «птичкой», то «птенчиком». Будь у нее возможность выбора, она бы предпочла получить в мужа грубого Агенобарба, а не мягкотелого Кассия. Она вначале тайком вздыхала о супруге сестры, пока не решилась заманить его на ложе. Он стал первым, с кем она изменила Луцию, затем последовала бессчетная череда любовников. Кассий не мог утолить в полной мере пыл ее желания, он предпочитал нежные игривые ласки, а часто попросту ложился спать, сказываясь уставшим. Она ненавидела эту его постоянную усталость, бесконечно ссорясь с ним в начале супружества, затем махнула рукой и стала обращать внимание на других, более крепких духом и телом мужчин.

– Я хотел лично позвать тебя завтракать, – сказал Кассий, не обращая внимания на ее недовольное лицо.

– Я уже поела. Несса приносила завтрак в мои покои. Так что ешь без меня. – Друзилла принялась опять смотреться в зеркало, накручивая прядку волос на тонкий пальчик.

– А из Рима пришли послания для тебя, моя птичка. От твоей сестры и Эннии Невии.

Друзилла оживилась. Томно потянувшись, так что округлая грудь с розовыми сосками показалась из лепестков, попросила:

– Луций, будь так мил, принеси их мне.

– Я могу пересказать тебе содержание. Я подумал, что у любящей супруги не может быть секретов от своего мужа, и прочел их.

Друзилла даже привстала от возмущения.

– Как же ты хороша, моя милая, – произнес с восхищением Кассий. – Признаться, я бы с удовольствием присоединился к тебе.

Друзилла промолчала, усилием воли подавив в себе нарастающий гнев. Спорить с Кассием было бесполезно, этот глупец не смог бы понять, что ее так разозлило. Она крикнула Нессе, чтоб та ее одевала. Луций с восторгом наблюдал за всеми действиями девушек и без конца восхвалял прелести супруги, пока Друзилла, не выдержав, попросила его замолчать.

Они перешли в триклиний, Друзилла возлегла на ложе напротив супруга, и, совершив возлияние богам, они отпили из широких хрустальных чаш.

– Дивное формианское вино! – воскликнул Кассий. – Всякий раз, пробуя его, я вспоминаю, что именно в Формии был убит лучший из ораторов – Цицерон! Он всегда для меня был образцом честного, принципиального человека!

Друзилла шумно вздохнула:

– Может, наконец я услышу, о чем написали мне из Рима?

– Ах, ты о посланиях! – беззаботно произнес Луций. – Твой брат, кажется, решил завести семью. Агриппинилла пишет, что он помолвлен с дочерью Марка Юния Силана.

У Друзиллы перехватило дыхание.

– Как помолвлен? – сдавленно спросила она. – Когда? Кто этот Силан?

– На эти вопросы отвечу благодаря письму Эннии. Силан недавно прибыл из Александрии. А с его дочерью твой брат был знаком еще с детства, Юний был другом вашего отца.

Друзилла откинула голову на подушки и нервно затеребила тонкие золотые браслеты. Один из них, сломанный, покатился по полу.

– Милая, они же стоят немало сестерциев, – с укором произнес Кассий. – Что за привычка портить дорогие вещи?

Следом покатился второй. Друзилла внешне казалась спокойной, но в сердце ее бушевало пламя ревности. Любовные клятвы преступной связи! Он растоптал их! А ведь обещал никогда не связывать свою судьбу с другой женщиной! Если б он стал императором Рима, то она поделила бы с ним власть! А тут какая-то неизвестная провинциалка! Друзилла не помнила, чтобы мать когда-либо рассказывала о знакомстве отца с Силаном.

– Я хочу вернуться, Кассий! Вернуться в Рим!

Недовольная гримаса Луция мгновенно превратилась в лучезарную улыбку, стоило ему увидеть ее глаза.

– Да, конечно, птичка моя, – ответил он.

Кассий даже не решился спросить, что так взволновало жену и почему она против помолвки брата. Грязные слухи о кровосмешении сразу всплыли в памяти. Луций, влюбленный в молодую красавицу, тогда закрыл на все глаза. Неужели это продолжается до сих пор за его спиной?

Друзилла, поглощенная своими мыслями, не заметила, как боль исказила его приятное лицо. Луций постарается отложить отъезд на более долгий срок, чем желает Друзилла, это в его власти. Она должна успокоиться и подумать, стоит ли вмешиваться в дела брата.

XXV

Небо затянули черные облака. Собиралась гроза, яркие вспышки прорезали небо где-то вдаль, глухо рокотал гром. Гай Цезарь в одиночестве сидел в своих покоях. Он до смерти боялся грозы, и больше всего ему хотелось очутиться в объятиях любимой, но Юния уже вторую неделю гостила у Ливиллы в ее загородном доме на Аппиевой дороге. Они провели там дни Цереалий, устраивая роскошные пиршества для друзей, чтобы, согласно обычаю, умиловать Цереру, дающую сытную пищу. Вся золотая молодежь Рима побывала у них в гостях.

Торжественные дни Цереалий сменили веселые Флоралии. Юния в письмах подробно описывала Гаю, как красиво убран дом цветочными гирляндами и венками, как славно они веселятся, надев разноцветные пестрые платья, и еще... как сильно любит и скучает по своему ненаглядному.

Калигулу же в Риме держали дела, связанные со свадебными торжествами, к тому же на майские календы он, как главный жрец арвалов, должен был объявить братьям о дне начала празднеств.

Он гордился, что недавно возглавил эту древнейшую коллегию, куда входило только двенадцать жрецов из числа знатнейших и влиятельных сенаторских семей. Еще год назад он был рядовым ее членом, но несколько месяцев назад место верховного жреца освободилось, и единогласно избрали его, одного из самых молодых. Сам тщеславный Калигула мало интересовался делами братства, переложив все заботы на плечи Тита Статилия Тавра Корвина, своего товарища по школе. Почти все остальные жрецы были ставленниками Тиберия, и Гай не доверял никому, кроме Корвина и Павла Фабия Персика, друга отца. Персик много лет состоял в братстве, поступив туда вместе с Германиком еще четырнадцати лет от роду. Он относился к Калигуле как к сыну, но весьма своеобразно: они вместе устраивали оргии, состязаясь в выносливости по части выпивки и женщин. Фабий часто уезжал из Рима, предпочитая беззаботную жизнь в Помпеях, где у него было богатое живописное имение, но его приезда Гай всегда ожидал с нетерпением.

Гней Домиций Агенобарб тоже числился жрецом братства, и это были единственные его обязанности, к которым он относился с уважением, потому что, несмотря на дикий нрав, глубоко чтит богов. Гемелл тоже входил в коллегию. Калигула ненавидел этого прыщавого тощего юнца, соглядатая и доносчика. Ирод Агриппа по его доносу продолжал сидеть в заточении, и это побуждало Гаю отомстить.

Сегодня Калигула обдумывал свое предложение, с которым хотел обратиться к коллегии. Тиберий в последнем письме изъявил желание, чтобы наследник предложил кандидатуру Марка Юния Силана взамен умершего в марте Луция Сальвия Отона. Отец Юнии гостил на Капри уже вторую неделю, и, к огорчению влюбленных, свадьбу пришлось отложить еще на месяц. Юния пересылала Гаю письма отца, который расточал дифирамбы цезарю, чудесному острову, красивой природе, щедрому гостеприимству, роскошным яствам, винам, которыми его угощали, великолепным виллам Тиберия, сопровождая их ядовитыми замечаниями. Они смеялись над Силаном, не без оснований подозревая, что старый Силан предавался самому гнусному и позорному разврату с любимцами цезаря.

Ливилла увезла Юнию к себе после долгих уговоров. Шутя, сестра намекала, что до свадьбы невесте нельзя видеть жениха, поэтому пусть томятся в разлуке. И прошло уже две недели. Любовная тоска сжигала сердце, но клятву придерживаться обычаев, данную Юнии перед отъездом, Гай нарушить уже не мог, поэтому большую часть времени, забывая о делах, предавался мечтам о первой брачной ночи, раздумывая, какой сюрприз преподнести новобрачной.

В этот вечер мечты его прервал номенклатор. Луч надежды в мгновение погас в глазах Гая – Юния обычно входила без доклада.

- Кто еще? – грубо поинтересовался наследник.
- Ваша сестра, Гай Цезарь, – почтительно доложил раб.
- Пусть войдет.

Опять несносная Агриппинилла. Она еще не может отойти от той оргии, когда они с Домицием соревновались в искусстве пения. Но появилась не она.

- Здравствуй, брат. – Калигула услышал голос Друзиллы.

Она ворвалась как вихрь, шумная, разодетая в яркие одежды, усыпанная драгоценностями, как гетера. Сразу бросилась на шею, принялась целовать.

- Когда ты вернулась? – недовольно спросил Калигула.
- Час назад я въехала в Рим. Кассий уже в нашем доме, а я решила с дороги навестить тебя. Слухи о твоей помолвке дошли до Капуи уже давно. Хочу увидеть твою невесту.
- Как же ты не примчалась сразу? Очередной любовник задержал?
- Угадал. Не хотелось оставлять так хорошо начатое. Одевайся, поедem к твоей невесте. – Друзилла поднялась с колен брата. – Она так же красива, как и я? Помнится, моим ласкам ты всегда отдавал предпочтение.

– Забудь об этом. Ты просто напоминала мне ее. Как я мог так долго заблуждаться, считая, что вы похожи меж собой? Она в тысячу раз прекрасней тебя.

Друзилла гневно посмотрела на него, затем обернулась к зеркалу. Бесстрастный металл отразил прекрасную черноволосую девушку. Ее нежное овальное личико обрамляли затейливые завитки прически, носик, капризно вздернутый, свидетельствовал о переменчивом нраве, а полные чувственные губы, слегка тронутые алым кармином, манили к поцелуям. Друзилла любила себя. Она провела руками по полной груди, изящные руки скользнули вниз, задержавшись на тонкой талии, сладострастно изогнувшись, девушка положила ладони на округлые бедра.

- Скажи, мой неверный, неужели я, признанная красавица империи, могу в чем-то уступить безвестной провинциалке? – Ее тихий хриловатый шепот всегда сводил мужчин с ума.
- Да, – краткий ответ Калигулы прозвучал как смертный приговор.
- Даже прекрасная Энния уступила ей лавры?
- Сразу.

Друзилла задумалась. Она стремилась увидаться с братом в надежде на преступную близость. Она скучала без его объятий, грубоватых ласк, но, встретив его, поняла, что надежда улетучилась.

– Где она живет? Если ты не намерен ехать, отправлюсь сама, – решительно сказала она. Ей не терпелось увидеть соперницу.

– Они с Ливиллой уехали за город две недели назад. Моя сестра увезла ее, чтоб мы не виделись до свадьбы, согласно обычаям. Если б моя Юния оставалась в Риме, мы бы не расставались ни на миг. Я еле сдерживаюсь, чтоб не вскочить на коня и не помчаться к ней.

– Смотри-ка, какая сильная любовь. Уж не думала, что ты способен на такие чувства. Что ж, вероятно, она их достойна, судя по слухам, доходившим до Капуи.

Калигула недовольно посмотрел на сестру. Любительница сплетен! Друзилла ласково погладила его по щеке:

– Не хмурься, Гай! Все в Риме судачат о вас. Представляю, что услышу еще. Зато, говорят, ее отец очень богат благодаря милостям Тиберия. Ты вернешь все долги.

- Я не беру за Юнией приданого.

– Что?! – Друзилла округлила глаза. – Ты сумасшедший! Почему? Если Тиберий разрешил устроить свадебные торжества за счет императорской казны, то это не значит, что ты сможешь запустить туда руку за деньгами на собственные нужды. Ненормальный!

– Мне не нужны деньги моей возлюбленной!

Сестра подскочила и нервно заходила по комнате. Сломанный золотой браслет со звоном покатился по полу, Друзилла даже не заметила этого. Следом запрыгал второй.

– Не ломай украшения, – сказал Калигула.

Это только еще больше разозлило сестру. В гневе она принялась разбрасывать кольца и рвать на клочки легкую шаль.

– Друзилла, успокойся же наконец, иначе ты уйдешь отсюда обнаженной.

– Я спокойна, брат! А ты – полный идиот! Ты глупей дяди Клавдия!

Калигула схватил ее за руки и насильно усадил в мягкую катедру:

– Какое тебе дело до приданого? Что ты лезешь не в свои дела? Даже Агриппинилла держит подальше свой любопытный нос!

– Ах, моя бедная сестричка! После того, что устроил ее дикий Агенобарб! Не без вашей помощи! Она на улицу стыдится выходить! Я получила ее письмо...

– А, вот в чем дело! – воскликнул Калигула. – Агриппинилла пожаловалась на меня! О боги, я могу умереть со смеху! Моя Друзилла – защитница обиженных! Ты потому и приехала, чтобы усмирить меня и устранить с дороги Юнию, зная, что я испытываю к тебе далеко не родственные чувства. Но ты просчиталась, мудрая. Хочешь, открою тайну моей склонности к тебе? Вы похожи с Юнией, как мне тогда казалось. Теперь-то я вижу, что ты подобна ее отражению в мутной воде. Но я воображал все эти годы, что занимаюсь любовью с ней. Я просто пользовался тобой, Друзилла, чтобы заглушить тоску по возлюбленной!

Жемчуг с шеи молодой женщины рассыпался по полу.

– Я ненавижу тебя, брат!

Друзилла расплакалась и выбежала из комнаты. Вслед ей донесся смех Калигулы. В атриуме она столкнулась с Фабием Персиком.

– Ах, красавица! – воскликнул он, останавливая ее. – Что вызвало твои слезы? О боги! Как такие прекрасные глаза могут плакать? Друзилла, душа моя, не спеши убегать. Тебе известно, что я давно схожу с ума от твоей красоты. Брат расстроил тебя?

Друзилла аккуратно промокнула глаза кончиком алой паллы и приветливо улыбнулась Персику:

– О, просто семейная ссора. Она не стоит твоего внимания, Фабий.

– Все, что связано с тобой, моя прелесть, интересно мне. Не спеши, давай поговорим еще немного.

Он нежно взял ее за руку и провел в огромный благоухающий чудными цветами перистиль дворца. Там они присели у фонтана. Рабы поспешно затягивали толстым полотном компливий – собиралась сильная гроза.

Фабий сорвал огромную желтую розу и положил на колени своей собеседницы. Она поднесла ее к губам, игриво посмотрев на Персика. Как он красив! Высокий, статный, золотые волосы тщательно завиты, тога безупречна, а синие глаза глядят так нежно. Ее хорошенькая головка закружилась от аромата его волос. Мысленно Друзилла сравнила его с Калигулой! Пусть Фабий годится ей в отцы, но зато он безупречен. Прекрасные манеры, тогда как ее братец нагл и бесцеремонен, редящие рыжие волосы вечно в беспорядке, тога измята. Павел, несмотря на возраст, сложен как молодой атлет, тогда как у Калигулы чересчур худые ноги, длинные ступни, а торс мощный и волосатый. Друзиллу даже передернуло от отвращения.

– Скажи, Фабий, а эта девушка из Александрии действительно очень красива? Говорят, пол-Рима сходит по ней с ума!

Персик испытующе посмотрел на нее.

– Из-за нее произошла ссора? – ответил он вопросом на вопрос.

– Нет или, скорее, да. Калигула вспылil, стоило мне сказать, что он глупец, потому что отказался от огромного приданого.

– Признаться, смело сказано, – рассмеялся Персик. – Но с Гаем творится что-то непонятное. Я знаю его с детских лет, но никогда не видел таким. Он искренне любит Юнию и столько лет скрывал это от мира, а сам тайком добивался у цезаря возвращения ее семьи. Как-то раз, лет восемь назад, в бане я заметил, что на шее у него болтается железное кольцо, то, что надевают девушке при помолвке. А теперь это кольцо, порядком поцарапанное, носит на пальце Клавдилла.

– Кстати, я спросила, красива ли она, а ты ушел от ответа, – отметила наблюдательная Друзилла, как бы ненароком касаясь рукой колена Фабия.

– Знаешь, прекрасная, мое знакомство с ней состоялось весьма необычно. Ты слышала историю об Агенобарбе?

Друзилла кивнула.

– Мне кажется, тогда я увидел настоящий лик Юнии. Я вышел из-за деревьев и остановился, пораженный, застав конец происшествия. Огромный Домиций лежал, распластавшись на земле, а на его груди сидела, прижав к его горлу короткий меч, тоненькая девушка. Но меня поразила не сама занятая картина, а лицо этой девушки. Будто злобная Мегера явилась предо мной.

Фабий в раздумье замолчал, отрешенно глядя в воду, где плескались золотые рыбы. Друзилла, пораженная сказанным, тоже молчала. Она начинала понимать, что нашла прекрасная александрийка в Калигуле.

Персик первым стряхнул наваждение и почтительно взял изящную руку Друзиллы. Тонкие пальчики скрылись в его широкой ладони.

– О боги, благодарю вас, – напыщенно произнес он, – за это прекрасное мгновение.

Красавица заулыбалась.

– Мы сможем увидеться вечером, несравненная Друзилла? – шепнул Фабий. – Кассий Лонгин не воспрепятствует тебе?

– О, нет! Я собираюсь навестить Ливиллу. Она выехала в свой загородный дом. Почему бы и тебе не нанести ей визит?

– Договорились.

Фабий осторожно привлек к себе Друзиллу и нежно поцеловал ее пунцовые губы. Затем у выхода они распрощались, и Персик направился в покои к Гаю.

Калигулу он застал развалившимся на кровати. Уставившись в расписной потолок, он громко вздыхал.

– Ты грустишь, сынок? – спросил Фабий.

– Приветствую тебя, Павел. Я скучаю по своей невесте. Прождать ее столько лет, чтобы теперь противная Ливилла лишила меня ее общества.

– Я встретил Друзиллу, – многозначительно произнес Фабий.

– А! – протянул равнодушно Калигула. – Мою злобную сестру. Она оставила все свои драгоценности в моей комнате. Будь добр, позови рабынь. Пусть все соберут с пола и отправят ей домой. Это ж надо так бесноваться, чтоб поломать все браслеты и порвать жемчуга.

– Прямо от тебя она поехала к Ливилле.

– Что?!! – Калигулу будто подбросило на кровати.

– Не волнуйся, сынок. Я имел с ней долгую беседу. – Мечтательный тон Фабия заставил Гаю насторожиться.

– Ты что, собираешься соблазнить ее? – спросил он.

– Ты против?

Калигула рассмеялся. Фабий по-хозяйски расположился у столика с закусками, налил в чашу вина.

– Угощайся, друг, – запоздало пригласил Калигула. Павел кивнул с набитым ртом.

– Друзилла что-то задумала. Мы всерьез поругались. Она не простила мне, когда я сказал, что Юния красивей ее. Ты представляешь, какой была реакция. Признанная красавица империи! А тут... Ну, сам понимаешь...

– Я сделал попытку, – произнес Фабий, прожевав, – и, оказалось, она благоволит ко мне. Я тоже еду к Ливилле. Напишешь послание для возлюбленной?

– Нет, я еду с тобой.

– Опасаешься за Юнию?

– И да и нет. Но мне уже донесли, что ненормальный Домиций отправил туда полные носилки роскошных роз и собирается вечером сам нанести визит. Агриппинилла в бешенстве, заперлась и никого не принимает. Я слышал, она на коленях вымолила у Макрона свободу для мужа, а тот вместо благодарности вырвал половину ее волос. Если б Юния не вступилась... А тут он еще по уши влюбился в Клавдиллу, которой моя сестра обязана едва ли не жизнью и которую она недолюбливала с первой встречи. Ох, Фабий, слышал бы ты, как ловко осадила тогда ее Юния. Она даже не нашлась, что ответить.

– Расскажи лучше о состязании на пиру у Домиция. Слухи ходят самые противоречивые, – попросил Персик.

В этот момент гроза разразилась над Палатином проливным дождем и грянул мощный раскат грома. Фабий тактично отвернулся, заметив, как побледнел и сжал зубы, пытаясь унять дрожь, Калигула.

– Знаешь, Павел, как-нибудь в другой раз ты услышишь эту историю, – срывающимся голосом сказал Гай. – Сейчас я буду занят, вероятно, не смогу посетить и собрание нашей коллегии. Кроме того, Статилий Корвин сможет вместо меня объявить о дне начала наших празднеств. Я предупредил всех братьев, что после заката мы собираемся в его доме.

– Так ты не поедешь со мной к Ливилле? Я думаю выехать после встречи с братьями.

– Нет, я отправлюсь, как только прояснится небо. Вдруг гроза затянется на всю ночь? Скажи, я могу доверять тебе?

– Конечно, сынок. Я все сделаю, как надо. Твою любимую не обидит никто.

Когда Фабий наконец-то ушел, Калигула приказал рабам зажечь все светильники. Новый раскат грома застал его за пологом кровати с судорожно стиснутыми зубами. Он проклинал свою слабость, но ничего не мог поделать.

Раздался тихий стук, и малиновая занавесь откинулась. По неровной шаркающей походке Калигула догадался, что к нему зашел дядя Клавдий.

– Что тебе нужно, Клавдий?

– Гай Цезарь, приветствую, я вернулся в Рим позавчера, – раздался в ответ тихий, дребезжащий голос, – и пришел скрасить твоё одиночество во время этой жуткой грозы.

Раздался новый раскат, заставивший Калигулу еще сильнее втянуть голову в плечи.

– Гай, гроза – это не гнев Юпитера, как толкуют нам жрецы, – вновь послышался голос Клавдия. – Обычное природное явление. Не стоит так бояться. Молнии не причинят вреда, пока у тебя крыша над головой.

– Дядя, оставь меня в покое. Я просто ищу перстень своей ненормальной сестры, она в бешенстве раскидала свои драгоценности.

Косматая голова Клавдия заглянула в его убежище.

– Выпьешь вина? – спросил он, по обыкновению слегка заикаясь. Он грузно уселся на шкуру пантеры около кровати, налил в хрустальную чашу из высокого кувшина и протянул Гаю.

– Совершим возлияние Юпитеру, – сказал Гай. – Пусть быстрее уймёт свой гнев.

Они выпили, потом долго молчали. Гром грохотал уже тише, гроза удалялась в сторону Целийского холма. Дождь стучал не так сильно.

– Скоро небо совсем прояснится, – заметил Клавдий и, помолчав, добавил: – До меня дошли последние новости с Капри.

Калигула задумался: к чему клонит этот старый гусь? Брат Германика! Ни тени сходства! Грузный, хромающий старикан на тонких трясущихся ногах, слова не может произнести без мучительного заикания. «Урод, выродок» – так всегда презрительно называла его язвительная Ливия.

– Юний Силан сейчас с визитом у цезаря, он часто пишет дочери о происходящем на острове, – сказал Гай, осторожно высовывая голову из-под кровати.

– Ты не понял, о чем я толкую. Тебе известно, что Тиберий изменил завещание?

Забыв свои страхи, Гай вылез наружу.

– Как изменил?

– Теперь ты не единственный наследник власти. По достижении совершеннолетия вместе с тобой будет править Гемелл. Осталось три года. Харикл, врач Тиберия, утверждает, что цезарь проживет гораздо дольше. А ты же понимаешь, что стоит Гемеллу надеть тогу совершеннолетнего, как Тиберий нанесет удар по последнему из сыновей Германика. Друз и Нерон, твои братья, уже давно блуждают по полям Аида. У тебя есть все шансы, чтобы присоединиться к ним.

Во время речи Клавдий даже ни разу не заикнулся. Но потрясенный Калигула не обратил на это внимания.

– Как ты узнал об этом?

– Разве это имеет значение? Важно лишь то, что источник надежен. И еще мне сообщили, что появился второй документ о наследовании власти над империей. О нем не знает никто, кроме Тиберия и заверивших его. Он спрятан, и ему пока не дают хода. Но мы ведь не сможем предугадать всех событий, как и того, какое из завещаний будет оглашено в сенате после смерти цезаря.

Клавдий не хотел выдавать своего старого друга Фрасилла, сообщившего эти новости.

– Я поеду к себе, племянник. А ты подумай, как тебе поступать. Когда-то давно я дал своему любимому брату клятву защищать и оберегать его детей. Мне не удалось спасти самонадежного Друза и тщеславного Нерона. Тиберий долго выжидал, прежде чем нанес удар. Но теперь я хочу спасти тебя, спасти любой ценой. Ты должен продолжить славный род моего брата, имя Германика не будет потеряно.

Хромая, точно Вулкан, Клавдий вышел. Калигула остался в одиночестве. Гроза уже ушла из Рима, оставив на прощание несколько сгоревших от молнии домов. Гай размышлял недолго и, хлопнув в ладоши, вызвал Ботера:

– Мою тунику, панцирь. Вызови преторианцев для сопровождения! И вели седлать Инцитата. Я уезжаю, пока тьма не окутала город.

Ему надо было срочно увидеть Юнию и сообщить ей тревожные новости.

XXVI

Юния с Ливиллой наслаждались покоем, днем гуляли в чудесном парке, а вечерами допоздна засиживались в уютной плющом беседке, болтая обо всем на свете. Виниций изредка приезжал из Рима, где помогал Гаю Цезарю в организации свадебных торжеств, и девушки отдыхали от мужского общества. Они искренне привязались друг к другу, каждая была довольна тем, что у нее появилась подруга. Юния не могла наслушаться рассказов о Гае, а Ливилла, видя, что это доставляет ей удовольствие, с радостью повествовала ей обо всех его похождениях.

Беззаботно летели римские праздники, Юния с головой окунулась в веселую суету. Она почти не думала о Макроне, искренне радуясь, что вырвалась из-под его незримого наблюдения. Ссора с Эннией тоже забылась. Клавдилла строила различные планы, как избавиться от Кальпурнии, женить отца на римлянке. Она мечтала о мести ненавистной мачехе.

Однако спокойствие их было нарушено совсем скоро. Как-то ранним утром прибыли роскошные носилки, полные прекрасных цветов.

– Это Гай прислал! – закричала Юния, вбегая в покои к Ливилле с полной охапкой роз.

– Не думаю, – сказала Ливилла. – Он же дал клятву, что ничем не будет напоминать о себе до свадебной церемонии.

Они выбежали во двор. Раб, сопровождавший носилки, почтительно подал свиток с посланием. Юния, нетерпеливо сорвав печать, развернула его и возмущенно отбросила:

– Кто бы, ты думала? Домиций Агенобарб!

– О боги, – изумилась Ливилла. – Ата совсем помутила его разум! Теперь вечером жди визита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.